

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 3
(июль–сентябрь)

2015

**CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK**

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

№ 3

(JULY-SEPTEMBER)

2015

УДК [32+316.3+94](051.2)
ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№3 (июль–сентябрь)

E-journal «Perspectives and prospects»
2015
№3 (July–September)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411-3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая — кандидат исторических наук, главный редактор;
Н.А. Нарочницкая — доктор исторических наук;
Е.Н. Рудая — кандидат исторических наук;
В.Г. Федотова — доктор философских наук;
Л.Н. Шишелина — доктор исторических наук;
П.П. Яковлев — доктор экономических наук;
А.В. Щербина — кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

УДК [32+316.3+94](051.2)
ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2015

Содержание:

Национальное государство в XXI веке

Юрий ГРАНИН. Национальное государство в эпоху постмодерна: угрозы и перспективы	5
Екатерина НАРОЧНИЦКАЯ. Государство и вызов сепаратизма: между сецессией, автономией и новым регионализмом	20
Ирина КУДРЯШОВА. Арабское государство до и после «арабской весны»	38
Петр ЯКОВЛЕВ. Государство и общество в Латинской Америке: история и современность	63
Александр БАРСУКОВ, Сергей БИРЮКОВ. Этнорегиональные партии и политический процесс в Бельгии	83
Елена ПИНЮГИНА. Исламизация Великобритании: социально-политические последствия	100
<hr/>	
Владимир КОНДРАТЬЕВ. Мировая экономика в условиях дешевой нефти	119
Петр ЯКОВЛЕВ. Испания: эффекты кризиса и посткризисная модель развития	139
Authors	156
Abstracts and Keywords	157

Contents:

The Nation State in the 21st Century

Yury GRANIN. The Nation State in the Post-modern Era: Threats and Prospects	5
Ekaterina NAROCHNITSKAYA. The State and the Challenge of Separatism: Between Secession, Autonomy and New Regionalism	20
Irina KUDRYASHOVA. The Arab State before and after the Arab Spring	38
Petr YAKOVLEV. State and Society in Latin America: then and now	63
Alexander BARSUKOV, Sergey BIRIYUKOV. Ethno-regional Parties and the Political Process in Belgium	83
Elena PINYUGINA. The Islamisation of Britain: the Social and Political Consequences	100
<hr/>	
Vladimir KONDRATEV. The World Economy under Cheap Oil Prices	119
Petr YAKOVLEV. Spain: the Effects of Crisis and a Post-crisis Model of Development	139
Authors	156
Abstracts and Keywords	157

УДК 327; 140.8

Юрий ГРАНИН

Национальное государство в эпоху постмодерна: угрозы и перспективы

Аннотация. Угрозы многим национальным и многонациональным государствам Европы связаны с эрозией их «культурного фундамента» (культурного кода), на котором выстраиваются национальные идентичности. Вызовы последним инспирируются не только идеологией неолиберализма, воплотившейся в политических принципах толерантности, политкорректности и мультикультурализма, но и распространением комплексного идейного течения (мировоззрения) постмодернизма, выразившего трансформацию духовности евроатлантической цивилизации, ее отказа от ценностей христианства и Просвещения.

Ключевые слова: глобализация, государство, культура, мультикультурализм, нация, политкорректность, постмодернизм.

Вопрос о судьбе национального государства в эпоху постмодерна [1] продолжает оставаться в горизонте неопределенности. В настоящее время дискуссии выстраиваются по принципу «оптимисты — пессимисты». Первые считают, что традиционные формы не исчерпали свой исторический ресурс, и требуют возврата к международному общежитию, субъектами которого были бы не наднациональные институты политической, экономической и культурной сфер жизни, а, как и прежде, суверенные национальные государства. Вторые связывают основные надежды с отмиранием национального государства, радикальным изменением принципов современного политического устройства мира и выстраивают политические проекты «сетевого общества» (М. Кастельс), «континентальных федераций» (А.Г. Дугин), «общества множеств — рескоммуны» (А. Негри, М. Хардт), возглавляемой США «глобальной демократической империи» (Н. Фергюссон), «глобального гражданского общества» (Д. Дарендорф, Э. Гидденс), «глобального гражданства» (Ю. Хабермас, М. Эван) или «космополитического государства» (У. Бек) [2].

По мнению У. Бека, европейцы лишь «делают вид, будто все еще существуют Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Португалия и т.д. Но их давно уже нет, так как закрытые национально-государственные держатели власти и отделенные друг от друга границами государства стали ирреальными самое позднее с введением евро» [3].

Сведения об авторе: ГРАНИН Юрий Дмитриевич — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Академии медиаиндустрии, доктор философских наук, профессор; maily-granin@mail.ru.

Думаю, это ошибочное утверждение. Но верно то, что научное осмысление проблемы трансформации национальных государств в современном мире осуществляется в пределах сложных и весьма разнообразных онтологических ландшафтов, в границах которых понятия «глобализация» и «национальное государство» перманентно меняют свое содержание, иногда вплоть до противоположного.

В частности, когда пишут о закате национального государства, в большинстве случаев имеют ввиду все современные государства, не потрудившись различить в их числе государства национальные (со сложившимися в пределах этой политической формы нациями: Франция, Польша, Германия, Япония), псевдонациональные (объявленные «национальными», но в действительности созданные на родоплеменной и этнической основе — к их числу относятся почти все постколониальные государства Африки и многие государства Азии) и многонациональные (федеративные государства, включающие в свой состав несколько сложившихся «этнонаций»: Испания, Великобритания, Италия, Россия). В последних нация как связанная посредством воображения и сплоченная общими чувствами идентичности и солидарности, общими ценностями прошлого и настоящего устойчивая социокультурная общность людей, политически объединенных в одном государстве, еще не сложилась.

Понятно, что судьбы этих государств в условиях современной (неолиберальной) исторической формы глобализации [4] будут в силу многих причин разными. Большинство современных исследователей указывают на вынужденную утрату многими государствами второго и третьего эшелонов развития значительной части экономического и политического суверенитета под давлением США и их союзников по G-7, а также МВФ и прописанных в странах «семерки» ТНК. Часть государств готовы добровольно отдать свои суверенные полномочия, выстраиваясь в очередь на вступление в НАТО, Евросоюз и другие международные организации. Некоторые, как Украина, находятся под внешним управлением и уже утратили статус суверенного государства.

Однако речь в данном случае не о тотальном политическом и экономическом насилии, которое стало нормой международных отношений в последние годы. Угрозы всем национальным и многонациональным государствам Европы связаны с эрозией их культурного фундамента (культурного кода), на котором выстраиваются национальные идентичности. И дело не только в идеологии неолиберализма, воплотившейся в политических принципах толерантности, политкорректности и мультикультурализма, но и в распространении комплексного идейного течения (мировоззрения) постмодернизма, выразившего трансформацию евро-атлантической цивилизации, ее отказ от ценностей христианства и Просвещения. Противостоять насилию евро-атлантической масскультуры, ориентированной на «глобальное потребление», способна, на мой взгляд, продуманная государственная политика, сочетающая традицию и современность в контексте сохранения национальной идентичности.

В эпоху глобализации народы многих стран мира поставлены перед проблемой сохранения прежних и поиска новых идентичностей. Кризис идентичности, отмечает С. Хантингтон, охватил все крупные государства Европы, Азии и Америки. В итоге почти

повсеместно, не исключая США и России, идет процесс фрагментации национальной идентичности, которой «пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным» из-за открытости границ и роста миграционных потоков, способствовавших образованию в пределах национальных государств инокультурных диаспор, не желающих интегрироваться в национальную культуру [5].

В современной литературе представлено множество типологий и классификаций идентичности. Их подразделяют на «индивидуальные» и «групповые», «позитивные» и «негативные», «локальные» и «надлокальные», «фундаментальные» и «релятивные». В качестве фундаментальных признаются расовые, этнические, национальные и цивилизационные идентичности, связанные с антропологическими, языковыми, культурными и религиозными различиями людей.

Каждый индивид является носителем комплекса многочисленных иерархически связанных идентичностей, часть из которых актуализируется с изменением географического, политического и социокультурного пространства его жизни. Но поскольку процедуры индивидуальной идентификации осуществляются в чувственно-эмоциональной и когнитивной формах, включая в себя мысленное отнесение к той или иной группе, содержание полученного в акте самосознания ответа на вопрос «Кто Я (Мы)?» в полной мере зависит от ценностно-оценочных представлений и знаний о «Них» — «Других». В конечном счете идентичности представляют собой индивидуальные и групповые конструируемые — вербализованные результаты отнесения к «воображенным общностям» (Б. Андерсон), определяемые, в свою очередь, предшествующим воспитанием, образовательным и культурным багажом и наличествующим в данный момент окружением.

Поэтому угрозы национальной идентичности исходят не только от потока инокультурных мигрантов, этнокультурного и политического сепаратизма. В современном мире вызовы идут от глобального экономического, политического и информационно-культурного (символического) «насилия», властно формирующего новые — транснациональные (культурные и политические) идентичности и реанимирующего старые — архаичные (субнациональные, мифопоэтические, религиозные) идентификации. Их сочетания в индивидах и группах весьма причудливы и разнообразны, как разнообразны экономические, политические и культурные параметры жизни государств и народов, включенных в глобализацию.

Не вступая в полемику о содержании термина «глобализация», по поводу которого до сих пор идут оживленные дискуссии, отмечу лишь всемирно-исторический характер этой мегатенденции к поэтапному объединению человечества, на протяжении столетий реализовывавшейся в попытках организации общего пространства жизни народов и государств на основе разных цивилизационных моделей развития [6]. Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций. Мощнейшим политическим средством «переплавки» и интеграции элит и населения обширных территорий в большинстве случаев была империя. Так, параллельно и сменяя друг дру-

га в качестве лидеров, на просторах Евразии развивались «китайская», «индийская», «эллино-македонская», «римская», «арабо-мусульманская», «западноевропейская» и «евро-атлантическая» формы глобализации. Этим формам соответствовали свои полюсы регионального и межрегионального развития.

Ни одна из исторических попыток глобализации человечества не увенчалась полным триумфом. Но каждая способствовала экономическим, политическим и культурным трансформациям населяющих регионы социумов, увеличивала число и протяженность транспортных, торгово-экономических, политических и информационно-культурных «сетей» и коммуникаций, содействовала переносу за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни, распространению знаний и артефактов.

Наиболее масштабной и успешной была выросшая из западноевропейской евро-атлантическая форма глобализации, завершившая процесс становления всемирной истории. Локальные истории первобытных и постпервобытных (кочевых и аграрно-ремесленных) обществ, политически оформленных в ранние государства и их аналоги, превратились в региональную историю древних и средневековых этнических государств и империй, а затем — и во всемирную историю наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй. Человечество оказалось связано не только силой государственных форм территориального контроля, но и новыми *анонимными* системами власти: транснациональными организациями и многонациональными корпорациями.

Становление и развитие евро-атлантической глобализации сопровождалось распространением новых политических форм общежития и социальных общностей: «национальных государств» и «наций» [7]. По сути, эта историческая форма глобализации представляла собой «модернистский проект» и была органически связана с идеалами Просвещения, предписывавшими для лингвистически, конфессионально и культурно разных народов в Европе и за ее пределами оптимальное устройство пространства совместной жизни — на основе не традиций, но рационально сформированных общей «памяти», общих «ценностей» и общей «судьбы». Однако проект модернизма с характерной для него верой во всемогущество человеческого разума уже в конце XIX в. был подточен ницшеанством, в первой половине XX в. подорван двумя мировыми войнами, тоталитаризмом и структурализмом и, наконец, почти совсем разрушен во второй половине XX столетия культурным и философским постмодернизмом.

Формирование этого мировоззрения началось в 1960-х годах на волне кризиса «старых» либеральных демократий, студенческих «революций» в Западной Европе, борьбы за права и свободы расовых меньшинств в США, с одной стороны, и деколонизации мира — с другой. Его характерной чертой стал *стратегический релятивизм*, поставивший под сомнение ценности, практики и институты эпохи модерна. После вступления США, Канады и Западной Европы в постиндустриальную фазу развития, обеспечившую

беспрецедентный экономический рост и формирование в этих странах «общества потребления», эта установка была поддержана политическими и экономическими транснациональными элитами. Они абсолютизировали идею «свободы от», распространив ее не только на свободу экономики от государственного регулирования, но и на другие унаследованные от эпохи модерна формы общежития. Так возникла «постсовременность» (постмодерн) с культом «личной свободы» и абсолютизацией «равенства».

Подняв на щит идею равноценности и равноправия всех истин, всех культур и идентичностей, постмодернизм бросил интеллектуальный вызов не только национальной идентичности и национальным формам общежития. Под сомнение были поставлены основы всей претендующей на глобальное господство евро-атлантической цивилизации: классическая наука, с ее пафосом рационального познания мира и презрением к религиозным догмам и суевериям, и культура модерна, с ее вниманием к общечеловеческим ценностям и классическим образцам. В социальных науках упор был сделан на «эпистемологический поворот»: переход к новой теоретической оптике, характеризующейся отказом от парадигмальных образцов естествознания и равноправностью дискурсов любого рода. В культуре — на ее плюрализацию, виртуализацию и визуализацию. Модернистской установке на искусственную гомогенизацию, «выравнивание» социокультурного пространства постмодернизм противопоставляет якобы естественную плюральность последнего: растущее множество отдельных вполне конкурентоспособных образований — «картин мира», идеологий, мировоззрений, научных парадигм, политических, экономических и культурных практик, образов жизни и т. п. Тем самым в культурное пространство современного Запада возвратились, казалось бы, давно вытесненные из него архаичные дискурсы и практики: мифы, древние формы религиозных культов, алхимия, астрология, магия. Вырос интерес к расовой и этнической реальности, языку, фольклору, быту, традициям и обычаям, маргинальным объектам и ситуациям — «безумию», «порнографии», «однополом бракам» и «сексуальному насилию».

В результате использования характерных для постмодернизма интеллектуальных стратегий децентрации и деконструкции подвергается разрушению выстроенное наукой в эпоху модерна западоцентричное (евро-атлантическое) представление о характере становления и эволюции всемирной истории, ее разделение на «развитый» Центр (Запад) и догоняющие его «периферию» и «полупериферию». В исторических и социальных науках появилось мощное интеллектуальное направление реориентализма, заявившее о необходимости выхода за пределы абстрактного универсализма и «логики евро-атлантической модерности» (отмеченной колониализмом и имперским различием) в пространство «глобальной истории», контр- и трансмодерности. Это пространство будто бы позволяет создавать не менее эффективные, чем евро-атлантические, проекты и модели развития, постепенно ведущие к нерепрессивной по отношению к «отставшим» народам глобализации.

Нет сомнения, что в русле реориентализма/постмодернизма были достигнуты впечатляющие результаты. Парадигма «трансубъектности» Г. Ансальдуа, феномен «межсекционности» (связанный с пересечением и слиянием в опыте небелых женщин рас-

овой дискриминации с гендерной, классовой и сексуальной), проанализированный афроамериканкой К. Креншоу, концепции «преодоления хюбриса нулевой точки» колумбийца С. Кастро-Гомеса и «трансмодерности» Э. Дуссея, концепция «ситуативных знаний и идентичностей» Д. Харрауэй, методология «порабощенных» Ч. Сандоваль и «игровая идентичность» М. Лугонес, концепция «реляционной этики и идентичности» сапатистов и плюралистическая герменевтика В. Миньоло — все это, безусловно, расширило и обогатило пространство интеллектуального поиска.

Однако безоговорочное отторжение отечественными адептами постмодернистской философии и методологии модернистского дискурса настораживает. Они пишут о наличии в нем «европейских имперских категорий», которые якобы «современная эпистемология вышвырнула как ненужные», об отсутствии в нем «оригинальных мыслительных традиций, к которым можно было бы вернуться», призывают к размежеванию с риторикой модерности, к акту «эпистемологического неповиновения». «Без этого шага, — пишет М.В. Тлостанова, — деколонизация сознания и бытия окажется невозможной, и мы останемся в рамках внутренней оппозиции европоцентричным идеям модерности» [8]. Но вот если мы сделаем этот шаг, научившись «забывать все то, чему нас учили прежде, освободиться от мыслительных программ, навязанных нам образованием, культурой, средой, отмеченной имперским разумом», тогда изменятся «география и биография разума и знания, возникнет транс-эпистемологическое взаимопроникновение и полилог», которые будут способствовать созданию трансмодерного мира, где «не будет господствовать идея агона как смертельного соревнования» [9].

Неужели автор всерьез полагает, что неравенство, дискриминация и борьба в современном мире вызываются только наличием «мыслительных программ», отмеченных имперским разумом, отсутствием взаимопонимания и «полилога» между людьми, народами и государствами? Если так, то это типично модернистское утверждение просветительского толка. Миллиарды людей на Земле живут, не подозревая о «пограничном гносисе, связанном с плюритопической герменевтикой». К кому же тогда обращены эти призывы? К философам? Но если бы вдруг во главе всех правительств стали, не дай бог, философы, то и тогда полилог бы не состоялся в силу различия теоретических позиций и личных пристрастий.

Не вдаваясь в нюансы научных споров ориенталистов и реориенталистов, отмечу, что последние тяготеют к идее критического космополитизма, якобы преодолевающего «культурный империализм» евро-атлантической формы глобализации, историческими субъектами которой выступали и выступают ведущие национальные государства Запада и созданные при их покровительстве и поддержке крупнейшие транснациональные корпорации (ТНК). Поэтому нации и национальные государства объявляются устаревшими формами общежития. В этой оценке с ними солидарны объявляющие нации и национализм фиктивными теоретическими конструкциями Р. Брубейкер, Э. Гидденс, К. Вердери и другие представители европейского неоконструктивизма, неолиберальные политики и экономисты (К. Омаэ, Дж. Сорос, З. Бжезинский) и многие другие. В этом споре все точки над «і», конечно, расставит будущее. Но интеллектуальные вызовы национальной идентичности фиксируют в превращенной форме некоторые объективные

тенденции современной глобализации, сложившиеся благодаря формированию массовой мультикультурной среды существования. Появление последней вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти. Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения.

Попадая в пространство Интернета, других СМИ, в театры, супермаркеты и т.д., удивляешься многообразию и эстетическому плюрализму предлагаемых культурных блюд. Здесь, как в слоеном пироге, причудливо смешаны стили и товары из разных стран мира, пласты вненациональной глобальной культуры, гибридные и вновь актуализированные локальные формы. Не следует, однако, забывать, что большая часть производства продуктов культуры подчинена логике рынка. А потому современная мультикультурная среда — вовсе не пространство свободы. При всем своем разнообразии (скорее, благодаря ему) она является пространством управляемого потребления, контролируется ТНК, рыночным стратегиям которых плюралистичность культурной среды вполне соответствует. В качестве наиболее характерной формы мультикультурализма в условиях неолиберальной глобализации исследователи называют *экзотизацию* специфических культур. Экзотизация создает обманчивую картину гармоничного разнообразия, не имеющую ничего общего с реальностью, не учитывающую подавления и неравенства, которые по-прежнему во многом определяют культурную ситуацию в мире. «Неолиберальный мультикультурализм не заинтересован в перераспределении власти и культурного влияния, но, напротив, отвлекает внимание от подобных вопросов путем коммерциализации мультикультуры и превращения ее в товар» [10].

Чрезмерное мультикультурное разнообразие утомляет и дезориентирует массовое сознание. З. Бауман прав, когда характеризует становящуюся глобальную цивилизацию как внешне фрагментированную, но по сути подконтрольную [11]. Как показал Ж. Бодрийяр, в условиях фрагментации культуры гражданская и культурная идентификации осуществляются через потребление [12]. Н. Стивенсон уточняет принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современности: она идет не через идеологическую мобилизацию и политическое участие, а через доступ к удовольствиям. Сам доступ контролируется, а потребитель получает во фрагментированной культурной среде специфическую идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с конвейера, поставлена на поток. В свою очередь, растущая множественность самоидентификаций (религиозная, этническая, экологистская) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически индивидуализированную массу. Массовая культура так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, *формирующий новую идентичность глобального потребителя*, в которой сочетаются нивелировка и допущенная — более того, «изготовленная» — мера своеобразия. Экономическая борьба становится все в большей степени борьбой информационной, борьбой за сознание, отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение информации. Свобода предпринимательства оборачивается насаждением определенных культурных моделей ради усвоения этих моделей потребителем и роста прибылей. В мире, где в экономике доминируют финансовые

спекуляции, а в политике растет манипулирование, в культуре будет преобладать потребительство как образ жизни.

Но мультикультурализм — это не только имманентная часть стратегии глобального доминирования ТНК, большинство которых имеют прописку в странах G-7, но и важная составляющая политики многих государств по адаптации мигрантов. Это философско-политическая идейная система, проект, постулирующий культурную неоднородность в качестве стержневого принципа организации социума. «Это сугубо современный концепт как по историческому контексту своего возникновения, так и по идейно-ценностной нагрузке, которую он несет. Ибо в своей логике это концепт глубоко постмодернистский, даже если парадоксальным образом он стимулирует проникновение в западные “постмодернистские” общества элементов раннего модерна, домодерна и архаики» [13].

Постмодернистские корни определяют своего рода генетический код современного мультикультурализма, его глубинный смысл, его «месседж», посылаемый либеральными конструкторами концепта различным иммигрантским общинам (прежде всего исламским, но не только), в значительной части не ориентированным не только на культурную, но и на социальную, правовую, политическую интеграцию. Такие общины, пишет Е.А. Нарочницкая, «сохраняют собственный культурно-ценностный код и социальный уклад, разветвленные связи со странами происхождения и родственными диаспорами в других государствах Европы, создают собственную “этническую экономику”. Граждански-политически многие члены этих общин склонны ассоциировать себя с государствами происхождения, даже натурализуясь и становясь участниками политического процесса в европейских странах» [14].

Казалось бы, стремительный рост переселенцев в США и Европу, не желающих интегрироваться, занимающих нижние этажи социальной лестницы и пополняющих ряды криминала, должен был вызвать массовые протесты коренных граждан. Но их сдерживают пресловутые «толерантность» и «политкорректность», формирующие, по сути, эзопов язык, который рекомендуется употреблять во многих странах Запада. Так, в рамках концепции политкорректности запрещается поздравлять собеседников с Рождеством Христовым, поскольку это способно оскорбить атеистов и представителей других религий. Негра запрещено называть негром, черным, чернокожим и т.п. «Толстый человек» в рамках политкорректного новояза — «развивающийся горизонтально», «маленький» — «вертикально недоразвитый», а «жулик» — «этически не ориентирующийся». И так до бесконечности.

Над всем этим можно было бы лишь посмеяться, если бы не вполне реальные юридические последствия для журналистов и представителей других профессий, которые называют вещи своими именами. Вот что заявила, например, несколько лет назад в интервью газете «Московские новости» Постоянный секретарь французской Академии наук, историк с мировым именем Элен Каррер Д'Анкосс: «Французское телевидение настолько политически корректно, что это просто кошмар. У нас есть законы, которые трудно даже себе представить при Сталине. Вы пойдете в тюрьму, если скажете, что по

телевидению показывали 5 евреев или 10 черных. Люди не могут выразить свое мнение об этнических группах, о Второй мировой войне и многих других вещах».

Но дело не только в юридической практике, явившейся уродливым выражением политики борьбы за голоса всех и всяческих, в том числе сексуальных, меньшинств. Есть и другие причины, по которым следует подвергнуть принцип политкорректности остракизму.

Во-первых, главным недостатком политкорректности является ее противоречие основополагающему принципу демократии — свободе слова. Политические лоббисты политкорректности ввели цензуру, ограничив свободу и точность выражения мнений.

Во-вторых, методологическим основанием идеологии, политики и практики политкорректности является теоретически сомнительная гипотеза лингвистической относительности Сепира — Уорфа. Согласно этой гипотезе, картина мира у людей в значительной степени определяется системой языка, на котором они говорят. Грамматические и семантические нормы являются не только инструментами для передачи мыслей говорящего, но и управляют мыслительной деятельностью, формируя идеи человека, а через это и объективную социальную реальность.

После публикации этой гипотезы в 1934 г. был проведен ряд исследований мышления людей, говорящих на принципиально различных языках (американских индейцев, полинезийцев и эскимосов). Эти исследования продемонстрировали, что язык действительно накладывает некоторый отпечаток на характер мышления представителей говорящего на нем сообщества, что и так достаточно очевидно. Однако твердого признания в академическом сообществе гипотеза Сепира — Уорфа так не получила.

В-третьих, колоссальным недостатком практики политкорректности является уже отмеченная абсолютизация принципа толерантности, выводящая за пределы оценки не только этически и культурно сомнительные, но и уголовно преследуемые деяния.

Если бы не усилия американских, а вслед за ними немецких феминисток, в западном либеральном мире не распространялось бы, как снежный ком, массовое открытие лесбийских и гей-клубов, не появилась бы лояльность к одним из наиболее омерзительных преступников — педофилам, не практиковалась бы в массовом масштабе «коррекция» пола и сексуальной ориентации. «Поневоле заподозришь, — справедливо отмечает К.С. Шаров, — что вовсе не гендерно-нейтральный новояз формирует новую политкорректную социальную реальность, терпимую ко всему, а определенные феминистские и иные сочувствующие им политические круги пытаются выдумать этот новояз как удачное прикрытие для их социальных амбиций. При прочих равных условиях во Франции, Великобритании или Скандинавских странах на работу возьмут женщину, а не мужчину. В Швеции или Дании при одинаковом балле на вступительных экзаменах в вуз возьмут человека, отметившего в анкете, что он «сексуально нетрадиционно ориентирован», а нормальный будет изгнан вон. Самой социально защищенной фигу-

рой в США является неработающая черная лесбиянка, которая в прошлом была мужчиной (она получает от государства пособие в 6500 \$/мес.)» [15].

Эти и другие примеры свидетельствуют об очевидной деформации культурного кода евро-атлантической цивилизации, постепенно утрачивающей свой христианский характер. Сегодня однополые браки легализованы в 16 странах мира. Среди них протестантские Нидерланды, Бельгия, Канада, ЮАР, Норвегия, Швеция, Дания, Великобритания, Новая Зеландия, а также католические Испания, Португалия, Исландия, Мексика, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Франция.

Но и это, увы, не все. Современные европейские ценности включают толерантность к совсем уж диким (нецивилизованным) формам общественного бытия. Ведущие голландского молодежного телешоу Proefkonijnen («Подопытные свинки») Деннис Сторм (Dennis Storm) и Валерио Зено (Valerio Zeno) в эфире своей телепередачи попробовали по кусочку мяса друг друга. Оба телеведущих перенесли перед эфиром небольшую операцию: у Сторма хирурги отрезали небольшой кусок плоти с ягодиц, а у Зено — с живота. После этого мясо было тщательно прожарено, и ведущие съели его в студии. Как пишет «The Daily Mail», Сторм и Зено заявили, что в человечине «нет ничего особенного», хотя и отказались комментировать вкус мяса. Вопрос о том, какова на вкус человеческая плоть, стал темой не только передачи, но и широкого обсуждения в форумах [16].

Недалеко ушли от этого и устроители рекламной акции компании «Carson» в преддверии выхода шестого эпизода популярной игры «Обитель зла», открыв мясную лавку для любителей человечины в Смитфилде на востоке Лондона. Закамуфлированные под части и органы человеческого тела мясные изделия были старательно сделаны кулинарной художницей Шэрон Бэйкер из свинины и говядины. Жуткий вид товара не помешал поклонникам игры и фанатам темы зомби приобретать товар по весьма завышенным ценам. До недавнего времени Смитфилд был обычным мясным рынком в Лондоне. Важно отметить, что доход от продажи «человечины» цинично был направлен на благотворительные цели — в помощь инвалидам, которые потеряли свои конечности.

Подобные перформансы и креативы, а именно этим оправдываются инициаторы, по сути являются пошаговым приучением Запада к толерантности по отношению не только к каннибализму, но и к нарушению других фундаментальных цивилизационных табу. Таким абсолютным табу практически во всех культурах являлся инцест. Однако в ЕС уже началось обсуждение легализации инцеста [17]. Некоторые европейские политики открыто в прессе и на ТВ представляют инцест как европейскую «гендерную норму». При этом по аналогии с «гомофобией» предлагается ввести понятие «инцестофобии», за проявления которой следует наказывать. Одновременно с этим в некоторых странах европейского союза обсуждают и легализацию педофилии. К этому стоит добавить специфические программы обязательного раннего сексуального просвещения, которые широко обсуждались общественностью. Каковы же в этом контексте перспективы сохранения и развития национальных и многонациональных государств?

Хотя ведущие национальные государства Запада продолжают оставаться основными субъектами глобальной экономики и политики и даже обрели новые функции [18], в грядущих цивилизационных битвах их ждет незавидная судьба — «самоупразднение» в ходе тотального изменения культурно-национального ландшафта. После выхода скандальной, но во многом пророческой книги Тило Сарацина «Германия упраздняет себя» не только ученые-интеллектуалы (Н. Больц, М. Вевьорка, Дж. Сартори, П. Нольте, Г. Хайнсон и др.), но и ведущие государственные деятели (А. Меркель, Д. Кэмерон и Н. Саркози) стали откровенно говорить о необходимости отказа от политики мультикультурализма. Но значительных политических последствий этот демарш до сих пор не возымел. Поэтому перспективы отказа Запада от принципов мультикультурности, толерантности и политкорректности многие связывают с приходом к власти «неоконсерваторов», делающих ставку на традиционные ценности — семейные, гражданские и национальные. «Они бьют тревогу, показывая, что современные демографические процессы в развитых странах, неразрывно связанные с необратимыми изменениями морального климата, могут привести к гибели традиционной Европы в ходе тотального изменения ее национально-культурного ландшафта» [19].

Это может случиться и с Россией, перспективы которой как особой локальной цивилизации, так и не преодолевшей противостояние западников и славянофилов, но фактически отказавшейся от поиска собственной национальной идеи, совсем не радужны. Ряд действительно общезначимых евро-атлантических ценностей и институтов в массовом сознании остаются чем-то необязательным и условным, а многие собственные традиции сведены к этнографически рудиментарному состоянию. Они объединены сегодня по принципу «абсурдной дополнительности», а не в рамках долговременного проекта строительства национального государства.

Если массовая культура современной Японии представляет собой «кентаврическое образование», в котором западные и национальные ценности соединены на основе общественного консенсуса, то в России такое согласие отсутствует не только в целом обществе, но и у политического класса. Свидетельство тому — наше телевидение. Формально государство взяло под контроль важнейшие эфирные каналы. Но почему тогда в сетке вещания ОРТ, ВГТРК, ТВ Центра, НТВ и ТНТ продолжают преобладать американские боевики, низкопробные сериалы и многочисленные ток- и реалити-шоу? Почему с телеэкранов льются высосанные из пальца сенсации и скандалы, пропагандируются «мистические истории», «битвы экстрасенсов», «X-версии» и другая псевдонаучная чушь?

Рационально объяснить это можно как минимум двумя причинами: либо госструктуры, имеющие контрольные пакеты акций в указанных телекомпаниях, не контролируют произведенный ими телеконтент, либо он их вполне устраивает, поскольку соответствует их культурному багажу. Последнее было бы абсурдно, если бы не опыт недавних российских модернизаций (реформ в сфере образования и науки). Общество переживает культурный кризис: сформированное ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяется мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценно-

стей которого наука оказалась в самом низу. Неслучайно протесты ученых против поспешной «реформы» РАН не были поддержаны не только народом, но и вузовскими преподавателями. О политических и иных «элитах» даже не хочется говорить: они утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций науки.

Особенно удручает отсутствие стратегии национальной политики Российской Федерации. В 2010 г. эта задача была возложена на министерство регионального развития. Тогда концепцию национальной политики России, как отметил бывший министр регионального развития Басаргин, «посмотрели, причем со всеми согласовали, и в итоге положили на полку» [20]. Однако Указом Президента от 05 июня 2012 г. №776 был создан Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям. Первостепенной задачей этого совещательного органа является «рассмотрение концептуальных основ, целей и задач государственной национальной политики Российской Федерации, определение способов, форм и этапов ее реализации» [21]. В число этих концептуальных основ, на мой взгляд, должен быть включен вопрос о формировании российской нации и, соответственно, о становлении России как национального государства. Но с этим не все согласны.

Так, по мнению члена данного Совета, директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова и его последователей (которые, надо думать, и будут разрабатывать концептуальные основы новой национальной политики), вопрос о формировании российской нации — риторический. Запомню, что еще недавно они предлагали вообще отказаться от термина «нация» («забыть о нации»), теперь они же утверждают, что современная Россия (как США, Великобритания, Испания и др.) — это «нация наций». При таком подходе, изначально предполагающем существование российской нации как гражданской (но не культурно-лингвистической!) общности, проблема ее формирования автоматически выносится за скобки.

А вместе с этим уходит на периферию внимания мощный всплеск региональных и этнических идентичностей, укрепление и расцвет которых, особенно на Северном Кавказе, происходит пропорционально выдавливанию русскоязычного населения из «национальных республик». В условиях неразвитости гражданского общества и правосознания (кое-где они просто заменены нормативами родовых отношений) сравнивать Российскую Федерацию с США, Францией или Великобританией некорректно. Ошибочно также делать ставку лишь на гражданскую идентичность: в истории не было устойчивых национальных сообществ людей, связанных только узами общего гражданства. И распадающаяся Украина тому пример. В действительности *нация* — это появившаяся лишь в XVIII–XIX столетиях *исторически новая общность людей*, связанных между собой не только общим гражданством, но и общей исторической памятью, общим языком и общей культурой [22]. Об этом следует помнить.

Благодаря усилиям этнонационалистов в 1990-х годах в России оформились, а затем укрепились тенденции регионализации и партикуляризации высшего образования, повлекшие за собой серьезные изменения в образовательных программах и курсах гуманитарных наук (история, политология, социология, философия) многих республик

России. Под видом так называемого регионального компонента образования зачастую проводится псевдонаучное обоснование верховенства того или иного «титульного» («коренного») этноса. Этнонационализм, источником и распространителем которого была и остается прежде всего местная интеллигенция, препятствует строительству в России национального государства.

Что делать? Продолжать начатый «консервативный поворот» в области культурного наследия. Не ограничиваясь созданием единого федерального учебника по истории, единого государственного экзамена на русском языке, смело двигаться дальше. Во-первых, *необходимо создать общероссийские программы гражданского образования и воспитания для взрослых, детей и молодежи. Во-вторых, — звести эти программы в систему федеральных государственных стандартов образования. А затем, осуществив этнически независимую экспертизу, привести в соответствие с федеральными образовательными стандартами учебные пособия и программы образования национальных республик России, где на протяжении последних лет явно доминируют националистические тенденции и сюжеты.*

Миллионы представителей черной, белой, желтой и красной рас в США и многих странах Европы с гордостью говорят «мы — американцы» или, например, «мы — французы». А у нас подавляющее большинство населения продолжает идентифицировать себя только или прежде всего в качестве «русских», «татар», «якутов», «чеченцев» и т.д., и лишь потом — в качестве «граждан Российской Федерации». Это свидетельствует о том, что многоязычная и мультикультурная Россия не застрахована от распада: этническое самосознание в умах миллионов все еще доминирует над национальным. Следовательно, вопрос о формировании российской нации должен быть безотлагательно включен в повестку дня.

Примечания:

1. Не вдаваясь в дебри дискуссий о содержании понятий «постмодерн» и «постмодернизм», под «постмодерном» мы будем понимать историческую эпоху в развитии евро-атлантической цивилизации, последовавшую за эпохой «модерна» и начавшуюся в конце 1960-х, а под «постмодернизмом» — не какое-то отдельное течение в литературе, архитектуре, науке, философии и т.д., а общее выражение мировоззрения эпохи «постмодерна».
2. Подробнее см.: Гранин Ю.Д. Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим» // Вестник Российской академии наук. 2012. Т.82. №9.
3. Бек Ульрих. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 7.
4. Подробнее об исторических формах глобализации см.: Гранин Ю.Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014. №1. С. 90–103.
5. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. С. 36.

6. В данном случае под «цивилизационной моделью» понимаются формы и институты политического, экономического, социального и культурно-духовного развития, самостоятельно выработанные народами (группой народов), заимствованные ими или навязанные им в процессе колонизаций и завоеваний.
7. См.: Гранин Ю.Д. Глобализация, нации и национализм. История и современность. М. 2013. С. 157–190.
8. Глостанова М.В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности. М.: РУДН, 2010. С. 216.
9. Там же. С. 216, 217
10. Глобализация и мультикультурализм. М.: РГГУ, 2005. С. 185.
11. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Праксис, 2002. С. 178.
12. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, Культурная революция, 2006.
13. Нарочницкая Е.А. Мультикультурализм как политическая концепция // Россия и мир: анатомия современных процессов: Сборник статей / Под ред. Е.А. Нарочницкой. М.: Международные отношения, 2014. — С. 236.
14. Там же. С. 241.
15. Шаров К.С. На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопросы философии, 2010, №3. С. 41.
16. См.: Каннибализм в прямом эфире // Youtube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=IzS6mrdYPI0> (дата обращения 03.09.2015)
17. См.: Носиков Р. О легализации инцеста // Однако. URL: <http://www.odnako.org/blogs/o-legalizacii-incesta/> (дата обращения 03.09.2015)
18. О них см.: Гранин Ю.Д. Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб, 2014. С. 183–191.
19. Ионин Л.Г. Конец мультикультурной эпохи // Портал «Перспективы». 13.12.2010. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/kotel/konec_multikulturnoj_epohi_2010-12-13.htm (дата обращения 03.09.2015)
20. Стенографический отчет о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 27 декабря 2010 года, 15:00, Москва, Кремль. // Сайт президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/9913> (дата обращения 03.09.2015)
21. Образован Совет по межнациональным отношениям // Сайт президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15577> (дата обращения 03.09.2015)
22. Подробнее см.: Гранин Ю.Д. Национальное государство в глобализирующемся мире. М., 2014. С. 335–356.

Список литературы:

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Праксис, 2002.
- Бек Ульрих. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика. М., 2007. С. 7.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, Культурная революция, 2006.
- Глобализация и мультикультурализм. М.: РГГУ, 2005.

- Гранин Ю.Д. Глобализация, нации и национализм. История и современность. М. 2013. С. 157–190.
- Гранин Ю.Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014. №1. С. 90–103.
- Гранин Ю.Д. Национальное государство в глобализирующемся мире. М., 2014. С. 335–356.
- Гранин Ю.Д. Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб, 2014.
- Гранин Ю.Д. Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим» // Вестник Российской академии наук. 2012. Т.82, №9.
- Ионин Л.Г. Конец мультикультурной эпохи // Портал «Перспективы». 13.12.2010. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/kotel/konec_multikulturnoj_epohi_2010-12-13.htm (дата обращения 03.09.2015)
- Каннибализм в прямом эфире // Youtube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=lzS6mrdYPl0> (дата обращения 03.09.2015)
- Нарочницкая Е.А. Мультикультурализм как политическая концепция // Россия и мир: анатомия современных процессов: Сборник статей / Под ред. Е.А. Нарочницкой. М.: Международные отношения, 2014. — 680 с. — С. 234–245.
- Носиков Р. О легализации инцеста // Однако. URL: <http://www.odnako.org/blogs/o-legalizacii-incesta/> (дата обращения 03.09.2015)
- Образован Совет по межнациональным отношениям // Официальный сайт президента России. URL: <http://state.kremlin.ru/face/15609> (дата обращения 03.09.2015)
- Стенографический отчет о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 27 декабря 2010 года, 15:00, Москва, Кремль. // Официальный сайт президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9913> (дата обращения 03.09.2015)
- Глостанова М.В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности. М.: РУДН, 2010.
- Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004.
- Шаров К.С. На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопросы философии. 2010. №3.

УДК 323; 140.8; 327

ЕКАТЕРИНА НАРОЧНИЦКАЯ

Государство и вызов сепаратизма: между сецессией, автономией и новым регионализмом

Аннотация. В статье обращается внимание на появление нового теоретико-идеологического измерения темы сепаратизма, связанного с разногласиями вокруг перспектив института государства и будущего мироустройства в целом. Рассматриваются дискуссионные аспекты политического термина «сепаратизм», а также амбивалентные соотношения между сепаратизмом, сецессионизмом, автономизмом и еврорегионализмом. Проводится сравнительный анализ сходств и принципиальных различий автономизма и сепаратизма как двух альтернативных стратегий решения сходных конфликтов.

Ключевые слова: сепаратизм, сецессионизм, автономизм, сецессия, автономия, легальный сепаратизм, законный сепаратизм, незаконный сепаратизм, европейский регионализм.

Тема сепаратизма не только политически остра, конфликтогенна и эмоционально нагружена. В наше время она приобрела теоретико-идеологическое измерение, которого у нее не было или почти не было прежде. Политическая карта мира менялась во все эпохи, возникали сепаратистские притязания, порождавшие споры и вооруженную борьбу. Но речь шла в основном об отделении конкретных территорий от конкретных государств. Нормативный компонент в этих конфликтах стал более заметен с появлением сталкивающихся принципов «права на самоопределение» и «территориальной целостности». Но на общий теоретический и идеологический уровень проблема отношения к сепаратизму по-настоящему вышла лишь совсем недавно, в конце XX — начале XXI вв.

Произошло это в результате взрывного распространения дискурса о глобализации, прежде всего в его ультралиберальной (а также левой) версиях, теорий отмирания государства, сетевого общества и иных взаимосвязанных идейно-ценностных сдвигов, ассоциируемых с понятием «постмодерн». В русле этого мегатренда в мировоззрении и общественных исследованиях немало политологов поддержало, среди прочего, тезис о неодолимой тенденции к государственному дроблению. По подобным прогнозам, уже в обозримом будущем число государств, если и не достигнет 1000, как предрекал

Информация об авторе: НАРОЧНИЦКАЯ Екатерина Алексеевна — ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, директор Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, кандидат исторических наук, главный редактор портала «Перспективы» и сетевого научного журнала «Перспективы. Электронный журнал»; ye_naroch@inbox.ru.

еще в 1982 г. футуролог Дж. Нейсбит [1], то как минимум удвоится либо утроится. При этом их номинальному умножению должна сопутствовать все большая эрозия самих государственных институтов и делений. Одновременно в политической философии начал разрабатываться не существовавший до 1990-х годов концепт «права на сецессию».

В логике мировоззрения и проекта постмодерна сепаратизм «реинтерпретируется» и предстает в по-новому двойственном парадоксальном образе. По отдельности любое такое движение считается анахронизмом на фоне движения к «глобальному сетевому будущему». Но отдельные из них могут встречать сочувствие, особенно те, которые ослабляют крупные державы, воспринимаемые, как Россия или Китай, оплотами этатизма, суверенитета и других «традиционных ценностей». В совокупности же все всплески сепаратизма могут трактоваться как веление времени — инструмент, выполняющий роль, далекую от собственных целей сепаратистов. В сепаратизме с его дестабилизирующим потенциалом видят — и не без оснований — одну из движущих сил разрушения (в постмодернистской терминологии деконструкции) «изживающих себя» государств, наций, крупных культурно-ценностных систем, других исторически преемственных социальных структур и опирающейся на них мировой политической архитектуры. На этой почве возникла новая, полагающая себя интеллектуальным авангардом категория сторонников сепаратизма как глобального явления. Некоторые из них называют его даже «главным сюжетом» наступившего столетия, сулящим вывести на новую степень прогресса общественное устройство [2].

Полемика с таким видением векторов мирового развития — идеологически заданным и, на наш взгляд, в любом случае во многом ошибочным — не относится к теме данной статьи. Отметим лишь, что подход к сепаратизму в целом и его конкретным случаям в частности отныне глубоко вплетен в общий контекст мировоззренческих противоречий, разногласий в отношении будущего государства и борьбы вокруг моделей мироустройства.

Сказанное выше имеет отношение и к базовым понятийным проблемам, возникающим при анализе сепаратизма. Рассматривая это явление в современном мире, стоит начать именно с обсуждения того, что есть сепаратизм и что им не является. Актуальным этот вопрос делают некоторые спорные моменты и разногласия в употреблении термина.

О терминах и определениях

Большинство словарей и энциклопедий определяют сепаратизм максимально широко — как взгляды, действия или стремления, направленные на «обособление от кого-либо или чего-либо». Основания к тому дает этимология слова — от латинского *separare* (отделять/ся). Сложнее обстоит дело с его эволюцией в ходе истории и восприятием в общественном сознании.

Наименование «сепаратисты» получило хождение в XVI–XVII вв. в Англии, где так называли пуритан, отколовшихся от официальной церкви. Именно такие сепаратисты

создали за океаном первые поселения Новой Англии, которая стала колыбелью США и неслучайно считается корневым символом американской идентичности. Слово «сепаратисты» как обозначение «отцов-пилигримов», а также разных протестантских общин широко употребляется в англо-американской литературе. В других языках, за исключением религиоведения, оно в этом частном значении не распространено.

И все же ассоциация понятия «сепаратизм» с областью религии — и хронологически в первую очередь именно с ней — была характерна для всего европейского (в широком смысле) культурного пространства. Например, в русских дореволюционных изданиях сепаратизм определялся как «желание отпасть от церкви или от государства для образования отдельного общества, религиозного или политического» (энциклопедический словарь Ф.Ф. Павленкова [3]); «стремление отделяться от большинства; отщепенство в делах веры или политических, раскол, ересь» (словарь иностранных слов А.Н. Чудинова [4]).

По мере утверждения секуляризма именно «политические дела» отодвигали религиозные и становились основными сферами применения понятия «сепаратизм». Центральное место заняло измерение, связанное с государственностью, с политическим контролем территориального пространства. В основе этого лежали планетарные явления, характерные для большей части XX столетия (так называемого «короткого XX века»). Прежде всего — беспрецедентное расширение роли государства в жизни общества; подъем национальной идеи и идеологии национализма; невиданное по масштабам столкновение конфликтующих проектов — национальных и блоковых, геополитических и идеологических; глобальные перекройки политической карты в результате двух мировых войн и деколонизации; интенсивное развитие международного права, причем как права преимущественно межгосударственного. Все это актуализировало и кристаллизовало главное значение понятия «сепаратизм» в политическом языке, привычное и общеизвестное. Говоря кратко, это движение за отделение от государства его части.

С конца XX в. в понятие «сепаратизм» все чаще стало вкладываться гораздо более множественное содержание. Само слово вошло в моду (соответствуя, очевидно, духу постмодерна с его посылом к дроблению и индивидуализации) и начало употребляться в любых контекстах, в том числе не свойственных ему ранее. В разных дисциплинах и соответствующих словарях появились свои прикладные определения термина — социологическое, экономическое и т.д.

Возникли и всевозможные новые «сепаратизмы с прилагательными»: «гендерный сепаратизм», «социальный сепаратизм», «правовой сепаратизм», «административный сепаратизм», «электоральный сепаратизм», «парламентский» и «межпарламентский», «системный сепаратизм», «внутренний сепаратизм», а также земельный, финансовый, бюджетный, торгово-продовольственный, лесной, рыбный и проч. Весь этот набор неологизмов, как утвердившихся, так и «пробных», требует прежде всего дифференциации и соотнесения их смысла. Многие из них являются не более чем вольными метафорами. И хотя метафоры в социально-гуманитарной мысли иногда выполняют ценную аналитическую функцию, это не всегда так. Те «сепаратизмы с прилагательными», ко-

торые даже не подразумевают сколько-нибудь внятных критериев применения, лишь затемняют реальный характер описываемых явлений.

Другие, например, «феминистический сепаратизм», «социальный сепаратизм» или «этнический сепаратизм» в непривычном значении отдельного этнического самоопределения могут быть логически корректны. Но важно понимать, что если внешне схожие термины относятся к разным, тем более разнородным, аспектам социальной действительности, то и обозначаемые ими явления надо рассматривать соответственно (избегая, например, ассоциации «сепаратного» этнического самоопределения казаков или русин с политическим сепаратизмом на этнической почве).

Данная статья посвящена сепаратизму в главном и общепонятном политическом значении этого слова — сепаратизму, оспаривающему суверенитет государства над частью его территории изнутри, или сепаратизму территориально-политическому.

Универсально принятого международно-правового определения сепаратизма не существует. Нет в международном праве и корпуса положений, прямо говорящих об этом явлении. Одним из первых международных документов, использующих понятие «сепаратизм», является Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подписанная в 2001 г. 6 странами-участницами ШОС. Но приведенная в ней дефиниция носит подчеркнуто рабочий, прикладной характер — «для целей данной конвенции». Под сепаратизмом в данном случае понимается его вооруженная разновидность: «деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства», причем «совершаемое насильственным путем» [5].

Одним из примеров научного определения может служить формулировка американского профессора Дональда Горовица: обособление группы «населения, главным образом на этнической и религиозной основе, выход этой группы и ее территории из-под юрисдикции более крупного государства, частью которого она является, с последующим образованием нового государства» [6]. В варианте директора Института этнологии РАН академика Валерия Тишкова «сепаратизм — это требование суверенитета и независимости для этнически обозначенной территории, и это требование направлено против государственной власти страны проживания» [7].

Уточним, что этнический либо конфессиональный элемент и тем более мотив не обязательны для стремления к сецессии — в прошлом и настоящем можно найти достаточно примеров иного рода. Но он действительно наиболее типичен для сепаратистских движений новейшего времени. Еще один важный нюанс, который подразумевается, но часто выпадает из формулировок: сепаратизм подразумевает импульс к отделению, исходящий изнутри государства, а не извне.

Между тем есть и иная довольно давняя традиция употребления термина «сепаратизм» в территориально-политическом смысле, которая в последнее время переживает ренессанс.

Современные словари (особенно онлайн-овые) и многие авторы научных публикаций, ориентируясь, в частности, на стандарт, принятый в англоязычной политологии, предпочитают определять сепаратизм (в территориально-политической сфере) двойственно — как совокупность любых движений и за отделение от государства, и за предоставление части страны автономии, причем необязательно даже «очень широкой автономии» [8]. Именно ссылаясь на эту тенденцию и следуя ей, политический географ Федор Попов, автор содержательной монографии «География сецессионизма в современном мире», тоже называет сепаратизмом любое «стремление к обособлению части территории государства». Одновременно сам он совершенно справедливо проводит четкую грань между двумя вариантами «стремления к обособлению» — автономизмом и сецессионизмом. (Последний в свою очередь распадается на индепендизм, подразумевающий образование отдельного государства, и ирредентизм, с присоединением к другому государству) [9].

Исходя из потребности в отдельном обозначении движений за смену суверенитета, Ф. Попов призывает к введению в широкий оборот слова «сецессионизм», поскольку оно, на его взгляд, в отличие от «сепаратизма», лишено двусмысленности. Однако «сецессионизм» — всего лишь синоним «сепаратизма», давно и хорошо известный, во всяком случае аудитории, знакомой с европейскими языками, только гораздо менее распространенный. Он вполне имеет право на существование, но хотя бы из-за труднопроизносимости едва ли предпочтительнее своего общепринятого аналога в его привычном и общепонятном смысле.

Притом аналогично «сепаратизму», «сецессионизм» и «сецессия» издавна имеют иные значения, производные от этимологического корня *secedo* («ухожу»). Точно так же эти термины традиционно применяются к религиозным схизмам, прежде всего к размежеванию течений внутри протестантизма. Есть у них и свои специфические частные значения (например, в историографии античности «сецессии» — это массовые уходы плебса из древнего Рима; в Германии и Австрии так принято именовать венскую школу арт-нуво и т.д.).

Более того, современный бум образных неологизмов в социальных науках и аналитике уже породил, как и в случае с «сепаратизмом», длинный ряд метафорических «сецессий с прилагательными», среди которых социальная, экономическая, административная, электоральная и прочие. Наконец, даже просто «сецессию» и «сецессионизм» (без всяких прилагательных) тоже иногда ассоциируют не только с отделением от государства, но и с получением автономии, как это делает, например, Д. Горовиц [10].

Следовательно, проблему четкости и однозначности даже в сугубо территориально-политическом контексте термин «сецессионизм», к сожалению, решить едва ли способен. Вместе с тем «сепаратизм» как таковой, без пояснительных слов, отождествляется в этой сфере, что бы ни писали словари, в целом с претензией на выход из состава государства и не иначе. Именно так воспринимается это понятие (отнюдь не только в России, а повсюду) в общественном сознании и политическом языке, а это невозможно и неправильно игнорировать. Но главное состоит не в выборе «лучшего» из двух взаи-

мозаменяемых синонимов (сецессионизм и сепаратизм). В конце концов подавляющее большинство общественно-научных категорий далеки от кристальной четкости и трактуются отчасти по-разному.

Суть в другом: насколько правомерно объединять движения за отделение с автономистскими проектами в одно явление, почему это происходит и что из этого следует? Мы специально остановились на терминологических изменениях именно потому, что они подводят к этим вопросам. Ответ на них не столь прост, как может показаться на первый взгляд. Между тем с ним тесно связана политическая, юридическая, моральная оценка сепаратизма и понимание политико-философского аспекта этой проблематики.

Сецессия и автономия

Отметим сразу, что под автономией здесь условно понимается весь спектр возможных (формальных и фактических) автономных статусов в рамках единого государства, как унитарного, так и федеративного.

На какие же доводы или логические посылки опирается и может опираться расширительное толкование сепаратизма и его частичное отождествление с автономизмом?

Во-первых, сепаратистские и автономистские движения в современном мире обычно оперируют близкими идеями этнонационализма или этнорегионализма. Конечно, причины, мотивы, обоснования этих движений многообразны и в каждом случае образуют уникальную комбинацию. Это отдельная дискуссионная тема, которую мы здесь не затрагиваем. Но, независимо от «драйверов», сепаратизм и автономизм обычно оказываются двумя альтернативными стратегиями решения одних и тех же либо однотипных противоречий и конфликтов). В этом смысле они имеют единую почву и единый контекст.

Во-вторых, основанием для стирания грани между автономизмом и собственно сепаратизмом (сецессионизмом) кажется то, что в реальной общественной жизни эта грань подвижна и размыта. В действительности, подвижность и даже ситуативность нередко наблюдается в позициях политических субъектов (акторов) — носителей таких идей. Большинство движений, кроме совсем мелких или ультрарадикальных, не монолитны, а состоят из фракций разной ориентации, влияние которых меняется, как меняются со временем их собственные взгляды и общеполитический контекст. Автономистские стремления перерастают в планы отделения и наоборот.

Примеров таких трансформаций достаточно — и растянутых во времени, и скорых. Партия Уэльса, возникшая в 1920-х годах, в то время не претендовала даже на самоуправление, ограничиваясь задачей уберечь от исчезновения валлийский язык. С 2003 г. среди декларируемых ею целей — превращение «со временем в независимую страну», «независимый Уэльс как полноправный член Европейского союза» и т.п. [11]. (Впрочем, с главной страницы партийного сайта лозунг «независимость Уэльса в составе Европы, с получением членства в ООН» исчез сразу после неудачи шотландского референдума 2014 г.)

Баскская националистическая партия (БНП), наоборот, создавалась в конце XIX в. для борьбы за воссоединение и независимость всех населенных басками земель. Затем в ее руководстве надолго возобладали сторонники курса на автономию. В послефранкистской Испании БНП стала главной правящей партией в автономной Стране Басков и в течение десятилетий не выходила за рамки умеренной программы, в согласии с испанской Конституцией. Новый разворот наметился в 1998 г., когда БНП подписала пакт с более радикальными баскскими организациями и поддержала стратегическую установку на «достижение суверенитета».

Лига Севера, возникнув как автономистское, регионалистское движение, в 1996 г. выступила с призывами к отделению северных регионов, организовала референдум, символически провозгласила «независимую Паданию» и даже провела неофициальные выборы в ее «парламент». Все это не имело реальных последствий и не помешало лидерам Лиги Умберто Босси и Роберто Кальдероли в 2000-х годах занимать в кабинетах С. Берлускони пост министра по вопросам институциональной реформы и деволюции (с 2008 г. — по вопросам реформы федерализма). Большая часть входящих в Лигу Севера региональных лиг и неформальных фракций не разделяет сепаратистских идей. А вот Лига Венето стала одним из инициаторов состоявшегося в марте 2014 г. электронного референдума о независимости региона. (По данным организаторов, в референдуме приняли участие 63 % имеющих право голоса жителей региона, и почти 90% из них высказались «за создание независимой, суверенной, федеративной Республики Венето» [12].)

В-третьих, сами организации, ратующие за отделение, не применяют к себе понятие «сепаратизм» или даже прямо отвергают его, как негативное, акцентирующее идею разделения и подход с позиций «материнского» государства. На своих сайтах, в документах и деятельности они идентифицируют себя и себе подобных исключительно с помощью позитивно окрашенных понятий: «индепендисты», «борцы за свободу», «суверенисты», «выступающие за самоопределение» и т.п.

Самоназвание «суверенисты»/«суверенистское движение» (как и понятие «самоопределение») в принципе амбивалентно, поскольку концепт суверенитета эволюционирует и трактуется по-разному. Отсылка к нему неизбежно оставляет открытым вопрос о форматах реализации суверенитета, который, согласно некоторым, довольно широко принятым представлениям, может и делиться, и делегироваться. Такая самоидентификация смягчает конфликт с центральным правительством и во многих отношениях облегчает участие в политическом процессе.

Она также открывает широкое поле для маневрирования между моделями автономии и сецессией. И речь не обязательно идет просто о тактической риторике. У идеологов этнорегиональных движений появляется возможность на самом деле уходить от выбора по самому чувствительному и ключевому вопросу об отделении. Нередко предлагается промежуточный вариант «конфедерации» либо изобретаются новые непробованные статусы. Например, квебекские суверенисты, как они себя называют, в ходе обоих референдумов о статусе провинции (1980 и 1995 гг.) ставили на голосование не «отделение», не «создание независимого государства», а «суверенитет-ассоциацию»

и «суверенитет-партнерство». Балтийская республиканская партия (реорганизовавшаяся в 2005 г. в Калининградское региональное общественное движение «Республика») предлагала сделать Калининградскую область «ассоциированным» субъектом РФ. В проектах итальянской Лиги Севера фигурировала среди прочего «свободная ассоциация Севера, Центра и Юга». В каких случаях и в какой степени это всего лишь эвфемизмы, надо рассматривать конкретно.

Итак, многие территориально-политические движения в зависимости от обстоятельств либо избегают ясно формулировать свою цель, либо манипулируют той или иной риторикой, либо реально мутируют от автономизма к сепаратизму и обратно. Но стоит обратить внимание: данный факт также не доказывает, что нет принципиального различия между самими этими типами проектов. (Одни и те же субъекты (в любой сфере) могут переходить от одних состояний и действий к противоположным — скажем, от войны к миру, от преступления к соблюдению закона, от порядка к хаосу и т.д.; антитезы при этом остаются антитезами).

В-четвертых, в определениях, по-видимому, сказывается влияние давней словарной традиции ассоциировать сепаратизм с автономией. Но такая ассоциация относится к сепаратизму в самом широком значении «обособления вообще» и к философской категории «автономия», означающей «независимость», «самостоятельность», «отдельность». Правильно ли механически переносить эту традицию на сепаратизм в узком, политическом смысле — отделение от государства — и на автономию как субгосударственный статус, кардинально отличный от государственного, международно-субъектного? Не есть ли это смешение значений понятия, принадлежащих к разным сферам, об ошибочности которого упоминалось вначале?

Обратимся теперь к аргументам против смыслового и терминологического объединения сепаратизма (сецессионизма) с автономизмом. По существу, речь идет о том, насколько фундаментальной остается грань между сецессией и автономией в современном мире с его уровнем международных и транснациональных взаимосвязей.

Первое. В отличие от автономии, проект выхода из состава государства бросает капиталый и многоплановый вызов данному государственному образованию. Как отмечает В. Тишков, «сецессия (раздел) — всегда серьезное перераспределение ресурсов и власти» [13]. Стоит добавить, что перераспределение ресурсов затрагивает не только государственный аппарат и элитные группы, но и общество в целом. Оно распространяется, прямо и опосредованно, на самые разные сферы от экономики и безопасности до культуры, причем учитывать надо и краткосрочные, и долгосрочные, и кумулятивные эффекты. Отделение части территории, с ее населением, рынком, природными богатствами, инфраструктурой и т.д. неизбежно меняет конкурентные позиции разного рода общественных субъектов — от политических и экономических элит до этнокультурных групп. Изменение это всегда многоплановое, сложное, противоречивое — потери одних не означают автоматически приобретения других, выигрыш может доставаться третьим, внешним силам либо в проигрыше в итоге могут оказываться все, — но это уже иная тема.

Второе. В плане межэтнических/межнациональных отношений, с которыми так часто связан феномен сепаратизма, типичными следствиями сецессии являются дальнейшая актуализация этой сферы и нарастание напряженности. Как подчеркивает профессор Стокгольмской школы экономики Ян Тулберг, «отделение неизбежно обостряет межгрупповые различия» [14].

Этот эффект наблюдается и в новообразованных государствах, где часто встает проблема вторичной сецессии собственных меньшинств, и в «материнских», где из-за отпадения одних групп может нарушаться относительно гармоничный баланс между другими группами.

С распадом СССР не только 25 миллионов русских остались за пределами России, но и резко актуализировались внутренние межэтнические и региональные расколы в новых государствах. Именно таков был в главном алгоритм вооруженных конфликтов на постсоветском Кавказе и в Приднестровье. Подобное происходило и на Балканах, где в результате расчленения СФРЮ полтора миллиона сербов оказались на территории Боснии и Герцеговины и более 500 тыс. в Хорватии.

Большинство этноконфликтологов критически настроены к отделению как модели решения этнических конфликтов, предупреждая, что «сецессия почти никогда не решает этих проблем (этнического конфликта и насилия), но, напротив, может усугубить их» [15].

В жестком или мягком варианте, в большем или меньшем масштабе, воспроизведение этнических трений при отделении почти неизбежно. В Квебеке, например, в конце XX в. проживали (помимо индейских общин и иммигрантов) более 700 тыс. англоязычных канадцев. При этом 1 млн. франкоканадцев расселены в других провинциях Канады, и, по мнению многих, в случае отделения Квебека их статус, влияние и культурно-языковые гарантии скорее всего пострадали бы [16].

Сходные негативные эффекты потенциально содержит и автономия как модель решения этнических конфликтов — о ее плюсах и минусах в профессиональной литературе давно идет спор [17]. Однако выраженность подобных эффектов в случае сецессии бывает намного больше. Кроме того, в последнем случае изменение межэтнического и межконфессионального баланса может вызвать цепную реакцию уже на региональном, международном уровне. На все это неоднократно обращали внимание, помимо этноконфликтологов, специалисты по афро-азиатским странам, где особенно сильно выражены этнокультурные и конфессиональные разломы. Яркой иллюстрацией тут служит динамика нарастающей дестабилизации Ближнего и Среднего Востока.

Третье. Реконфигурация межгосударственных границ неизбежно меняет, иногда принципиально, международный баланс сил и геополитический расклад в окружающем регионе. В предельном варианте реализация сепаратистского проекта может иметь последствия планетарного масштаба, как это было с роспуском СССР.

Четвертое. Перспектива сецессии с высокой вероятностью отвергается центральной властью и остальной частью населения как неприемлемая, как правило порождая острый конфликт «с нулевой суммой». Лишь в единичных случаях государства соглашались на утрату части территории вне экстраординарного контекста. В основном же это происходило в ситуации либо военного поражения, либо крупных гео- и социополитических реконфигураций, таких как деколонизация, перекройка карты на исходе двух мировых войн или самоликвидация коммунизма.

Подавляющее большинство попыток сецессии встречало жесткое противодействие, будь то в автократиях или модельных странах либеральной демократии. В середине XIX в. силой было подавлено стремление нескольких кантонов выйти из состава Швейцарии. Аналогичное решение 11 южных штатов США, на легальности которого до сих пор периодически настаивают некоторые американские юристы и историки, вылилось в Гражданскую войну 1861–1865 гг. В 1868 г. Верховный суд окончательно закрепил принцип нерушимости Союза США.

В наше время готовность вести переговоры о реальной перспективе сецессии продемонстрировали лишь британские власти в случае с Шотландией и Канада по отношению к Квебеку. Но эта позиция является исключением и для Запада. Дания резко отрицательно отреагировала на активизацию в 2000-х годах фарерского сепаратизма. Политический класс Валлонии остается непреклонным противником отделения Фландрии. Жесткую позицию по каталонскому вопросу занимает Мадрид.

Пятое. Именно вопрос сецессии, с его высокой ценой, обладает максимальной мобилизующей способностью и мотивирует обе стороны конфликта на применение любых средств вплоть до вооруженного насилия. Казус борьбы с оружием в руках под лозунгами автономии нам отыскать не удалось ни в одной справочной базе по таким движениям. (Приходящий на ум украинский конфликт генетически имеет совсем иную природу [18]). Напротив, сепаратизм во второй половине XX в. был главным источником вооруженного противоборства: почти 70% из более чем 20 млн. жертв войн и восстаний после 1945 г. погибли в конфликтах на этой почве. Неоднократно борьба центральных правительств с вооруженными сепаратистами сопровождалась гибелью сотен тысяч человек. Партизанская война «тамильских тигров» против властей Шри Ланки стоила жизни примерно 40 тыс. гражданских лиц. Самое большое число терактов до подъема исламского радикализма тоже совершалось под флагом борьбы за независимость. На счету нескольких десятков таких групп не менее 100 тыс. погибших и раненых; число жертв одной только Курдской рабочей партии до ее отказа от сепаратизма и насилия — более 35 тыс. [19]

Кроме того, сепаратизм, допускающий вооруженный путь реализации своей цели, всегда притягивает особую категорию людей, склонных к войне и насилию. В итоге, как отмечал Д. Горовиц, быстро происходит радикализация всего движения, а умеренных лидеров типа Ибрагима Руговы сменяют боевики и террористы типа создателя Освободительной Армии Косово Хашима Тачи [20].

Разумеется, сепаратизм может проявляться и достигать своих целей и в сугубо мирном русле. Но в целом по конфликтогенности и потенциальному дестабилизирующему эффекту он несравним с автономизмом.

Шестое. Все сказанное выше определяет несопоставимость сепаратистских и автономистских устремлений с точки зрения потенциально связанных с ними конфликтов в плане безопасности — локальной, региональной, международной.

Седьмое. Принципиально отличается правомочность автономизма и сепаратизма в рамках как национального, внутреннего, так и международного права. Требования о предоставлении или расширении автономии могут не удовлетворяться, но их выдвижение в современном мире не является и не может быть объектом законодательных запретов. Что касается проектов отделения территории, то ситуация здесь более сложная и во многом противоположная. Поскольку вопрос это столь же запутанный, сколь и дискуссионный, на нем стоит остановиться несколько подробнее.

Лишь три государства признают в конституциях право своих составных частей на сепессию: Эфиопия, Узбекистан (в отношении Каракалпакстана) и карликовая островная Федерация Сент-Китс и Невис. Заметим, ни одно из них не причисляется к «лидерам» по уровню развития правового государства или демократии. Признание права на сепессию во всех трех случаях обусловлено специфическими обстоятельствами принятия конституций. В целом же одностороннее отделение противоречит принципу территориальной целостности и неделимости, закреплённому повсеместно в конституциях и/или других актах национального законодательства и в основополагающих международно-правовых актах.

В ряде стран есть специальные законы об ответственности за те или иные действия, направленные против территориальной целостности. В конце 2013 г. подобный закон был принят и в России [21]. В других отстаивание сепаратистских целей мирным политическим путем может прямым образом не запрещаться и в разных пределах допускаться на практике. На Западе за последние три десятилетия такой подход превратился в стандарт, способствуя развитию там и отдельных реальных проектов отделения, и «креативного» симуляционного сепаратизма [22], а также различных процессов дезинтеграции в остальном мире.

Однако даже то, что называют «легальным сепаратизмом» или «евросепаратизмом», соотносится с законностью противоречивым образом. Здесь мы ограничимся сугубо правовым аспектом, оставляя в стороне морально-политическую легитимность, не всегда совпадающую с формально-юридической легальностью [23].

Ключевое противоречие заключено в том, что даже если сами сепаратистские движения «по умолчанию» считаются законными, их цели вступают в конфликт если не с конституциями, то с другими актами законодательства. Все заключения высших судебных и других инстанций Канады, Дании, Великобритании, Испании, Италии, вынесенные уже в самый последний период (1998–2015 гг.) по поводу референдумов о не-

зависимости (либо таких актов, как новый Статут Каталонии) соответственно Квебека, Фарер, Шотландии, Каталонии и северных регионов Италии указывали на антиконституционность этих региональных инициатив.

Перспективу отделения при условии положительного результата референдума допустили лишь в Оттаве и Лондоне. Но и в этих единичных случаях такая возможность подчеркнута трактовалась не как основанная на праве и на одностороннем волеизъявлении региона, а как результат договоренности, которую предстоит достичь. К примеру, Верховный суд Канады постановил, что односторонняя сецессия Квебека незаконна, но что в случае соответствующего голосования на референдуме у остальной Канады «не будет оснований отрицать право правительства Квебека добиваться отделения» и в этом случае должны будут последовать переговоры об условиях отделения [24]. Такая модель сецессии именуется процедурной в противовес нормативной.

Упоминания о территориальной целостности содержатся в законах любой страны. И они в принципе позволяют признать противоправной разную по характеру сепаратистскую деятельность (о примерах таких судебных решений в западных странах нам уже приходилось писать ранее [25]). Европейская конвенция по правам человека в Статье 10 также допускает определенные ограничения (и санкции) на свободу выражения и распространения мнений и идей, а именно такие, «которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка ...» [26].

Таким образом, легальность даже мирного, политического сепаратизма повсюду остается проблематичной. Ее степень в каждом случае решающим образом зависит от правоприменения, которое в свою очередь определяется правосознанием, политической и правовой культурой, особенностями режима, актуальностью проблемы и ее восприятием, внутривнутриполитическим и международным раскладом и др.

В международном праве существуют известные лакуны и спорные дилеммы, касающиеся ситуаций, связанных с сепаратизмом. Ни прямых запретов, ни права на отделение (вне контекста деколонизации) оно не содержит. Коллизия между основополагающими принципами территориальной целостности и суверенитета государств, с одной стороны, и права на самоопределение, с другой, оставляет поле для различных толкований сферы применения права на самоопределение, форм его реализации и субъекта, которому оно принадлежит.

Вопреки довольно распространенному заблуждению, право на самоопределение закреплено не за нациями, а за народами (в английском варианте Устава ООН — “nations”, в остальных — “народов”, “peuples”, “pueblos”, “Volker” и т.д.). И как неоднократно демонстрировалось в правоведческих исследованиях, под принципом самоопределения при его внесении в Устав ООН понималось самоуправление, а не право на отделение и независимость [27]. Право на самоопределение вплоть до отделения и право на независимость были признаны ООН позже, в ходе деколонизации, для народов колоний, то есть территорий с колониальным статусом. За рамками этого процесса государства,

включая западные демократии, не считали и не считают его применимым ни к отдельным этническим и национальным группам, ни к административно-территориальным единицам в своем составе, включая субъекты федераций. Норвежский правительственный комитет, например, анализируя норму права на самоопределение в связи с требованиями саамских организаций, официально заключил, что «саамское меньшинство в Норвегии не может ссылаться на какие-либо принципы, вытекающие из права всех народов на самоопределение» [28].

В международном праве не установлено также никаких критериев, процедур и правил, регламентирующих признание или непризнание сецессии и самопровозглашенных государств. По словам профессора права Лозаннского университета Этьенна Гризеля, «признание остается чисто политическим решением, которое принимает каждое государство», а полное международное признание обеспечивается признанием со стороны большинства членов ООН [29].

* * *

Сравнительный анализ сепаратизма (сецессионизма) и автономизма выявляет широкий спектр капитальных политических различий между этими двумя стратегиями территориально-политического обособления, несмотря на возможность смены одной на другую и на во многом общую почву, на которой они формируются.

Сепаратизм, при прочих равных, затрагивает гораздо более широкий спектр всевозможных интересов — индивидуальных, групповых, корпоративных, государственных, международных, чем автономистская стратегия. Можно сказать, что успешный сепаратизм создает новую политико-пространственную реальность, тогда как автономизм модифицирует существующую.

Общим ключевым фактором этих различий оказывается цена вопроса о государственных границах и государственной субъектности. И это лишний раз иллюстрирует базовую роль, которую в XXI в. сохраняют государства, несмотря на серьезные изменения в их прерогативах и глобализационные процессы.

Сепаратизм и еврорегионализм

Новое измерение вносит в эту проблему современный европейский регионализм, во многих, если не большинстве случаев не связанный с классическим этнонациональным сепаратизмом. Укрепление субгосударственных региональных единиц в странах Евросоюза выходит за рамки традиционного автономизма. Повышение роли и статуса регионов заложено вместе с принципом субсидиарности и некоторыми институциональными гарантиями в правовую основу ЕС. Поддерживаемое брюссельскими и страсбургскими наднациональными органами, оно является неотъемлемым элементом европейского проекта. В этом контексте регионализм является одной из сторон диффузии национально-государственной власти и организации в наднациональном, транснациональном и субнациональном направлениях.

Однако разворачивающаяся в Европе трансформация политико-пространственной архитектуры все же имеет различные потенциальные векторы. Перспективы и конфигурация будущей европейской системы отнюдь не безвариантны. Более того, сам характер ее модели и будущее национально-государственного начала остается предметом принципиальных, хотя и мало обсуждаемых публично, идейно-политических расхождений в европейских обществах и элитах (и еще больше между обществами и элитами), в том числе и внутри региональных сообществ.

С сепаратизмом — как стратегией дробления государств и/или изменения границ между ними — еврорегионализм соотносится довольно амбивалентным образом.

Прежде всего актуализация локально-региональных идентичностей и расширение компетенции регионов — тенденция внутренне неоднородная. В ней сливаются два качественно различных в своей логике подхода и процесса. В одном случае можно говорить о логике автономизма и децентрализации, которая ориентирована на оптимизацию и демократизацию управления, но не ставит под вопрос ценность национально-государственного объединения как такового. Во втором — о революционном гибриде локализма и европеизма, своего рода европейском аналоге «глокализма».

Второй подход взаимосвязан с мировоззрением постмодерна и подразумевает под «Европой регионов» не просто децентрализацию или «разукрупнение» государств, а прогрессирующую деконструкцию национально-государственных структур и наднациональный формат Евросоюза. Но это, так сказать, идеально-типическая конструкция, в чистом виде представленная не столько в политическом процессе, сколько на неформализованном уровне, в интеллектуальном пространстве. Разного плана представления и концепции, прямо и косвенно питающие это течение, имеют сильное влияние на медийном и идейно-политическом поле. Но повестка реальной политической активности региональных и местных сообществ определяется не ими. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно, например, зайти на сайты автономистских/ регионалистских партий и изучить их программы. Большинство из них носят умеренный характер и дальше лозунгов федерализма, адресуемых центральным властям своих государств, не идут.

Тем не менее идеология радикального еврорегионализма существует. И поскольку она ориентирована на дробление и растворение существующих национальных государств, ее можно рассматривать как одну из постмодернистских разновидностей сепаратизма или квазисепаратизма. Вместе с тем — и в этом состоит еще один аспект амбивалентности — в ценностном и политико-философском плане постмодернистский сепаратизм глубоко противоположен классическому. Последний оспаривает лишь конкретные границы, а не государственно-политическую модель как таковую, и даже, напротив, возводит фактор государственности в абсолют.

* * *

Проблема интерпретации понятия «сепаратизм» и сопоставление сепаратизма (сецессионизма) в узком смысле с движениями за автономию (как и разными типами ре-

гионализма) позволяет яснее представить многие параметры этих явлений. К тому же у этого вопроса есть, помимо теоретического, инструментальное измерение. Терминологические неясности и тенденции, о которых говорилось в первой части статьи, чем бы они ни объяснялись, сами по себе играют еще и инструментальную роль.

Полуотождествление сепаратизма с не имеющими негативной окраски понятиями «автономия» и «регионализм» выполняет вполне практические функции в политическом процессе. Сепаратистам и квазисепаратистам оно позволяет свободнее маневрировать, находить общий язык с оппонентами в собственных рядах, легитимироваться в глазах остальной части общества и центральной власти. Но есть и обратная сторона. Двусмысленность в этом вопросе может давать повод демонизировать автономистские (федералистские) инициативы и внутривнутриполитических или идейных оппонентов. Пример последнего показали украинские события. Как только в феврале-марте 2014 г. на Юго-Востоке страны на волне протеста против нелегитимной смены власти в Киеве и нового курса прозвучали идеи федерализации, они были не просто отвергнуты, но и квалифицированы как «антигосударственный сепаратизм», что лишь способствовало разгоранию гражданской войны.

Кроме того, объединение понятий сепаратизм, сецессионизм, автономизм, регионализм в плохо расчлененном ряду сегодня работает на эволюцию сознания в определенном направлении. Логический подтекст и идейный месседж такого подхода — в том, что фактор государственных границ вообще непринципиален, ибо сами эти границы обречены исчезнуть. В этой логике самоутверждение регионов и распад государств через проекты сецессии представляются двумя сторонами одного и того же процесса перехода к глобальному постнациональному «сетевому обществу».

Полемика вокруг сепаратизма и его конкретных случаев в современном мире, как уже отмечалось, неразрывно связана не только с сугубо геополитическим соперничеством, но и с неотрывным от геополитики противостоянием ценностей и концепций мироустройства. И в этом состоит кардинально важный новый мировоззренческий аспект этой проблематики, без учета которого ее научный анализ едва ли возможен.

Примечания:

1. Нейсбит Дж. Мегатренды. М. 2003.
2. Коцюбинский Д. Глобальный сепаратизм — главный сюжет XXI века. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2013.
3. Павленков Ф.Ф. Энциклопедический словарь. 2-е изд. СПб., 1905. — С.2187.
4. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Под ред. А.Н. Чудинова. СПб., 1910. — 1004 с.
5. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/d160d59ec0ac159043256b560053735a!OpenDocument> (дата обращения: 23.10.2015)

6. Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С. 147.
7. См. напр. Юридический словарь и др. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://enc-dic.com/legal/Separatism-16923.html> (дата обращения: 23.10.2015)
8. Тишков В.А. Моральность сепаратизма [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n61_moralno.html# (дата обращения: 23.10.2015)
9. Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. М., 2012.
10. Horowitz D. Patterns of Ethnic Separatism // *Comparative Studies in Society and History*. 1981. Vol. 23, N 2. P. 165–195.
11. What of Wales? Putting Wales at the heart of the constitutional debate in Britain. Speech given by Leanne Wood AM at UCL, June 11th 2014. — Mode of access: <http://www.partyofwales.org/the-slate/2014/06/12/what-of-wales-putting-wales-at-the-heart-of-the-constitutional-debate-in-britain/> (date of access: 23.10.2015); Plaid Cymru — Party of Wales. — Mode of access: <http://www.partyofwales.org/> (date of access: 23.10.2015)
12. Veneto Libero, Indipendente (nella Nato in Europa e con l'Euro.... Il Problema è lo STATO ITALIANO) // *Rischio Calcolato*. URL: <http://www.rischiocalcolato.it/2014/03/veneto-libero-indipendente-nato-in-europa-leuro-problema-italiano.html> (date of access 23.10.2015).
13. Тишков В.А. Моральность сепаратизма [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n61_moralno.html# (дата обращения: 23.10.2015)
14. Tullberg J., Tullberg B. Separation or Unity? A Model for Solving Ethnic Conflicts. // *Politics and the Life Sciences*. Vol. 16. № 2. P. 237–248. — Mode of access: http://tullberg.org/wp-content/uploads/2013/03/CivDiv.PLS_.pdf (date of access: 23.10.2015)
15. Горовиц Д. Разрушенные основания права сецессии // *Власть*. 2013. № 11. С. 189–191. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2013/11/Horowitz.pdf> (дата обращения: 23.10.2015)
16. Gurr T. Minorities at risk: A global view of ethno-political conflicts. — Wash. 1993. — P. 162
17. См. напр. Cornell S. Autonomy as a Source of Conflict: Caucasian Conflicts in Theoretical Perspective // *World Politics*. 2002. Vol. 54, N. 2. P. 245–276; Нарочницкая Е.А. Этнонациональные конфликты и их разрешение (политические теории и опыт Запада). М., 2000. С. 62–64.
18. Украинский конфликт генетически не относится к таким случаям: он порожден не автономизмом и не сепаратизмом, а неприятием «майданной революции» населением Юго-Востока и глубокими противоречиями вокруг фундаментальных параметров украинского государства в целом. Фактическая сецессия и автономизм стали здесь побочным продуктом гражданского раскола и гражданской войны.
19. Нарочницкая Е.А. Терроризм и демократия // *Европа и США перед вызовом терроризма*. М., 2003. С. 27–59; Forsberg O. On the classification of ethnic groups as proto-terrorist. P. 1. — Mode of access: <http://www.kvasaheim.com/docs/ocseg.pdf> (date of access 23.10.2015)
20. Горовиц Д. Разрушенные основания права сецессии // *Власть*. 2013. № 11. С. 189–191. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2013/11/Horowitz.pdf> (дата обращения: 23.10.2015)

21. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 433-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 30.12.2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/30/uk-izm-dok.html> (дата обращения: 23.10.2015)
22. Подробнее см. Нарочницкая Е.А. Многообразный сепаратизм: проблема типологии и европейские реальности // Актуальные проблемы Европы. М., 2015. №1. С. 32–55.
23. О разделении легитимного и нелегитимного сепаратизма см., в частн.: Нарочницкая Е.А. Многообразный сепаратизм...
24. Hanna R. Right to Self-Determination in In Re Secession of Quebec // Maryland Journ. of Intern. Law. 1999. Vol. 23. Issue 1/9. P. 213–246. — Mode of access: <http://digitalcommons.law.umaryland.edu/mjil/vol23/iss1/9> (date of access: 23.10.2015)
25. Нарочницкая Е.А. Терроризм и демократия // Европа и США перед вызовом терроризма. М., 2003. С. 27–59.
26. Европейская конвенция по правам человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 23.10.2015)
27. Это подтверждает юридический и исторический анализ документации ООН (Heintze H.-J. On the Legal Understanding of Autonomy // Autonomy: Applications and Implications /Ed. by Suksi M. Hague etc., 1998. P. 7–32.
28. Цит. по: Thuen T. Saami peoplehood and ethnopolitics in Norway // The ethnic identities of European minorities / Ed. by Synak B. Gdansk, 1995. P. 101.
29. Grisel E. Séparatismes en Europe: l'heure des référendums? — Mode of access : <http://www.rts.ch/emissions/geopolitis/4577479-separatismes-en-europe-l-heure-des-referendums.html> (Дата обращения: 12.10.2014).

Список литературы:

- Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С. 145–164.
- Горовиц Д. Разрушенные основания права сецессии // Власть. 2013. № 11. С. 189–191. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2013/11/Horowitz.pdf> (дата обращения: 23.10.2015)
- Европейская конвенция по правам человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 23.10.2015)
- Коцюбинский Д. Глобальный сепаратизм — главный сюжет XXI века. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2013. — 132 с.
- Нарочницкая Е.А. Многообразный сепаратизм: проблема типологии и европейские реальности // Актуальные проблемы Европы. М., 2015. №1. С. 32–55.
- Нарочницкая Е.А. Терроризм и демократия. (На примере этнического терроризма в странах Запада) // Европа и США перед вызовом терроризма. — М., 2003 (Актуальные проблемы Европы, 2003, № 1.). С.27–59.
- Нарочницкая Е.А. Этнонациональные конфликты и их разрешение (политические теории и опыт Запада). М., 2000.
- Нейсбит Дж. Мегатренды. М. 2003.
- Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. М., 2012.

- Тишков В.А. Моральность сепаратизма [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n61_moralno.html# (дата обращения: 23.10.2015)
- Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 433-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 30.12.2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/30/uk-izm-dok.html> (дата обращения: 23.10.2015)
- Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/d160d59ec0ac159043256b560053735a!OpenDocument> (дата обращения: 23.10.2015)
- Cornell S. Autonomy as a Source of Conflict: Caucasian Conflicts in Theoretical Perspective // *World Politics*. 2002. Vol. 54, N. 2. P. 245–276
- Forsberg O. On the classification of ethnic groups as proto-terrorist. — P. 1. — Mode of access: <http://www.kvasaheim.com/docs/oceg.pdf> (date of access 23.10.2015)
- Grisel E. Séparatismes en Europe: l'heure des référendums? — Mode of access: <http://www.rts.ch/emissions/geopolitis/4577479-separatismes-en-europe-l-heure-des-referendums.html> (Дата обращения: 12.10.2014).
- Hanna R. Right to Self-Determination in In Re Secession of Quebec // *Maryland Journ. of intern. law*. 1999. Vol. 23. Issue 1/ 9. P. 213–246. — Mode of access: <http://digitalcommons.law.umaryland.edu/mjil/vol23/iss1/9> (date of access: 23.10.2015)
- Heintze H.-J. On the Legal Understanding of Autonomy // *Autonomy: Applications and Implications* / Ed. by Suksi M. Hague etc., 1998. P. 7–32.
- Horowitz D. Patterns of Ethnic Separatism // *Comparative Studies in Society and History*. 1981. Vol. 23, N 2. P. 165–195.
- Plaid Cymru — Party of Wales. — Mode of access: <http://www.partyofwales.org/> (date of access: 23.10.2015)
- Thuen T. Saami peoplehood and ethnopolitics in Norway // *The ethnic identities of European minorities* / Ed. by Synak B. Gdansk, 1995. P. 101.
- Tullberg J., Tullberg B. Separation or Unity? A Model for Solving Ethnic Conflicts. // *Politics and the Life Sciences*. Vol. 16. № 2. P. 237–248. — Mode of access: http://tullberg.org/wp-content/uploads/2013/03/CivDiv.PLS_.pdf (date of access: 23.10.2015)
- Veneto Libero, Indipendente (nella Nato in Europa e con l'Euro.... Il Problema è lo STATO ITALIANO) // *Rischio Calcolato*. URL: <http://www.rischiocalcolato.it/2014/03/veneto-libero-indipendente-nato-in-europa-leuro-problema-italiano.html> (date of access 23.10.2015).
- What of Wales? Putting Wales at the heart of the constitutional debate in Britain. Speech given by Leanne Wood AM at UCL, June 11th 2014. — Mode of access: <http://www.partyofwales.org/the-slate/2014/06/12/what-of-wales-putting-wales-at-the-heart-of-the-constitutional-debate-in-britain/> (date of access: 23.10.2015)

УДК 321; 323; 327

ИРИНА КУДРЯШОВА

Арабское государство до и после «арабской весны»

Аннотация. *Статья исследует основные тренды политической модернизации арабских государств, начиная с османского периода и заканчивая современным этапом. Показаны причины и следствия политической конкуренции исламской, панарабской и национальной (ассоциируемой с государственным национализмом) идей и идентичностей. В контексте событий «арабской весны» проанализированы факторы устойчивости авторитаризма и возможности демократизации во взаимосвязи с эффективностью политических институтов.*

Ключевые слова: *арабское государство, «арабская весна», национализм, ислам, авторитаризм, демократизация.*

Драматические события на Ближнем Востоке, начало которым положила «арабская весна» 2010–2011 гг., могут поворачиваться к наблюдателю разными гранями. Это и массовые демократические порывы, и возвышение политического голоса ислама, и смена многолетних лидеров, и гражданские войны, и вмешательство внешних акторов. Зачастую такое богатство фактов политической жизни мешает понять природу изменений, которые происходят как внутри арабских государств, так и в отношениях между ними.

Что представляет собой современное арабское государство с точки зрения организации власти и политической идентичности? Можно ли сегодня диагностировать кризис нации-государства в арабском мире [1], или точнее признать незрелость, недоразвитие этой современной политической формы? На наш взгляд, второй подход более точен, поскольку освоение интернационализированной формулы нации-государства в неевропейском социуме — сложный, длительный и болезненный процесс. Она пришла на мусульманский Восток в результате колониального давления (в XX в. великие державы повсеместно использовали ее для организации политического пространства), культурной диффузии и имитации.

Анализируя пути государственного и национального строительства в Европе, норвежский политолог Стейн Роккан и его коллеги выделяли два основных направления этого процесса: организация пространства территориальности, связанная с формированием границ, и организация пространства принадлежности, подразумевающая создание внутренней политической инфраструктуры, которая обеспечивает целостность политического процесса и представительство различных групп интересов [2; 3].

Сведения об авторе: *КУДРЯШОВА Ирина Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, старший научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; kudryashova23@yandex.ru.*

У арабского государства не было или почти не было исторического времени для самостоятельного продвижения по этим двум направлениям. После крушения Османской империи внешняя рамка (границы) была гарантирована ему международными соглашениями, но консолидация границ, как и создание современных политических институтов, остались трудно решаемыми задачами.

Вызов новым политиям бросали не только многочисленные локальные лояльности и неформальные институты, но и принципы исламской и арабской транснациональной общности (*уммы*). В политической сфере проблемы постколониального государства проявлялись в форме военных переворотов, жесткого подавления оппозиции, несимметричности властных структур, этноконфессиональных конфликтов, политизации ислама и росте межарабских противоречий. При этом для всех арабских стран результатом модернизации стало появление новых политических интересов и сил, ведущих борьбу за доступ к материальным и символическим ценностям, т.е. резкое нарастание требований по отношению к политической системе.

Анализ структурного развития этих государств представляет собой немалую трудность именно в силу вторичности и форсированности модернизации, т.е. одновременного освоения различных эволюционных фаз государственного строительства — социализации населения, конституционализации, рационализации и функционализации власти, создания систем представительства и др. [4].

Внешне разнородные события (трудно, казалось бы, сопоставить гражданскую войну в Сирии, «активные реформы» в Марокко и демократические выборы в Тунисе) могут быть рассмотрены и интерпретированы в рамках общей логики модернизации (и демократизации как ее составной части). В таком ключе «арабская весна» — это резкая дестабилизация политических систем под влиянием растущих массовых ожиданий в условиях незавершенности национального строительства и невысокой эффективности и легитимности государственных институтов. Чтобы понять закономерность арабских кризисов развития, нужно обратиться к истории формирования арабской институциональной системы и механизмов ее легитимации — внутренних и внешних.

Традиционное мусульманское государство и европейские институты

До начала XIX в. мусульманские ученые и правители концептуализировали властные отношения в терминах *уммы* (единого сообщества мусульман), *халифата* или *султаната* (систем традиционного мусульманского правления при относительном доминировании, соответственно, религиозного или политического элемента). Термин *дауля*, который сегодня используется в арабском языке для обозначения государства, встречается и в Коране, и у средневековых мусульманских авторов. В глагольной форме это слово первоначально означало «чередоваться», «меняться» и «прекращать свое существование». В эпоху Аббасидов и позже оно часто использовалось для описания превратностей судьбы, взлетов и падений. Известный востоковед Бернард Льюис отмечал, что впервые этот термин был употреблен в его современном смысле (т.е. не династии и не господства) в османском меморандуме около 1837 г. Для напол-

нения его реальным политическим содержанием должно было пройти еще немало десятилетий.

В XIX в. арабские территории имели политический статус вилайетов Османской империи, где султан был верховным носителем политической власти и главой мусульманской общины. Такое положение дел соответствовало представлениям традиционного арабского общества.

К концу XVIII в. Османская империя в целом сохраняла легитимность власти и основную институциональную структуру. Однако политико-экономическое давление ведущих западных держав, которые осуществляли переход к конституционализму и индустриальной экономике, а также растущая мощь периферии поставили перед ней вопрос о реформах. Первый этап реформ (до 1839 г.) не затронул властных структур. Правитель Египта Мухаммад Али (1805–1849) первым предпринял попытку трансформировать этот вилайет в ядро независимого арабского государства. Египет имел к тому предпосылки: длительную и славную историческую государственность в пределах более или менее постоянных границ, в основном мусульманское арабоязычное население, военный, культурный и экономический потенциал. Его быстрое усиление, однако, привело к вмешательству великих держав, восстановивших статус-кво. Именно при Мухаммаде Али выпускник исламского университета Аль-Азхар Р. ат-Тахтави, несколько лет проживший во Франции и написавший книгу «Имам в Париже» — первый опыт осмысления сложных взаимоотношений между исламом и современностью, подготовил путь к восприятию политики не только как *уммы*, но и как территориального пространства, введя в политический дискурс концепт родины как «гнезда человека» [5].

Следующий этап реформ в империи (*танзимат*, 1839–1876) был направлен на модернизацию управления, включая его унификацию и централизацию. Султанский рескрипт 1839 г. провозгласил (со ссылкой на шариатское право) принцип равенства и безопасности всех подданных империи, гарантии индивидуальной безопасности и равенства перед законом. Идеи танзимата и контакты с европейцами привели к появлению в Тунисе и Египте первых институтов представительства (совещательных палат) и конституций.

Одновременно интенсивное европейское воздействие стало причиной зарождения в 1840-х годах в Египте и исторической Сирии просветительского движения (в основном среди христиан), стоявшего у истоков арабского национализма. В 1875 г. Т. аль-Язиджи организовал первое в Сирии Арабское тайное общество, которое призывало к освобождению страны от турецкого гнета, отмене цензуры, свободе слова и просвещения. В 1904 г. в программе Лиги арабской родины, основанной в парижской эмиграции сиро-ливанским христианским политиком Н. Азури, говорилось, что организация в интересах ислама и арабской нации стремится к отделению гражданской власти от религиозной и созданию конституционной монархии [6].

Модернизационные реформы в Османской империи породили дуализм ориентаций. Стянуть образовавшийся разрыв между традиционным и современным впервые по-

пытались сторонники доктрины османизма, которые выдвинули идею о возможности укрепления имперской власти путем утверждения конституции, парламентаризма и создания «османской нации» на основе интегрирования сотен этнических, религиозных, региональных и социальных групп. Мусульманские реформаторы (Дж. аль-Афгани, М. Абдо, А. аль-Кавакби, Р. Рида), считая взаимоотношение ислама и современности ключевым моментом для развития мусульманских сообществ, пытались найти точки соприкосновения в исламской и западной политической мысли. Они подчеркивали, что конституционализм и парламентаризм соответствуют принципам и институтам ислама, таким как *джамаат* (местное сообщество), *шура* (совет), *иджмаа* (мнение сообщества), *мушавара* (консультации с целью принятия решения). Истоки превосходства Запада большинство мусульманских интеллектуалов видело в европейском политическом устройстве. Аль-Афгани, например, считал основными причинами упадка мусульманского мира отсутствие справедливости (*адль*), принципа консультаций в общине и конституции, ограничивающей правителя. В его концепции халифат имел не только религиозное, но и политическое значение: он должен был обеспечить мусульманское политическое единство [7].

В 1876 г. в Османской империи была принята конституция, которая провозгласила основные права и свободы граждан империи независимо от вероисповедания, учредила двухпалатный парламент и косвенно (признав правомочность выборов и представительства) несколько ограничила права султана. Она впервые провозгласила существование общности, именуемой народом, как источника власти. Был провозглашен курс на строительство османской нации, состоявшей из различных этнических групп.

Ограниченный эффект реформ периода танзимата, вызовы сепаратизма, недовольство консервативного духовенства и некоторые другие причины привели к государственному перевороту 1878 г. и корректировке идейно-политического курса в сторону панисламизма. Султан Абдул Хамид II (1876–1909) распустил парламент и приостановил действие конституции. Ради сохранения государства и собственной власти он признал приоритет мусульманского сообщества (как эквивалента народа) над государством и поставил принцип халифата выше султаната в отношениях с общиной. Фактически это был первый шаг к разделению политической и религиозной подсистем, противопоставлению рационального и идеального.

Большое значение для формирования арабской политической идентичности имел вопрос о халифате. Великобритания, стремясь разъединить турок и арабов, через публикации в прессе и своих эмиссаров на Аравийском полуострове противопоставляла османизму «этнонациональный» подход, состоявший в том, что халифом должен быть шериф Мекки, араб-курейшит. Одновременно она, как и Франция, поддерживала контакты с арабскими националистами Сирии и другими сторонниками арабской автономии.

Когда Османская империя вступила в Первую мировую войну на стороне Германии, британское правительство попыталось осуществить план вооруженного выступления арабов против султана. Первые две попытки (арабских националистов в Сирии и эмира

Неджада) потерпели неудачу, и Лондон обратился к правителю Хиджаза шерифу Хусейну, пообещав поддержку в создании независимого арабского государства. Позднее к соглашению был добавлен пункт о признании любого халифа, которого сами арабы сочтут достойным избрания. В этом документе термин *дауля* был использован в значении западного *state*.

Националистические дискурсы и ислам

Борьба великих держав за османское наследство на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. шла на фоне нарастания антиколониальной борьбы (Египет, Ирак, Сирия), однако страны региона в итоге превратилась в зависимые территории Великобритании и Франции с различными системами политического контроля (прямое управление, институт верховного комиссара и советников, особые договорные отношения). Несмотря на то, что в целом арабские сообщества выступали против власти турецкого султана, крах халифата означал развал административной системы, которая в течение многих столетий была символом политической целостности и духовным щитом мусульман. В итоге получить независимость смогли только Саудовская Аравия и Йеменское королевство, в которых центральная власть была основана, соответственно, на неждидийских племенных принципах и наследственном имамате зейдитов.

В институциональном аспекте мандатная система оказала решающее воздействие на формирование современного арабского государства, так как в этот период были созданы территориальные политии, образование которых было определено не естественным развитием обществ, а волей и интересами великих держав. Арабское общественное сознание далеко не сразу восприняло их как государства, и для их обозначения использовался такой термин, как *кутр* (страна, земля, область). Движения против иностранного вмешательства воспринимались в тот период либо как локально-патриотические, либо как арабские.

В 1920–1930-х годах король Ирака Фейсал мечтал объединить Аравию и ирако-сирийскую унию; идею Великой Сирии и присоединения к ней Ирака отстаивал эмир Трансиордании Абдалла. О популярности идей арабского единства свидетельствуют арабские конгрессы 1931 г. в Иерусалиме и 1938 г. в Брюсселе, участники которых определяли арабизм как «чувство необходимости освобождения и единения» [8]. «Арабское отечество» [9] казалось ключом к созданию эффективной политической системы управления, модернизации экономики, развитию человеческих ресурсов, словом, преодолению отсталости и возвращению на качественно новом уровне «золотого века», когда миру ислама принадлежали передовые позиции в науке, образовании и производстве материальных ценностей.

К середине 1930-х годов широкое признание в интеллектуальных кругах получила светская концепция арабского единства С. аль-Хусри. Трактую арабский национализм в духовном ключе, мыслитель придавал первостепенное значение таким факторам формирования нации, как общность языка и общность истории: «Нация — это соци-

альный организм, характеризующийся жизнью и чувствами. Жизнь нации — ее язык, чувства — ее история» [10]. Поскольку тезис об исторической и языковой общности требовал отделения истории арабов от истории ислама, он разделил процессы арабизации и исламизации, показав, что первое не обязательно влечет за собой второе, и наоборот; значение ислама заключалось для него прежде всего в сохранении самобытности арабской нации.

Однако развитие националистических концепций и движений, отражавшее процессы социализации и одновременно плюрализации общества, отнюдь не исключало другой политической тенденции, связанной с возрождением халифата (формально он был отменен в Турции в 1924 г.). Она выражалась как в созыве исламских конгрессов, называемых «всемирными», так и в образовании исламских политических организаций, которые на Западе позднее получили название исламистских. В 1928 г. в Египте была создана первая такая организация — Ассоциация «братьев-мусульман». Ее основатель Х. аль-Банна переработал такие концепты, как национализм, патриотизм, государство-нация, конституционализм, которые стали частью исламской терминологии [11]. Он также преуспел в переводе доктрины на язык социального действия. Палестинское восстание 1936 г. дало ему возможность выйти из узких рамок философского и религиозного проповедничества и «выпустить» организацию на египетскую и арабскую политические арены.

Аль-Банна был, возможно, первым исламским мыслителем, сделавшим акцент на важности создания современной политической партии и программы действий. Его пример и идеи вскоре нашли отклик в соседних странах и привели к появлению многочисленных ответвлений Ассоциации. Возрождение института халифата он считал желательным, но не слишком скорым и не обязательным.

В 1920–1930-х годах была сформулирована и концепция мусульманского национализма. В особых условиях Британской Индии, где существовала индусско-мусульманская рознь, Мухаммад Икбал отождествил понятие конфессиональной общности с нацией, а затем увязал понятие нации с территорией. При этом он считал единство и равноправие двумя столпами исламского общества и был уверен в совместимости республиканских принципов с исламом [12].

Независимость арабские государства обрели в основном после Второй мировой войны. Как в межвоенный период, так и в период независимости в арабском общественно-политическом процессе сложно четко зафиксировать соотношение исламского и национального в их различных интерпретациях. Как справедливо указывает российский востоковед А.А. Алиев, «на практике подобные приоритеты редко проявлялись в чистом виде: главенствующим фактором мог быть и национальный, и религиозный аспект» [13]. Например, в 1950–1960-х годах в ряде мусульманских стран предпринимались попытки ограничения роли религии в общественной жизни и поощрения различных форм светского национализма как локального, так и общеарабского характера. Хотя секуляризм не фигурировал в качестве явной цели, приоритет национализма лишал ислам универсальности, «замыкая» его в духовной и бытовой сферах. Этот ис-

лам «революционных демократов» можно определить как националистический; корни же его уходят в исламское реформаторство.

Государство стремилось активно использовать традиционные мусульманские ценности: помимо земельной реформы, национализации и социальных мер националистические элиты включали в публичный дискурс историю ислама и его героев. Мишель Афляк, один из основателей партии Баас, говорил о пророке Мухаммаде как о пионере арабизма и арабского единства; Г.А. Насера часто уподобляли Салах ад-дину, объединившему Египет и Сирию и одержавшему многочисленные победы над крестоносцами. Таким образом, политические, социальные и экономические преобразования санкционировались отчетливо выраженными в исламе принципами эгалитаризма и справедливости.

Неудача попыток арабского единения, обусловленная разнородностью политических режимов, неравномерностью социально-экономического развития, противоборством элит и внешними факторами, упрочила курс на «страновой» национализм. В итоге он принял форму лояльности государству, обусловленной не только восточной традицией (служение государству как служение всем, коллективу), но и тем, что только государство способно было обеспечить единство и относительную стабильность, аккумулировать ресурсы для начала модернизации. Поскольку при отсутствии граждан, осознающих себя в качестве членов политического сообщества (для появления таких граждан и соответствующего типа сознания необходим более высокий уровень модернизации), не может быть устойчивой власти демократического типа, у власти в этих странах оказалась военная (изначально обладавшая средствами насилия) или гражданская (ассоциируемая с государством в целом) бюрократия. Попытка установления режима консociативной демократии в качестве механизма управляемого политического участия в вертикально сегментированном Ливане оказалась не слишком эффективной и привела к консервации партикулярных интересов.

Острейшая нужда в экономических, военных, культурных ресурсах, необходимых для предотвращения дезинтеграции (из-за этнических, конфессиональных, идейно-политических разногласий), объективно толкала арабские страны к поиску союзников-спонсоров, которыми в эпоху биполярного мира могли стать (и стали) только сверхдержавы — СССР и США. Проникновение в регион сверхдержав существенно отразилось на политических структурах ориентированных на них стран. Вариативность институциональных моделей была очень высока: от абсолютных и ограниченных династических монархий (государства Персидского залива, Марокко, Иордания) и квазилиберальных многопартийных систем (Тунис, Ливан, Египет после Г.А. Насера) до правящих массовых партий, в том числе в составе фронтов (Египет при Насере, Судан в периоды между военными диктатурами, Ирак, Сирия, Алжир, НДРЙ), и «непосредственного народовластия» через систему первичных народных собраний в Ливии. Тем не менее во всех случаях (кроме, может быть, Ливана до начала гражданской войны в 1975 г.) стабильность и относительная сплоченность этих формирующихся политических сообществ гарантировалась авторитарной властью, разрешающей многочисленные конфликты в режиме «ручного управления».

Особняком стояли патримониальные сообщества Персидского залива, среди которых только Кувейт при получении независимости обрел формальные атрибуты конституционной монархии. Здесь в конце 1950-х — начале 1960-х годов внешние факторы, то есть регулярные интенсивные политические и экономические контакты с Западом, вызвали прерывание эволюционного пути и заставили слабую центральную власть усиливать свои ресурсы, в том числе через институционализацию политических организаций и процедур. Обладание стратегическими нефтяными запасами позволило этим странам избежать жесткого внешнеполитического давления и осуществить своеобразную «общественную консервацию» путем развития механизмов «социального государства».

Таким образом, в биполярную эпоху арабское государство проделало немалый путь с точки зрения формирования территориальности, централизованных властных институтов и идентичности, значительно укрепив внешнеполитические позиции и внутреннюю безопасность. В то же время за такой небольшой срок не могли быть решены задачи политической модернизации. В институциональной сфере политические организации и процедуры не получили реальной автономности и продолжали оставаться инструментами различных социальных групп, являя собой симбиотическое сочетание современных и традиционных форм. Сохранение политической управляемости при быстрых социально-экономических преобразованиях объективно требовало ограничения оппозиции, особенно «снизу». Массовые движения в религиозной форме исторически всегда были спутником модернизации, а ислам как религиозная система предоставляет уникальные возможности для артикуляции социально-политических и культурных интересов [14].

В подобных условиях там, где не было жесткой националистической диктатуры (как в Ираке, Сирии и отчасти Ливии), ислам стал превращаться в инструмент поддержания социетального равновесия с позиции власти, с одной стороны, и инструмент мобилизации оппозиции — с другой. Однако одновременно стал происходить поворот в сторону признания «национального этапа развития» в среде исламистских деятелей, которые там, где была возможность, стремились к расширению легального политического участия.

С усилением глобализационных процессов в 1990-х годах давление на государство с целью проведения институциональных изменений усилилось как извне, со стороны мировых лидеров, так и изнутри.

Авторитаризм и стабильность 1990–2000-х годов

Как в 1990–2000-х годах, так и сегодня в арабских странах представлены два типа политических режимов — гибридные и авторитарные. Американский политолог Л. Даймонд подразделяет первый тип на режимы авторитарной электоральной гегемонии, соревновательного авторитаризма и так называемые «неоднозначные» (*ambiguous*) [15]. Эксперты «Экономист интеллидженс юнит», осуществляющие регулярный мониторинг режимных изменений с 2006 г., оценивают средний уровень развития демокра-

тических институтов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (включая Израиль) в 2010 г. — в 3,43 и в 2011 г. — в 3,62 балла, при среднемировом значении 5,46 и 5,49 (консолидированные демократии набирают от 8 до 10 баллов). В 2010 г. только три арабских режима отнесены ими к гибридным (Ливан, Палестина и Ирак), в 2011 г. прибавился Тунис [16].

За счет чего арабским политическим элитам удавалось в 1990–2000-х годах поддерживать стабильность в быстро меняющихся социальных и политических условиях? Отчасти — за счет ограниченных реформ для повышения качества управления и укрепления легитимности власти во внутренней и международной сферах. Выразительными сигналами либерализации (понимаемой как реформы «сверху») стали, в частности, Закон о Консультативном совете (1993 г.) и учреждение Центра национального диалога имени короля Абдель Азиза (2003 г.) в Королевстве Саудовская Аравия [17]; возобновление парламентских выборов в Бахрейне (2002 г.); первые альтернативные прямые президентские выборы в Египте; наделение женщин Кувейта пассивным и активным избирательным правом (2005 г.). С 2004 г., после снятия западных санкций, появились официальные высказывания о подготовке конституции в Ливии.

Однако одновременно с либерализацией имело место ужесточение контроля над СМИ и оппозицией (чаще всего под предлогом борьбы с экстремизмом и терроризмом). В первую очередь это касалось сильных исламистских организаций. Так, в Тунисе, при формальном сохранении многопартийности, в 1992 г. была запрещена партия «Ан-Нахда» («Возрождение») и обеспечена монополия на власть президентской Конституционно-демократической партии. Х. Мубарак сохранил в Египте действие закона о чрезвычайном положении 1981 г. и не легализовал крупнейшую оппозиционную Ассоциацию «Братьев-мусульман», члены которой были вынуждены участвовать в выборах либо в качестве независимых кандидатов, либо в блоке с другими партиями, заведомо проигрывая «партии власти». Поправки в конституцию, внесенные в 2007 г., окончательно закрепили запрет на создание партий на основе религии и ссылок на религию [18].

В Сирии сохранялось конституционное закрепление ведущей роли партии Баас, которой принадлежало и монопольное право выдвижения кандидата в президенты. Пришедший к власти в 2000 г. президент Б. Асад обещал осуществить либерализацию политической и экономической сфер, «сирийская весна» не продлилась и года.

И в Сирии, и в Египте значимую роль в общественно-политической жизни продолжала играть армия, имевшая собственную экономическую базу (часть госсектора): промышленные предприятия, строительный бизнес, пенсионные фонды, туризм и др.

В Ливии племенной этос был соединен Каддафи с «третьей мировой теорией», которая трактовала демократию как систему народного самоконтроля. Всеобщий народный конгресс представлял собой разновидность «великого совета», одобрявшего решения первичных народных собраний. В таких условиях не нужна была и формальная институционализация лидерства: Каддафи был «просто» вождем.

В Йемене, несмотря на многопартийную систему, последние «предвесенние» выборы состоялись в 2003 г., когда подавляющее большинство получила президентская партия Всеобщий народный конгресс. Ввиду роста напряженности между правительством и оппозицией в 2009 г. была достигнута договоренность о проведении национального диалога и переносе выборов на 2011 г., однако президент А. Салех проигнорировал призыв оппозиции к электоральной реформе и стал публично позиционировать своего сына Ахмеда в качестве преемника.

Эти примеры показывают, что выживаемость недемократических режимов покоилась на репрессивном принуждении и, одновременно, мерах по укреплению легитимности власти. Уровень и источники этой легитимности постоянно менялись. В институциональном плане ее поддерживали новые или реорганизованные политические и общественно-политические институты (выборы, партии, неправительственные организации, гуманитарные фонды) и либо бюрократическая ротация в элитах, либо их расширение за счет представителей бизнеса, технократов и лояльной оппозиции. Идеологические ресурсы власти (арабский национализм, социализм, неотрадиционализм) постепенно истощались, поскольку плохо соответствовали новым общественно-политическим реалиям. Вовне позиции арабских лидеров подкреплялись лозунгами начала «демократических реформ» и борьбы с исламскими экстремистами, а также курсом на постепенную либерализацию экономики.

Использование современных политических форм свидетельствовало, безусловно, о проникновении в регион новых политических стандартов, но не о демократизации. Умеренно-альтернативные выборы, расширение парламентского представительства и создание неправительственных организаций имели целью сохранить управляемость политической системы путем неформальных сделок с представителями традиционных элит на местах и дозированного доступа оппозиции в законодательные учреждения. Большинство населения в силу доминирующего парохияльно-подданнического типа политической культуры голосовало (там, где существовал институт выборов) не за программы или идею, а за кандидатов, которые, как предполагалось, обеспечат им определенные личные блага (помощь в поиске работы, получении лечения и др.). Уровень электоральной активности оставался низким. Статичность политического процесса поддерживалась также использованием неформальных институтов для агрегации интересов (патрон-клиентские и иные связи).

По сути, новые институты авторитарных режимов способствовали не формированию системы урегулирования неизбежных в процессе политического развития кризисов, а нейтрализации угроз правящим элитам. Однако отсутствие ценности (в глазах как населения, так и власти) и устойчивости этих политических организаций и процедур воспрепятствовало социальной интеграции в период, когда власть столкнулась с острым дефицитом ресурсов [19].

Арабские протесты как выражение политического тренда демократизации

Демократизацию на Ближнем Востоке очень часто связывают с соответствующей политикой Запада, символом которой стало вторжение коалиционных сил в Ирак

(2003 г.) и его последующее «демократическое переустройство». Безусловно, курс на демократизацию региона имел немалое значение, однако, как будет показано ниже, прямое влияние США и ЕС на внутривнутриполитические процессы в арабском мире к концу первого десятилетия XXI в. стало заметно снижаться. Мы предложили бы более широкую трактовку переходных процессов в арабских странах — в контексте мировых волн демократизации.

Теорию волн демократизации как тренда мирового развития разрабатывали многие политологи, предлагавшие, в зависимости от интерпретации исторических событий, различные варианты периодизации подъемов и спадов демократии. Наибольшую известность приобрел подход С. Хантингтона, который выделил три таких волны [20]. К особенностям его концепции относятся минималистское понимание демократии (как политического участия, выборов, соревновательности, значимой связи между основными политическими партиями и электоратом) и включение в волну случаев «неполных переходов» — либерализации или частичной демократизации. Характеристику третьей волны он завершает периодом распада СССР (1991 г.). По мнению многих исследователей, посткоммунистические режимные изменения имеют настолько яркие особенности (связанные, в частности, со строительством новых государств на постимперском пространстве), что их следует выделять в особую волну — четвертую [21; 22; 23]. В таком ракурсе новую — пятую — волну образуют политические изменения, принесенные «цветными революциями». Выступления против авторитарной власти, рост гражданской активности и ее индивидуализацию можно считать индикатором формирования новой культурно-политической традиции и в арабском мире. (Отмечая изменения в поведении арабских демонстрантов, известный французский исследователь ислама и ближневосточной политики О. Руа пишет, что они уже не сжигают толпой американские или израильские флаги, но выступают за права и достоинство человека [24].)

Что позволяет так думать? Во-первых, во всех выступлениях выдвигались лозунги борьбы с авторитаризмом, за демократию. Во-вторых, сами события имели массовый характер и развивались «снизу» (не случайно некоторые из них получили название «революций без лидера»). В-третьих, в ряде стран политическая активность населения принесла плоды в виде организации новых партий, либерализации законодательства, расширения прав и свобод, проведения демократических выборов. Это свидетельствует о постепенном изменении социально-политических ориентиров граждан и о стремлении к расширению политического участия.

Наиболее далеко по пути демократизации продвинулся Тунис, где в результате длительного политического торга в 2014 г. была принята конституция, перераспределяющая исполнительные полномочия в пользу подотчетного парламенту премьер-министра и использующая компромиссные формулировки относительно роли ислама в жизни общества [25]. В Марокко конституционная реформа 2011 г. расширила полномочия главы правительства, который стал назначаться по результатам парламентских выборов. Было сформировано коалиционное правительство, которое возглавил лидер прежде оппозиционной умеренно исламистской Партии спра-

ведливости и развития А. Бенкиран. Новая конституция Сирии, принятая в 2012 г., также сигнализировала о начале трансформации режима (она предусматривает многопартийность и более не содержит упоминаний о руководящей роли партии Баас и социализме) [26].

В Саудовской Аравии в 2012 г. Консультативный Совет обрел право законодательной инициативы; в его новом составе представлены не только женщины, но и представители шиитской общины. В 2005 и 2011 г. в Саудовской Аравии прошли частичные выборы в муниципальные советы. В конце лета 2015 г. началась третья муниципальная избирательная кампания, в ней стали также участвовать женщины. Особого внимания заслуживают меры государства по усилению контроля над религиозной сферой — в частности, «обюрокрачивание» улемов [27]. Религиозный дискурс остается наиболее важным инструментом социальной политики и легитимации власти правящей семьи. В 2011 г. был запущен механизм Национального согласительного диалога в Бахрейне. Первые в истории муниципальные выборы были проведены в 2012 г. в Омане (по их результатам четыре мандата завоевали женщины).

Возможно, самая неоднозначная ситуация сложилась в Египте, где в 2011–2013 гг. дважды силовым путем сменялась власть и были последовательно приняты две конституции. Ни одна из них — ни «исламистская» 2012 г., ни «военная» 2014 г. — не смогла стать основой национальной консолидации, о чем говорит разброс голосов по итогам референдумов. Конституция 2014 г. в целом расширила права и свободы человека, закрепила за парламентом право объявлять недоверие (и на определенных основаниях — импичмент) президенту и передала назначение генерального прокурора от президента к Высшему судебному совету. Вместе с тем она запретила создание партий на религиозной основе и легализовала участие армии в политическом процессе [28]. Новый глава государства, ас-Сиси, исключил из политического процесса не только «Братьев-мусульман», но и либеральные и левые силы, повысив тем самым уязвимость режима. (В условиях падения популярности президента Мурси проведение запланированных парламентских выборов могло бы привести к легальному усилению и даже победе оппозиции, политическому торгу и дальнейшим изменениям мирным путем.)

В Ливии свержение Каддафи и рост политического насилия вызвали взрыв давних региональных противоречий и оформление нескольких центров влияния, что лишило демократически избранный в 2014 г. парламент возможности осуществлять власть на общегосударственном уровне. В Йемене, где также глубоки социокультурные расколы, компромисс, достигнутый после смены многолетнего политического лидера А. Салеха, оказался недолговечным и закончился вооруженным противостоянием.

Тем не менее Индекс демократии 2012 и 2013 г. отразил повышение открытости политических систем ряда арабских стран: в число гибридных режимов вошли, помимо упоминавшихся выше, Ливия, Египет и Марокко, а общий региональный индекс несколько поднялся — до 3,73 (в 2013 г. он снизился — до 3,68) [29; 30].

Соотношение внутренних и внешних факторов политических трансформаций

Успех операции по освобождению Кувейта в 1991 г. выявил новые возможности Запада в подключении ближневосточного региона к процессам формирования постбиполярного мира. В 1990–2000-х годах арабские страны активно вовлекались в различные проекты многостороннего сотрудничества, в том числе предусматривавшие продвижение политических реформ. В 1995 г. был дан старт проекту Евро-средиземноморского партнерства, в 2004 г. произошло его дополнение стратегией Европейской политики соседства, в которую после снятия международных санкций вошла также и Ливия. В 2008 г. был запущен проект Средиземноморского союза. Однако, несмотря на наличие постоянного механизма обсуждения, организационной структуры и специального бюджета, результаты этих инициатив применительно к арабским странам выглядели невыразительно [31]. Крайне негативное влияние на их реализацию оказала война в Ираке.

Наряду с ЕС демократизацией региона были озабочены НАТО, «группа восьми», институты ООН и, конечно, США. В 2004 г. США на саммите «группы восьми» выдвинули известный план «Большого (расширенного) Ближнего Востока», предусматривавший ускоренное продвижение политических и экономических реформ. Однако у американской администрации так и не возникло обоснованных идей относительно того, как можно реально добиться поставленных задач, если не считать предложения работать над соглашением о зоне свободной торговли (по аналогии с европейским партнерством) и специализированных программ Государственного департамента в рамках Инициативы ближневосточного партнерства. Основным каналом «продвижения демократии» стали постоянное внешнеполитическое давление и деятельность различных правительственных и неправительственных организаций по развитию гражданского общества (в первую очередь — Агентства США по международному развитию, Национального фонда поддержки демократии и Инициативы ближневосточного партнерства).

Перечисленные выше инициативы были значительно ограничены как авторитарной природой арабских режимов, так и спецификой самих гражданских структур, где ведущую роль играли исламские организации. Это создавало серьезные проблемы для американской внешней политики — фактически у США на ближневосточном направлении не было средств влияния на внутривнутриполитическую ситуацию (за исключением прямого вмешательства по иракскому сценарию). С приходом к власти Б. Обамы и началом мирового экономического кризиса финансирование «программ демократизации» было сокращено.

США придавали огромное значение строительству демократии в Ираке, рассматривая его как своего рода пилотную страну региона. Однако в 2006 г. из-за истощения финансовых и военно-технических ресурсов началась пробуксовка «войн за демократизацию», да и вся политика «принуждения к партнерству» оказалась в подвешенном состоянии. Двойственный характер имела известная речь Обамы в Каире (2009 г.), где он говорил об уважении к исламу, воле народов и суверенитете Ирака, но также и о приверженности демократии и готовности повсюду поддерживать права человека [32].

Капиталистическая интернационализация 1990-х годов также имела противоречивые последствия. Либерализация экономики и сотрудничество с такими международными институтами, как МВФ и Всемирный банк, позволили арабскому миру подключиться к мировым хозяйственным связям, привлечь инвестиции, получить технологическую поддержку, осуществить инфраструктурные программы и др., но вместе с тем сделали его заложником мировой экономической конъюнктуры. Страны, которые прибегали к помощи МВФ, были вынуждены соблюдать финансовую дисциплину и ограничивать социальную нагрузку бюджета. Особенно болезненно это было для тех, кто не входил в круг крупнейших экспортеров углеводородов и имел значительный государственный сектор экономики (Египет, Алжир, Тунис, Сирия). Реформа этого сектора, помимо социально-экономических последствий, была весьма чувствительной в силу его идейной привязки к борьбе за независимость и арабскому социализму. Несомненно, однако, что подключение всех арабских государств к мировым экономическим процессам ускорило изменение социальной структуры и вызвало рост социальных требований.

Таким образом, прямые внешние усилия по демократизации региона нигде, за исключением Ирака, не достигли успеха. Государственная бюрократия, военные и другие клики продолжали доминировать на политической арене. Не западное влияние стало и непосредственной причиной «весны» — и США, и Европа действовали весьма прагматично, учитывая опыт «войн за демократизацию». Конечно, это не означает, что в ходе начавшейся политической дестабилизации западные игроки не постарались реализовать свои политические и экономические интересы — в первую очередь это справедливо в отношении режима М. Каддафи. Насколько разными были эти интересы, показали долгие согласования общей позиции и конкретных действий по осуществлению вмешательства. Эскалация сирийского кризиса, наоборот, была в первую очередь инспирирована региональными игроками, предпринявшими попытку ликвидировать «неудобный» алавитский режим.

Общее влияние международной среды выразилось, по нашему мнению, прежде всего в так называемых «демонстрационных эффектах» (уровень и качество жизни в развитых странах, функционирование демократических институтов, уважение прав человека и др.), к которым особо восприимчива молодежь. Эти эффекты обусловили и чувство социальной депривации даже в условиях объективного роста уровня жизни в арабских странах [33]. Восприятию новых политических образцов также способствовала трудовая миграция, усилившаяся в результате структурной перестройки экономики и мирового экономического кризиса. Развитие новых коммуникационных и информационных технологий привело к распространению неформальных сетей, трансформировавших политические обстоятельства в гражданские структуры.

Сдвиги, произошедшие в унастроениях и ориентациях граждан, зафиксировали социологические опросы. По данным центра социологических исследований «Пью рисерч», в апреле–мае 2010 г. демократию считали самой предпочтительной формой правления 59% египтян, в 2011 г. — 71%, в 2013 г. — 67% [34; 35; 36].

Внутренние переменные, как представляется, сыграли ведущую роль в арабских событиях. Даже выступления в Сирии не приняли бы формы гражданской войны с иностранным участием, если бы Х. Асад в период сирийской «весны» 2000–2001 гг. легализовал политическое участие демократической и умеренной исламской оппозиции и усилил роль представительных органов.

Демократизация и ислам

Активно дискутируемым в научных и журналистских кругах остается вопрос о самой возможности демократических реформ в мусульманских странах. После начала «глобальной войны с терроризмом» в 2001 г. спор о совместимости ислама с демократией принял почти что экзистенциальный характер.

Некоторые исследователи полагают, что ислам в принципе не совместим с современностью и, соответственно, демократией, поскольку не подвергся реформе и остался «целостным» (то есть не претерпел разделения на публичное и индивидуальное, политическое и религиозное) [37; 38; 39]. Рационализация отношения к священному была важнейшим условием демократических процессов в Европе. О необходимости реформы, которая положит конец «тотальности» ислама и позволит мусульманскому обществу функционировать по западным принципам «автономизации» и «дифференциации» групп и организаций, активно пишут представители исламского модернизма — в основном мусульманские интеллектуалы, работающие в западных странах, но также и российские авторы [40; 41; 42; 43; 44].

Большинство публичных дебатов на эту тему не свободны от методологических ошибок. Речь, в частности, об отождествлении демократии с либеральной демократией и либеральной демократии — с развитием, приравнении политического ислама к экстремизму и игнорировании микросоциологии мусульманских обществ (процесса социализации и формирования идентичности индивида).

Рассуждая о демократизации в странах исламского ареала, мы имеем в виду не расширение либеральных ценностей, а расширение режима политического участия, конкурентности и ответственности власти перед народом. Минималистское понимание демократии соответствует определению полиархии, разработанному американским политологом Р. Далем [45], и лежит в основе различных глобальных рейтингов.

Аналитический потенциал секулярной парадигмы явно недостаточен для объяснения многих современных процессов, включая сохраняющуюся глобальную публичность религии и социальную активность религиозных институтов в современном мире [46]. Ислам, как и любая другая великая традиция, представляет собой сложную систему идей, верований и доктрин. Он полон амбивалентных смыслов, которые могут приобретать различное социальное звучание в зависимости от трактовки и исторического контекста. Например, в Коране и хадисах можно обнаружить и указание на необходимость повиновения власти правителя, и отказ от него в случае совершения им греха. Использовать ислам в политических целях могут и власть, и оппозиция.

По нашему мнению, изменения мусульманской среды, вызываемые общемировыми политическими, экономическими, культурно-информационными сдвигами, делают неактуальным вопрос о необходимости реформы ислама ради демократизации. Это подтверждают примеры наиболее развитых мусульманских государств — Турции, Малайзии, Индонезии. Политическое и социально-экономическое развитие не только сужает базу воспроизводства традиционалистского сознания, но и меняет структуру идентичности мусульманина, делая ее более сложной и гибкой. При этом не обязательно подрываются позиции религии — скорее, видоизменяется публичное проявление религиозности. По данным социологов — участников проекта Всемирного обзора ценностей, в настоящее время существенной разницы между социальными установками населения на Западе и в мусульманских регионах нет (за исключением вопросов гендерного равноправия и сексуальной свободы).

Если говорить о политическом исламе, или исламизме, то при своем возникновении (Ассоциация «братьев-мусульман») он имел радикальное содержание, обусловленное прямой зависимостью традиционных арабских элит от Запада, а впоследствии — обращением республиканских элит к заимствованным светским идеологиям и авторитарным политическим формам. В ходе либерализации режимов мейнстрим политического ислама принимал более умеренный характер, о чем сегодня свидетельствует легальное существование десятков исламских партий. Даже в «исламской» египетской конституции 2012 г. была статья о недопущении создания партий, которые практикуют дискриминацию на основе пола, происхождения или религии.

По существу, современные исламские политические партии и организации выражают интересы, взгляды и ценности людей, для которых религиозная идентичность имеет очень большое значение, но не исключает других (национальной, гражданской, политической, этнической, культурной и пр.). В тех арабских странах, где имела место легализация этих партий до рассматриваемых нами событий (Марокко, Алжир, Иордания, Ливан, Ирак и др.), была заложена основа для переговорного процесса и политических компромиссов. Исламские политические организации сохраняют широкую популярность, потому что за ними встает образ справедливого мусульманского общества. Российские исследователи Ю.М. Почта и Т.Ю. Оберемко точно подмечают, что, хотя этот образ — симулякр, который не имеет референта и не может быть реализован путем имплементации шариата, он может выполнять политическую роль [47]. В такой религиозной системе, как ислам, он обеспечивает мобилизацию и консолидацию электората. При этом его приверженцы могут не обращать внимания на конкретные программы поддерживаемых ими организаций. Например, несмотря на то, что экономическая программа «Братьев-мусульман» в Египте была в целом либеральной, за них голосовали те, кто хотел усиления социальной ответственности государства и не просто роста экономики, но перераспределения доходов в пользу социальных нужд [48]. Расхождение между реальным и воображаемым вызвало значительное ослабление поддержки политического крыла «Братьев-мусульман», Партии свободы и справедливости, к лету 2013 г., однако это отнюдь не означает сужения ниши исламской политической деятельности в перспективе. Верно и то, что ослабление центральной власти и рост насилия влекут за собой радикализацию исламских организаций.

Государственные институты, идентичность и реформы

Вопрос о политических трансформациях в арабском мире не может рассматриваться без учета эффективности государственных институтов. Как известно из работ американского экономиста Дугласа Норта, институты определяют величину транзакционных и трансформационных издержек и, следовательно, определяют рентабельность и привлекательность той или иной экономической или политической деятельности. Однако современное государственное строительство в регионе является проблемным ввиду его неорганичного характера и недостаточного опыта: все арабские политии очень молоды.

Серьезнейшей проблемой остается конструирование национальной идентичности. Историческое наследие Арабского халифата и Османской империи, как и сам ислам, способствовали закреплению арабской и исламской идентичностей, по сути транснациональных, а постколониальное оформление границ во многих случаях усилило секторальные (этнические, конфессиональные, племенные и пр.) размежевания. Эти эффекты, наряду с социально-экономическим отставанием и внешним вмешательством (фактор Израиля, политика Запада в отношении ряда правящих элит, внутрирегиональные коалиции и др.), продолжают затруднять создание национальных политических институтов.

Эффективность институтов фиксируют различные глобальные индексы. Так, Мировые показатели управления Всемирного банка охватывают 199 стран и имеют 6 измерений [49]: право голоса и подотчетность (власти); политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма; эффективность правительства; регулятивные способности (способности правительства разрабатывать и осуществлять эффективную политику по развитию частного сектора); верховенство закона; контроль над коррупцией. Если исключить первые два показателя, напрямую связанные с типом режима, то наиболее успешными оказываются институты монархий Персидского залива и Иордании. Неслучайно с 1990-х годов правящие элиты этих стран уделяли очень большое внимание повышению уровня государственного управления. «Хорошие» административные институты во многих случаях позволяют предупредить если не появление, то разрастание политических конфликтов. А вот для всех других арабских стран эти показатели являются низкими.

Известностью пользуется также Индекс несостоятельности государств Фонда мира, ежегодно рассчитываемый для 178 государств по 12 показателям. Политическими индикаторами, в частности, выступают: криминализация и/или делегитимация государства; прогрессирующее ухудшение общественных служб (здравоохранение, образование и др.); неприменение или избирательное применение закона и широкие нарушения прав человека; неподконтрольность структур безопасности; рост раскола элит; вмешательство других государств или внешних политических акторов [50].

По данным этого Индекса за 2014 г., в число «стабильных государств» на Арабском Востоке входят только Катар и ОАЭ, «менее стабильных» — Кувейт и Оман, «внушаю-

щих опасения» — Бахрейн, «внушающих сильные опасения» — Алжир, Тунис, Иордания, Марокко, Саудовская Аравия, «внушающих очень сильные опасения» — Ливия, Джибути и Ливан. В зоне «опасности» находятся Мавритания и Египет, «сильной опасности» — Йемен, Ирак и Сирия, «очень сильной опасности» — Судан [51].

В слабом государстве центр политики перемещается на уровень неформальных институтов — различных социальных организаций и групп (семейных, региональных, конфессиональных, племенных и пр.), которые не позволяют государству стать автономным или лишают его определенной части полномочий. Например, провал недолгого правления М. Мурси в Египте был обусловлен, среди прочего, фактическим бойкотом со стороны «мубараковского» административного аппарата.

Одной из наиболее серьезных проблем государства является утрата полноты территориального контроля, вероятность которой особенно высока в случае совпадающих (региональных и конфессиональных, региональных и этнических) размежеваний. Эти размежевания — следствие постколониальной фрагментированности многих арабских стран (Ливан, Сирия, Ирак, Алжир, Йемен и др.). Тунис продвинулся на пути демократизации благодаря, в частности, своей гомогенности (98% населения имеют арабо-берберское происхождение). Политическая организация разделенных обществ — проблема не только для Востока, но и для Запада, но на Западе она имеет качественно иное разрешение благодаря чувству принадлежности к гражданскому сообществу.

Общие выводы

Можно констатировать, что запрос на политические реформы в арабских обществах созрел. «Арабская весна», хотя и принеся ограниченные результаты в отношении демократизации, будет иметь долгосрочный политический эффект. Данные социологических опросов, как и требования протестующих, показывают, что большинству населения близки идеи и ценности демократии и что развитие гражданских структур продолжается. Формированию новой культурной традиции в первую очередь способствовало изменение социальной структуры арабских обществ под воздействием социально-экономических реформ и глобализации. Даже в Саудовской Аравии, неизменно следующей курсом единства власти и подданных, в 2011 г. была образована Партия исламской уммы, которая выступила за гарантируемые шариатом права и свободы, включая выборы [52]. Прямое «демократизаторское» давление Запада сыграло свою роль в произошедших изменениях, но не было определяющим.

Представления о демократии в арабском мире в большинстве своем очень далеки от либеральных. Поэтому при анализе происходящих изменений оправдан подход, который трактует демократию в минималистском, институциональном ключе — как соревновательность, многопартийность, всеобщее голосование, регулярные альтернативные выборы, связь между партиями и электоратом.

Особенности исламской традиции и очень высокая религиозность населения не позволяют исключить религию из публичного пространства. Во многих арабских странах

исламские партии и организации выражают интересы и взгляды верующих граждан, которые полагают исламскую составляющую безусловной ценностью общественно-политической жизни. Легальное существование этих организаций является важным для процесса формирования национального сообщества. Как показывает исторический опыт, только демократизация постепенно ведет к снижению значимости публичного проявления как религиозности, так и секулярности.

Арабская «волна демократизации» практически везде, за исключением Туниса, не смогла подняться из-за слабости современных политических институтов (парламентов, партий, выборов) — там, где они были. Авторитарные лидеры не стремились придать им ценность и эффективность, занимаясь имитацией политической конкуренции и неформальными сделками. Не приобретя общественной ценности, эти институты не смогли стать инфраструктурой для урегулирования разразившегося кризиса. Общий невысокий (за редким исключением) уровень государственного управления в сочетании с коррупцией стал дополнительным фактором долговременной дестабилизации.

Огромное влияние на процесс демократизации арабского государства оказывают прочные позиции локальных идентичностей. Секторальные размежевания, во многом обусловленные особенностями создания независимых арабских государств, затрудняют поиск компромиссов и создают возможности для вмешательства в политический процесс заинтересованных региональных и внерегиональных игроков. Это обернулось длительными вооруженными конфликтами в Ливии, Сирии и Йемене.

Чтобы поддерживать стабильность, арабские правящие элиты должны не имитировать, а развивать инфраструктуру политического участия и институты представительства, без которых сам концепт современного государства нельзя наполнить эмпирическим содержанием. Примером новых вызовов может служить усиление «Исламского государства» — возникшей при ослаблении центральной власти мутации традиционной формы организации мусульманского социума.

Примечания:

1. Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // Восток (Oriens), 2014, №4. С. 5–20.
2. Rokkan S. Cities, states and nations. A dimensional model for the study of contrasts in development // Building states and nations. Models and data resources / Ed. by S.N. Eisenstadt, S. Rokkan. — Beverly Hills; L.: Sage, 1973. Vol.1. P. 73–97.
3. Rokkan S. The center-periphery polarity// Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis. Frankfurt a. M.: Campus, 1987. P.17–50.
4. Ильин М.В. Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости. М.: МГИМО-Университет, 2001. — 43 с.
5. Al-Tahtawi R.R. The Extraction of Gold, or an Overview of Paris and the Honest Guide for Girls and Boys // Oxford Islamic Studies Online database. — URL: <http://www.oxfordislamicstudies.com/article> (date of access: 13.07.2009)

6. Журавский А.В. Христианство и ислам: социокультурные проблемы диалога. М.: Наука, 1990. С. 98–100.
7. Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (новое время). М.: Наука, 1972. — 207 с.
8. Тихонова Т.П. Светская концепция арабского национализма Саты аль-Хусри. М.: Наука, 1984. С. 32.
9. Косач Г.Г. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007. С. 259–331.
10. Тихонова Т.П. Там же. С. 38.
11. Lia B. The Society of the Muslim Brothers in Egypt: The rise of an Islamic mass movement 1928 — 1942. Reading, UK: Ithaca Press, 1998. P.73–77, 81–82.
12. Гордон-Полонская Л.Р. Мусульманские течения в общественно-политической мысли Индии и Пакистана. (Критика «мусульманского национализма»). М.: Издательство восточной литературы, 1963. — 326 с.
13. Алиев А.А. Иран vs Ирак: история и современность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 84.
14. Кудряшова И.В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 тт. Т.2.: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. С.158–159.
15. Diamond L. Thinking about Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002, April. Vol. 13, N 2. P. 21–35.
16. DemocracyIndex 2011. Democracy under Stress. A Report from the Economist Intelligence Unit. URL: http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy_Index_2011_Updated.pdf&mode=wp&campaignid=DemocracyIndex2011 (date of access: 8.07.2015)
17. Ахдаф марказ аль-малик Абдель Азиз лиль-хивар аль-ватаний (Цели Центра национального диалога имени короля Абдель Азиза) (на араб. яз.). — Access mode: http://www.kacnd.org/center_goals.asp (дата обращения: 10.03.2014)
18. Дустур Джумхурийат Миср аль-Арабийа (Конституция Арабской Республики Египет 1971 г. с поправками) (на араб. яз.). — Access mode: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=190040 (дата обращения: 15.05.2014)
19. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 21–49.
20. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. — 368 с.
21. McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World // World Politics. 2002. N 54. P. 212–244.
22. Doorenspleet R. Democratic Transitions: Exploring the Structural Sources of the Fourth Wave. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2005. — 203 p.
23. Popescu C.C. Is There a Fourth Wave of Democracy or Not? An Evaluation of the Latest Theories // The USV Annals of Economics and Public Administration. 2012. Volume 12, Issue 1(15). P. 32–38.
24. Roy O. The Transformation of the Arab World // Journal of Democracy. 2012. Vol.23, N 3. P. 8.

25. Constitution of the Tunisian Republic. Unofficial translation by Jasmine Foundation. — Access mode: http://www.jasmine-foundation.org/doc/unofficial_english_translation_of_tunisian_constitution_final_ed.pdf (date of access: 22.06.2015)
26. Дустур аль-Джумхурийа аль-Арабийа ас-Сурийа. (Конституция Сирийской Арабской Республики 2012 г.) (На араб. яз.) — Access mode: <http://parliament.gov.sy/arabic/index.php?node=5518&cat=423&> (date of access: 13.05.2014)
27. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: Власть и религия // Политическая наука. М.: РАН. ИНИОН, 2013. №2. С.100–125.
28. Дустур Джумхурийати Миср аль-Арабийати. (Конституция Арабской Республики Египет 2014 г.) (На араб. яз.) — Access mode: <http://www.parliament.gov.eg/destour.aspx> (дата обращения: 04.02.2015).
29. Democracy Index 2012. Democracy at a Standstill. A Report from the Economist Intelligence Unit. — Access mode: https://portoncv.gov.cv/dhub/porton.por_global.open_file?p_doc_id=1034 (date of access: 08.07.2015)
30. Democracy Index 2013. Democracy in Limbo. A Report from the Economist Intelligence Unit. — Access mode: http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy_Index_2013_WEB-2.pdf&mode=wp&campaignid=Democracy0814 (date of access: 08.07.2015)
31. Кудряшова И.В. Европа и «арабская весна» // Актуальные проблемы Европы. М.: РАН. ИНИОН, 2012. №3. С.18–41.
32. Obama B. Remarks on the New Beginning. Cairo University, Cairo, Egypt. — Access mode: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09> (date of access: 06.10.2012)
33. Кашина А. «Жасминовая революция» в Тунисе // Обозреватель — Observer. М. 2011. №7. С. 74–82. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N7_2011/074_082.pdf (дата обращения: 23.06.2013)
34. Egypt, Democracy and Islam. Pew Research Center Q 17. — Access mode: <http://pewresearch.org/pubs/1874/egypt-protests-democracy-islam-influence-politics-islamic-extremism> (date of access: 12.07.2015)
35. Egyptians Remain Optimistic, Embrace Democracy and Religion in Political Life. May 8, 2012. — Access mode: <http://www.pewglobal.org/2012/05/08/egyptians-remain-optimistic-embrace-democracy-and-religion-in-political-life/> (date of access: 12.07.2015)
36. Most Muslims Want Democracy, Personal Freedoms, and Islam in Political Life. — July 10, 2012. — Access mode: <http://www.pewglobal.org/files/2012/07/Pew-Global-Attitudes-Project-Arab-Spring-Report-FINAL-Tuesday-July-10-2012.pdf> (date of access: 12.07.2015)
37. Elhadj E. The Islamic Shield: Arab Resistance to Democratic and Religious Reforms. Boca Raton: BrownWalker press, 2006. — 272 p.
38. Bruce S. Politics & Religion. Cambridge, Malden: Polity press, 2003. — 292 p.
39. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of the Modern World. N.Y.: Simon and Schuster, 1996. — 367 p.
40. Хаким Р. Где наша Мекка? Казань: Магариф, 2003. — 64 с.
41. Ramadan T. Radical Reform: Islamic Ethics and Liberation. N.Y.: Oxford university press, 2009. — 372 p.

42. Ramadan T. *Western Muslims and the Future of Islam*. N.Y.: Oxford university press, 2004. — 278 p.
43. Tibi B. *Islam's Predicament with Modernity: Religious Reform and Cultural Change*. N.Y.: Routledge, 2009. — 407 p.
44. Tibi B. *Political Islam, World Politics and Europe: Democratic Peace and Euro-Islam versus Global Jihad*. N.Y.: Routledge, 2008. — 311 p.
45. Dahl R. *Polyarchy: Participation and Opposition*. — New Haven: Yale University Press, 1972. — 267 p.
46. Кудряшова И.В. Как изучать взаимодействие религии и политики? // Политическая наука. Религия и политика. М.: РАН. ИНИОН, 2013. №2. С. 9–24.
47. Почта Ю.М., Оберемко Т.В. Политическое значение исламского фундаментализма в эпоху постмодерна // Вестник РУДН. Серия Политология. 2014. №1. С. 16.
48. Masoud T. *Counting Islam: Religion, Class, and Elections in Egypt*. N.Y.: Cambridge University Press, 2014. P. 128.
49. Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. *The Worldwide Governance Indicators. Methodology and Analytical Issues*. — Development Research Group, Macroeconomics and Growth Team. 2010. September. 31 p. — Access mode: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1682130## (date of access: 13.07.2015)
50. *The Indicators / Fund for Peace*. — Access mode: <http://ffp.statesindex.org/indicators> (date of access: 12.07.2015)
51. *Fragile States Index 2014 / Fund for Peace*. — Access mode: <http://ffp.statesindex.org/rankings-2014> (date of access: 13.07.2015)
52. Косач Г.Г. Саудовская Аравия и «арабская весна» // Свободная мысль. URL: <http://svom.info/entry/246-saudovskaya-araviya-i-arabskaya-vesna/> (дата обращения: 12.08.2014)

Список литературы:

- Алиев А.А. *Иран vs Ирак: история и современность*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. — 768 с.
- Гордон-Полонская Л.Р. *Мусульманские течения в общественно-политической мысли Индии и Пакистана. (Критика «мусульманского национализма»)*. М.: Издательство восточной литературы, 1963. — 326 с.
- Журавский А.В. *Христианство и ислам: социокультурные проблемы диалога*. М.: Наука, 1990. — 128 с.
- Ильин М.В. *Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости*. М.: МГИМО-Университет, 2001. — 43 с.
- Кашина А. «Жасминовая революция» в Тунисе // *Обозреватель — Observer*. М. 2011. №7. С. 74–82. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N7_2011/074_082.pdf (дата обращения: 23.06.2013)
- Косач Г.Г. *Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса* // *Национализм в мировой истории*. М.: Наука, 2007. С. 259–331.
- Косач Г.Г. *Саудовская Аравия: Власть и религия* // *Политическая наука*. М.: РАН. ИНИОН, 2013. №2. С.100–125.
- Косач Г.Г. *Саудовская Аравия и «арабская весна»* // *Свободная мысль*. URL: <http://svom.info/entry/246-saudovskaya-araviya-i-arabskaya-vesna/> (дата обращения: 12.08.2014)

- Кудряшова И.В. Европа и «арабская весна» // Актуальные проблемы Европы. М.: РАН. ИНИОН, 2012. №3. С. 18–41.
- Кудряшова И.В. Как изучать взаимодействие религии и политики? // Политическая наука. Религия и политика. М.: РАН. ИНИОН, 2013. №2. С. 9–24.
- Кудряшова И.В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 тт. Т.2.: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. С.155–184.
- Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (новое время). М.: Наука, 1972. — 207 с.
- Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // Восток (Oriens). 2014. №4. С.5–20.
- Почта Ю.М., Оберемко Т.В. Политическое значение исламского фундаментализма в эпоху постмодерна // Вестник РУДН. Серия Политология. 2014. №1. С. 5–19.
- Тихонова Т.П. Светская концепция арабского национализма Саты аль-Хусри. М.: Наука, 1984. — 219 с.
- Хакиим Р. Где наша Мекка? — Казань: Магариф, 2003. — 64 с.
- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 480 с.
- Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. — 368 с.
- Ахдаф марказ аль-малик Абдель Азиз лиль-хивар аль-ватаний. (Цели Центра национального диалога имени короля Абдель Азиза.) (На араб.яз.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kacnd.org/center_goals.asp (дата обращения: 10.03.2014)
- Дустур аль-Джумхурийа аль-Арабийа ас-Сурийа. (Конституция Сирийской Арабской Республики 2012 г.) (На араб. яз.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://parliament.gov.sy/arabic/index.php?node=5518&cat=423&> (дата обращения: 13.05.2014)
- Дустур Джумхурийат Миср аль-Арабийа. (Конституция Арабской Республики Египет 1971 г. с поправками.) (На араб.яз.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=190040 (Дата обращения: 15.05.2014)
- Дустур Джумхурийати Миср аль-Арабийати. (Конституция Арабской Республики Египет 2014 г.) (На араб. яз.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.parliament.gov.eg/destour.aspx> (дата обращения: 4.02.2015)
- Bruce S. Politics & Religion. — Cambridge, Malden: Polity press, 2003. — 292 p.
- Constitution of the Tunisian Republic. Unofficial translation by Jasmine Foundation. — Access mode: http://www.jasmine-foundation.org/doc/unofficial_english_translation_of_tunisian_constitution_final_ed.pdf (date of access: 22.06.2015)
- Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. — New Haven: Yale University Press, 1972. — 267 p.
- Democracy Index 2011. Democracy under Stress. A Report from the Economist Intelligence Unit. — Access mode: http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy_Index_2011_Updated.pdf&mode=wp&campaignid=DemocracyIndex2011 (date of access: 08.07.2015)
- Democracy Index 2012. Democracy at a Standstill. A Report from the Economist Intelligence Unit. — Access mode: https://portoncv.gov.cv/dhub/porton.por_global.open_file?p_doc_id=1034 (date of access: 08.07.2015)

- Democracy Index 2013. Democracy in Limbo. A Report from the Economist Intelligence Unit. — Access mode: http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy_Index_2013_WEB-2.pdf&mode=wp&campaignid=Democracy0814 (date of access: 08.07.2015)
- Diamond L. Thinking about Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*. 2002, April. Vol. 13. N 2. P. 21–35.
- Doorenspleet R., *Democratic Transitions: Exploring the Structural Sources of the Fourth Wave*. — Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2005. — 203 p.
- Egypt, Democracy and Islam. Pew Research Center Q 17. — Access mode: <http://pewresearch.org/pubs/1874/egypt-protests-democracy-islam-influence-politics-islamic-extremism> (date of access: 12.07.2015)
- Egyptians Remain Optimistic, Embrace Democracy and Religion in Political Life. — May 8, 2012. — Access mode: <http://www.pewglobal.org/2012/05/08/egyptians-remain-optimistic-embrace-democracy-and-religion-in-political-life/> (date of access: 12.07.2015)
- Elhadj E. *The Islamic Shield: Arab Resistance to Democratic and Religious Reforms*. — Boca Raton: BrownWalker press, 2006. — 272 p.
- Fragile States Index 2014 / Fund for Peace. — Access mode: <http://ffp.statesindex.org/rankings-2014> (date of access: 13.07.2015)
- Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of the Modern World*. N.Y.: Simon and Schuster, 1996. — 367 p.
- The Indicators / Fund for Peace. — Access mode: <http://ffp.statesindex.org/indicators> (date of access: 12.07.2015)
- Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. *The Worldwide Governance Indicators. Methodology and Analytical Issues*. — Development Research Group, Macroeconomics and Growth Team. 2010. September. — 31 p. — Access mode: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1682130## (date of access: 13.07.2015)
- Lia B. *The Society of the Muslim Brothers in Egypt: The rise of an Islamic mass movement 1928 — 1942*. — Reading, UK: Ithaca Press, 1998. — 328 p.
- Masoud T. *Counting Islam: Religion, Class, and Elections in Egypt*. N.Y.: Cambridge University Press, 2014. — 252 p.
- McFaul M. *The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World* // *World Politics*. 2002. N 54. P. 212–244.
- Most Muslims Want Democracy, Personal Freedoms, and Islam in Political Life. July 10, 2012. — Access mode: <http://www.pewglobal.org/files/2012/07/Pew-Global-Attitudes-Project-Arab-Spring-Report-FINAL-Tuesday-July-10-2012.pdf> (date of access: 12.07.2015)
- Obama B. *Remarks on the New Beginning*. Cairo University, Cairo, Egypt. — Access mode: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09> (date of access: 06.10.2012)
- Popescu C.C. *Is There a Fourth Wave of Democracy or Not? An Evaluation of the Latest Theories* // *The USV Annals of Economics and Public Administration*. 2012. Volume 12, Issue 1(15). P. 32–38.
- Ramadan T. *Radical Reform: Islamic Ethics and Liberation*. N.Y.: Oxford university press, 2009. — 372 p.
- Ramadan T. *Western Muslims and the Future of Islam*. N.Y.: Oxford university press, 2004. — 278 p.

Rokkan S. Cities, states and nations. A dimensional model for the study of contrasts in development // Building states and nations. Models and data resources / Ed. by S.N. Eisenstadt, S. Rokkan. — Beverly Hills; L.: Sage, 1973. Vol. 1. P. 73–97.

Rokkan S. The center-periphery polarity// Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis. Frankfurt a. M.: Campus, 1987. P. 17–50.

Roy O. The Transformation of the Arab World // Journal of Democracy. 2012. Vol. 23, N 3. P. 5–18.

Al-Tahtawi R.R. The Extraction of Gold, or an Overview of Paris and the Honest Guide for Girls and Boys // Oxford Islamic Studies Online database. — URL: <http://www.oxfordislamicstudies.com/article> (дата обращения: 13.07.2009)

Tibi B. Islam's Predicament with Modernity: Religious Reform and Cultural Change. N.Y.: Routledge, 2009. — 407 p.

Tibi B. Political Islam, World Politics and Europe: Democratic Peace and Euro-Islam versus Global Jihad. N.Y.: Routledge, 2008. — 311 p.

УДК 321; 323; 327

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Государство и общество в Латинской Америке: история и современность

Аннотация. Статья посвящена анализу роли государства в Латинской Америке. Автор рассматривает эту проблему в исторической ретроспективе и приходит к выводу, что на разных этапах эволюции стран латиноамериканского региона государство выступало в качестве главной силы, обеспечивающей экономический рост и социальный прогресс, что имело как положительные, так и отрицательные последствия. Латиноамериканскому государству присущ всепроникающий характер, и это роднит регион с Россией, поскольку в обоих случаях имеет место доминирование государствоцентричной модели развития.

Ключевые слова: Латинская Америка, государство и общество, исторические этапы, Россия, государствоцентризм, национальные модели развития.

Один из ключевых вопросов, на который ищут ответ исследователи латиноамериканского мира сводится к следующему: почему в странах Латинской Америки вслед за политическим освобождением от колониальной зависимости последовал длительный период внутренней нестабильности и экономической отсталости, а республиканские принципы и демократические институты (формально существовавшие) зачастую служили ширмой для диктаторских или авторитарных режимов олигархического толка? Ответив на этот вопрос, мы не только лучше поймем современную Латинскую Америку, но и приблизимся к более глубокому пониманию российской действительности, тех проблем и вызовов, с которыми сталкивается постсоветская Россия, поскольку между двумя мирами — латиноамериканским и российским — на удивление много общего. В частности, схожие черты и характеристики прослеживаются в отношениях **государства и общества**, исторически сложившихся в России и странах Латинской Америки и в значительной мере детерминировавших их национальные модели развития.

Историческая траектория стран региона

К началу второго десятилетия XXI в. Латинская Америка в своем историческом развитии прошла четыре достаточно четко обозначенных этапа и вступила в пятый, современный.

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова; yakovlev@yandex.ru.

Первым и самым длительным из этих этапов была эпоха доколумбовой Америки — с древнейших времен и до начала XVI в., когда европейцы приступили к колонизации Нового Света. К моменту их прихода на латиноамериканских просторах сложились индейские цивилизации майя, ацтеков, инков и других племен. Социальная структура их государств была весьма сложной и, как правило, авторитарной. Например, во главе государства инков стоял верховный правитель (Сын Солнца), обладавший неограниченной властью. Он являлся хозяином жизни и имущества подданных и распоряжался их судьбой по собственному усмотрению. Во многих случаях европейские колонизаторы обнаружили нечто похожее на «азиатский способ производства», в частности, полностью подчиненную государству общину, и впоследствии использовали эту форму социально-экономического устройства в своих интересах [1].

Второй (колониальный) этап продолжался три столетия. В этот период в результате сложного симбиоза автохтонного населения, европейских переселенцев, их потомков — креолов и насильно завезенных африканских рабов произошло становление латиноамериканского общества. Тогда же началось вовлечение региона в процессы мирового капиталистического развития в качестве его периферийной зоны, что привело к зарождению раннекапиталистических элементов. Во многом благодаря этому к концу колониальной эпохи стали складываться предпосылки и необходимые условия для формирования латиноамериканских наций, что, в свою очередь, явилось ключевым фактором пробуждения национального самосознания.

Война за освобождение испанских колоний Америки (1810–1826 гг.) и провозглашение независимой Бразильской империи (1822 г.) привели к превращению большинства бывших колоний в самостоятельные государства. Начался **третий период** в истории региона — этап становления и развития политически независимых государств. Специфика этого периода во многом определялась запоздалым по сравнению с Европой вступлением латиноамериканских стран на путь буржуазного прогресса, а также тем, что они приобщились к мировому рынку в качестве периферийного аграрно-сырьевого звена [2].

На рубеже XIX–XX вв. начался очередной, **четвертый этап** исторического развития Латинской Америки. Он характеризовался рядом принципиально новых черт. Во-первых, ускорился процесс индустриализации, в ведущих странах возникли сравнительно современные отрасли промышленности. Во-вторых, резко возросла роль государства, стали складываться институты гражданского общества, отношения по линии *государство — общество* кардинальным образом изменились. В-третьих, регион глубоко втянулся в мировые миграционные процессы. Но если в начале XX в. потоки переселенцев из Европы направлялись в отдельные наиболее благополучные латиноамериканские государства (Аргентину, Бразилию, Уругвай, Чили), то во второй половине столетия миллионы латиноамериканцев эмигрировали в США и Европу [3].

Современный, **пятый этап** развития региона начинается в последнем десятилетии прошлого века и связан с двумя главными факторами: мировыми процессами глобализации и внутренними экономическими и социально-политическими трансформациями.

В условиях глобализации страны Латинской Америки значительно интенсифицировали финансовые, торгово-экономические и инвестиционные связи с остальным миром, активно включились в систему международных интеграционных отношений, в полном смысле слова стали неотъемлемой частью глобальной экономики. Одновременно в самих латиноамериканских государствах динамично развивался процесс модернизации, результаты которого во многом изменили хозяйственный и социально-политический облик региона. Три ведущих страны — Аргентина, Бразилия и Мексика — вошли в «Группу двадцати» и приняли непосредственное участие в формировании системы глобального регулирования.

Таким образом, *экономический и политический вес Латинской Америки на мировой арене ощутимо возрос*. Но это не означает, что страны региона полностью и окончательно избавились от родимых пятен прошлого. Многие из того, что в течение почти двух столетий сдерживало и деформировало хозяйственное и социальное развитие латиноамериканских наций, и сегодня продолжает оказывать негативное воздействие на их внутреннее и международное положение, снижает эффективность государственных институтов и затрудняет нормальное функционирование гражданского общества.

Каудильизм — форма правления и образ жизни

Освободительные войны в Латинской Америке первой четверти XIX в. носили характер *национальных революций*, поскольку их конечной целью было построение независимых (суверенных) национальных государств. Но на этом пути возникло немало проблем, связанных, в частности, с определением принципов формирования новых государств, — территориальных, организационных и т.д. В основе многих из этих проблем лежали социальные особенности освободительного процесса в странах региона. В отличие от европейских буржуазных революций, в которых главную роль играли народные массы, в Латинской Америке движение за независимость возглавили крупные землевладельцы — *латифундисты*, выдвинувшие буржуазное требование свободы предпринимательства и обеспечившие его быструю реализацию после изгнания колонизаторов. Но латифундисты не поделились с народом плодами победы, что дало повод отдельным исследователям говорить об *антинародном характере латиноамериканских освободительных революций*. Другими словами, широкие круги общества мало что получили от произошедших политических перемен [4].

На послереволюционное время пришелся расцвет такого явления общественной жизни, как *каудильизм* — доминирование в политике сильной личности, вождя и предводителя. Этот феномен оказался не только весьма живучим, но и рядился в самые разные политические одежды. Влиятельные каудильо могли властвовать в рамках действовавшей конституции, параллельно с конституцией или прекрасно обходиться без нее. Зачастую роль каудильо играли крупные помещики, и тогда латифундии представляли собой некую модель замкнутого и централизованного «государства в государстве». В нем существовала своего рода *вертикаль власти*, по которой (сверху вниз) спускались распоряжения вождя, пользовавшегося абсолютным влиянием. Каудильо регулировал все стороны жизни обитателей поместья и требовал от них полного и без-

оговорочного послушания. В то же время латифундист выступал в роли защитника и покровителя «своих» поданных, обеспечивал работой и пропитанием, предоставлял крышу над головой, отслеживал их экономические интересы. Нередко каудильо были *харизматическими лидерами* в том смысле, который Макс Вебер включал в понятие «харизма» — пророческий дар, магические способности, выдающаяся сила духа.

В постреволюционный период усилению влияния каудильо способствовало то обстоятельство, что в годы освободительных войн в Латинской Америке произошла беспрецедентная *милитаризация власти*. Другими словами, имело место резкое повышение роли военных в политике. Более того, после ликвидации колониального режима в целом ряде новых независимых государств военные лидеры (те же каудильо) были единственными реальными гарантами самостоятельного существования этих государств. В результате окончательно сформировался так называемый *военный каудильизм*, который превратился в иерархическую систему, пронизавшую молодые латиноамериканские общества снизу доверху.

Характерен и такой факт. В XIX и XX вв. практически любой каудильо был искренне убежден, что народ не готов к демократии по европейским образцам, и рассматривал диктаторский способ правления как необходимый и закономерный этап политической эволюции, естественный ход вещей. Аргументы не отличались новизной и оригинальностью: сначала следует обеспечить общественный порядок и экономический прогресс, а потом уже можно будет говорить о создании демократических институтов, защите свобод и прав личности и т.д. Такого рода сентенции глубоко укоренились в латиноамериканском политическом дискурсе и в целом ряде государств региона благополучно дожили до наших дней, что свидетельствует о поразительной живучести теории и практики каудильизма.

Либералы и консерваторы: борьба и единство противоположностей

После победы освободительных революций власть в странах Латинской Америки перешла в руки креолов, в рядах которых началась ожесточенная внутренняя борьба. Приверженцы различных группировок нередко организовывали объединения, жестко конкурирующие между собой. Как правило, создаваемые группировки формировались на базе родственных или клиентских отношений. Отсюда — такое распространенное явление как *клиентелизм*. Вместе с тем сравнительно скоро в новых господствующих кругах обозначились два главных политических течения — *либеральное* и *консервативное*. Сложные отношения, сложившиеся между ними, и определили основное содержание политического процесса.

Либералы разделяли принципы европейского либерализма: неприкосновенность частной собственности, свобода предпринимательства, ограничение вмешательства государства в экономику, отделение церкви от государства, свобода слова, защита прав личности и т.д. Кроме того, латиноамериканские либералы требовали проведения демократических реформ, введения прямого и тайного голосования, отмены рабства, а в вопросе государственного устройства отстаивали принцип федерализма и выступали

за ослабление центральной власти, ограничение полномочий президента, предоставление автономии провинциям. Таким образом, в формуле *государство — общество* для либералов на первом месте стояли довольно широко понимаемые общественные интересы.

В свою очередь, *консерваторы* также черпали основополагающие идеи в Европе — в идеологии и политике европейского консерватизма. Латиноамериканские адепты консервативных взглядов стремились сохранить прежние порядки, особенно в социальной сфере. Консерваторы выступали за укрепление традиционных общественных устоев, то есть сложившейся еще в колониальные времена социальной иерархии, отстаивали привилегии церкви, апеллировали к незыблемости семейных ценностей, скептически относились к требованиям демократических свобод. Консерваторы, как правило, отдавали приоритет государству, ставили государственные интересы выше общественных. Вместе с тем в экономической сфере они зачастую не отрицали саму идею проведения хозяйственных реформ. Это обстоятельство сближало их с либералами и могло служить платформой совместных действий.

Между двумя доминирующими политическими течениями существовали сложные отношения и взаимосвязи. И в их диалектическом взаимодействии (выражаясь философским языком — в борьбе и единстве противоположностей) формировался агрегированный вектор общественного развития латиноамериканских государств.

Ближе к середине XIX в. в либеральных кругах широкую популярность получила концепция «*цивилизации и варварства*», выдвинутая известным аргентинским мыслителем и государственным деятелем, будущим президентом Аргентины Доминго Фаустино Сармьенто. В его представлении история латиноамериканских республик являла собой постоянную борьбу двух начал — варварского и прогрессивного, цивилизованного. Оплотом варварства Д.Ф.Сармьенто считал отсталую провинцию с ее консервативно настроенными каудильо, патриархальными традициями и пережитками колониальных времен, а центрами цивилизации — города с их торговыми предприятиями, мануфактурами, университетами, очагами культуры и просвещения.

Приходя к власти, латиноамериканские реформаторы, вооруженные идеями либерализма, стремились покончить с такими пережитками «варварства», как сохранение влияния церкви, общинное землевладение, рабство, жесткая централизация власти, разнообразные препятствия на пути свободного предпринимательства. Разумеется, с точки зрения интересов буржуазно-демократического развития либеральные реформы являлись прогрессивными мерами. Однако проходили они в большинстве случаев с трудом, преодолевая сопротивление не только консерваторов, но и (весьма часто) широких слоев населения, включая беднейшие. Именно они нередко оказывались самыми решительными противниками преобразований либерального толка. Почему?

Прежде всего потому, что сплошь и рядом широкие массы опасались перемен, отчаянно цеплялись за прошлое (пусть и тяжелое, но привычное и понятное), видели в либеральных преобразованиях угрозу своему и без того шаткому материальному поло-

жению. Весьма часто эта позиция формировалась под прямым воздействием каудильо консервативного толка. Но немалую роль в распространении таких настроений сыграла и влиятельная католическая церковь, традиционно не ладившая с либеральной властью, которая ущемляла интересы клерикальных кругов и настойчиво стремилась вытеснить церковников из общественной жизни.

В результате «либеральное наступление» на «варварство» во многих случаях захлебнулось, поскольку встретило ожесточенное противодействие, а борьба за власть в подавляющем большинстве стран региона проходила с переменным успехом: либералы сменяли консерваторов и — наоборот. Это породило еще одно характерное для Латинской Америки явление — **политическую нестабильность**. Показательные примеры: с 1826 по 1836 г. Перу побывало под управлением восьми президентов, а в Чили с января 1823 до марта 1830 г. (всего за семь лет) власти успели поменяться 24 раза [5].

Какую политику проводили латиноамериканские консерваторы, перехватывая власть у либералов?

Отметим наиболее характерные моменты. Во-первых, под предлогом установления порядка устранялись (политически или даже физически) оппозиционные либеральные деятели. Нередко у представителей оппозиции отбиралась собственность и передавалась «своим людям». Во-вторых, церкви возвращались отобранные привилегии. В-третьих, закреплялись права лояльных власти крупных землевладельцев, четко отслеживались их экономические интересы. В-четвертых, с повестки дня снималось проведение демократических реформ и социальных преобразований, насаждалась идеология национализма. В-пятых, вводились протекционистские меры, выгодные местным производителям промышленной и сельскохозяйственной продукции. Тем самым постепенно и далеко не всегда последовательно, но создавалась собственная латиноамериканская индустриальная база, которая, находясь в «тепличных условиях», характеризовалась низким уровнем конкурентоспособности. *И главное:* при опоре на армию и церковь правительства консервативного толка стремились ликвидировать федерализм, максимально централизовать государственное управление, консолидировать олигархию, обеспечить ее безраздельный контроль над обществом.

«*Политические качели*» в странах Латинской Америки (периодический переход власти из рук либералов в руки консерваторов, а затем от консерваторов к либералам) сделали процесс консолидации латиноамериканских наций и формирования национальных государств сравнительно длительным и болезненным. В этих конкретных исторических условиях развитие экономики происходило неравномерно, замедленными темпами и сопровождалось возникновением глубоких структурных диспропорций в производстве и потреблении. В частности, в регионе сложилась *модель экспорториентированного хозяйства*. Это означало, что локомотивом роста и главным источником поступлений в государственную казну стало производство сельскохозяйственной и иной сырьевой продукции для внешнего (прежде всего европейского) рынка. Тем самым экономика Латинской Америки становилась сырьевым придатком хозяйственных

комплексов более развитых государств. Такова была экономическая цена десятилетий политической нестабильности.

На крутых поворотах истории

Во второй половине XIX в. по странам Латинской Америки прокатилась *вторая волна буржуазных революций*, зачастую принимавшая форму ожесточенных гражданских войн. Движущей силой этих столкновений были либерально настроенные представители имущих слоев населения, которые выступили за обновление общества и государства путем проведения политических и экономических реформ.

Пример успешных либеральных преобразований продемонстрировала *Аргентина*, где в 1853 г. была принята буржуазно-демократическая конституция, ставшая крупным шагом на пути сплочения нации и формирования современного независимого государства. Общественное развитие особенно ускорилось после избрания на пост президента в 1868 г. Д.Ф.Сармьенто. Он и его преемники радикальным образом изменили социально-экономический и политический облик страны, к началу XX в. сделали ее одним из самых динамично развивающихся государств мира. Достаточно отметить, что в 1870–1914 гг. ВВП Аргентины в среднем рос на 5,61% в год, тогда как у Канады этот показатель составил 3,77%, у США — 3,66, у Австралии — 3,35% [6]. В результате Аргентина по объему душевого ВВП опередила многие ведущие державы: Австрию, Голландию, Испанию, Италию, Россию, Францию, Японию [7].

Глубокие перемены произошли в крупнейшей стране региона — *Бразилии*. Здесь после провозглашения независимости долгое время сохранялась монархия, которая, по мнению ряда историков, сыграла позитивную роль в становлении современного государства. В частности, была обеспечена территориальная, языковая и религиозно-культурная целостность страны, заложены основы бразильского национального самосознания и идентичности [8]. Институт монархии в Бразилии (так же, как и в России) не стоял на месте. В стране свободно действовали, чередуясь у власти, консервативная и либеральная политические партии, существовала относительная свобода прессы, в 1880 г. была проведена избирательная реформа, которая серьезно расширила состав электората. Вместе с тем монархическое правление на фоне доминирования в регионе республиканской формы государственного устройства (и под мощным политико-психологическим воздействием примера США) все больше выглядело анахронизмом и воспринималось как препятствие на пути национального прогресса. Политический климат в растущей степени определялся противниками монархии, которую не спасла даже отмена рабства: в 1888 г. в Бразилии был издан так называемый Золотой закон, положивший конец этому позорному явлению, а в 1889 г. император Педру II был низложен, и в стране установился республиканский строй.

Борьбу за либеральные реформы в *Мексике* возглавил Бенито Пабло Хуарес. Его правительство, опираясь на принципы буржуазно-демократической конституции 1857 г., издало «Законы о реформе», предусматривавшие национализацию церковного имущества, отделение церкви от государства, введение гражданского брака и т.д. Все это

могло придать сильный импульс развитию мексиканского общества. Однако принятие указанных законов вызвало сопротивление консерваторов и привело к обострению вооруженной борьбы, а в конце 1861 г. Мексика стала жертвой иностранной интервенции, в которой участвовали войска Франции, Испании и Великобритании. Потребовались годы упорного сопротивления, чтобы мексиканский народ сумел отстоять свою независимость. Но «политический навар» снял генерал Порфирио Диас, пришедший к власти в 1876 г. и установивший режим жесткой диктатуры консервативно-олигархического толка. Показательный такой факт: к концу диктатуры примерно 1% собственников владел 97% обрабатываемой земли. Например, латифундисту Л.Террасасу принадлежало свыше 6 млн га земельных угодий (территория вдвое больше Бельгии) в то время как безземельные крестьяне, составлявшие более 95% сельского населения, становились батраками или отправлялись в города в надежде найти работу на сравнительно немногочисленных промышленных предприятиях [9].

Режим П.Диаса просуществовал до 1911 г., когда он был сметен *мексиканской революцией*, самую активную роль в которой сыграли широкие крестьянские массы. Революция, ставшая поворотным пунктом национальной истории Мексики, завершилась принятием в 1917 г. новой конституции, закрепившей буржуазно-демократические завоевания и ставшей ориентиром для других стран региона. Мексиканская революция поставила актуальные вопросы, нацеленность за решение которых определила основное социально-политическое содержание последующей истории Латинской Америки в XX в., обозначила новые параметры взаимоотношений государства и общества. В том числе: борьба против диктаторских режимов, против господства финансово-олигархической элиты, за реальные демократические преобразования, за создание правового конституционного государства, основанного на гражданских правах и политических свободах.

Вместе с тем мексиканская революция выявила сложный и противоречивый характер взаимодействия борьбы за демократию и социальный прогресс, движения народных масс и деятельности либерально-демократических сил, императивной необходимости перемен и стремления различных общественных сил к стабильности и социальному статус-кво.

Формирование и кризис государствоцентричной модели развития

После Первой мировой войны под влиянием общемировых процессов и внутренних социально-экономических перемен, связанных с развитием капитализма и складыванием современной (значительно более сложной) структуры общества, в странах Латинской Америки почти повсеместно наблюдался подъем массовых протестных движений различной направленности. В частности, значительный размах приобрело *рабочее и забастовочное движение*, охватившее большинство государств региона. Трудящиеся, наряду с ближайшими и традиционными экономическими требованиями (повышение заработной платы и улучшение условий труда), ставили и общенациональные задачи: расширение прав профсоюзов, законодательное оформление 8-часового рабочего дня, улучшение социального обеспечения, в ряде случаев — изменение существующего политического строя.

В Бразилии массовые протестные движения в 20-е годы приняли форму вооруженных выступлений, движущей силой которых стали молодые офицеры — *тенентисты* (лейтенанты). Они встали на путь открытой борьбы с правительством, хотя и не имели четко сформулированной социально-политической программы. В историю вошла так называемая Непобедимая колонна (или «Колонна Престеса») — длившийся два с половиной года (с октября 1924 по февраль 1927 г.) поход мятежных солдат и офицеров во главе с капитаном Луисом Карлосом Престесом. По мере продвижения по стране к военным присоединились тысячи рабочих, крестьян, представителей мелкой буржуазии и даже отдельные выходцы из помещичьих семей. Восставшие прошли свыше 25 тыс. км, выдержали 53 боя с правительственными войсками и приковали к себе внимание всей Латинской Америки [10].

Такого рода явления свидетельствовали о глубоком кризисе сложившейся в латиноамериканских странах системе государственного управления, демонстрировали ее уязвимость и несоответствие реальным интересам и коренным потребностям общества. Значительные общественные силы открыто восставали против государства, требовали его радикального реформирования.

Мировая экономическая рецессия 1929–1933 гг. больно задела Латинскую Америку, усугубила те кризисные тенденции, которые развивались в недрах латиноамериканских обществ и вышли наружу в послевоенный период.

Под влиянием внутренних процессов и в условиях мировых потрясений в правящих кругах зрело понимание необходимости политических и социально-экономических перемен в сторону большей мобилизации внутренних возможностей на базе *активного и целенаправленного вмешательства государства в хозяйственную жизнь*. В практическом плане эта стратегия выразилась, прежде всего, в протекционистской защите местной промышленности и принятии мер государственного регулирования и стимулирования экономического роста: предоставление частным предпринимателям госкредитов, субсидий, финансовых и налоговых льгот, а также создание и укрепление государственного сектора в экономике.

Курс на государственное регулирование экономики в разных странах региона приобрел различные формы и масштабы, но (и это важно подчеркнуть) он стал почти повсеместным явлением и своего рода знаменем времени: Латинская Америка вступала в период значимых общественных трансформаций.

Главным содержанием общественных изменений в Латинской Америке, начавшихся в 30-е годы и продолжавшихся несколько десятилетий, явилось *формирование принципиально новой модели социально-экономического и политического развития*, в центр которой выдвинулось государство и его структуры, так называемая **государствоцентричная модель**.

Наиболее законченный вид новая парадигма взаимоотношений государства и общества получила в тех странах, где к власти пришли национал-реформистские и по-

пулистские режимы. Так, в Аргентине этот курс был связан с именем Хуана Доминго Перона (президент страны в 1946–1955 и в 1973–1974 гг.), в Бразилии — с деятельностью Жетулио Варгаса (глава правительства и президент в 1930–1945 и в 1950–1954 гг.), в Мексике — с президентством Ласаро Карденаса (глава государства в 1934–1940 гг.).

Будучи разновидностью национал-реформизма, **латиноамериканский популизм** представлял собой массовые националистические движения, аморфные в социальном и политическом плане, но объединенные вокруг «сильных личностей», авторитарных и харизматических вождей. Руководители движений (национальные лидеры) выдвигали популярные в массах лозунги, апеллировали к недовольным в разных слоях общества в кризисные, переломные моменты истории. «Популизм, — писал российский историк-латиноамериканист А.И.Строганов, — унаследовал многие черты, свойственные каудильизму XIX в., но в социальном отношении стал сложнее. В националистических популистских движениях особое значение приобретали взаимоотношения на эмоциональной основе «вождь — массы», умелое использование лидерами настроений и психологии «толпы», «низов» общества, сильнее делался акцент на патриотических и антиимпериалистических чувствах» [11].

Социально-экономическая и политическая деятельность популистских режимов привела к серьезным изменениям в латиноамериканских странах. Отметим главное. Во-первых, *кардинально повысилась роль государства не только в экономике, но и в других сферах общественной жизни*. Во-вторых, реальные ограничения были наложены на иностранные компании, во многих случаях их активы национализировались. В-третьих, ощутимо улучшилось материальное положение основной части работающих по найму, возросла их социальная защищенность. В-четвертых, главной опорой власти стали массовые партии, превращенные в сердцевину политической системы (Перонистская партия в Аргентине, Трabalьистская — в Бразилии, Институционально-революционная — в Мексике и т.д.). В-пятых, была создана сеть вертикально интегрированных институтов гражданского общества, формально независимых, но фактически находившихся под строгим государственным контролем.

В середине XX в. в Латинской Америке популистские режимы стали фактором мобилизационного типа развития, наподобие того, что предпринял сталинский режим в Советском Союзе. В обоих случаях имела место активная (ведущая) роль государства по отношению к пассивному (ведомому) обществу [12]. И самое важное: *очевидно сходство задач социального реструктурирования и национальной интеграции, которые в данный переломный исторический период решались в СССР и латиноамериканских странах*. По сути это была двуединая задача включения широких масс в государственную социально-экономическую и политическую систему по каналам подконтрольным «верховному лидеру». Тем самым гражданское общество полностью (или почти полностью) лишалось самостоятельной роли в социально-политической и хозяйственной жизни, переходило в категорию своего рода *социальных статистов*.

Разумеется, существовала *разница в средствах*, с помощью которых в СССР и Латинской Америке решалась указанная задача социального включения. Если в Советском

Союзе произошло практически полное «физическое исключение старых элит из нового социального блока, формируемого под эгидой государства», то в латиноамериканских странах этого не было нигде [13]. В регионе в пришедшие к власти популистские коалиции входили как деятели новых общественных групп, так и представители старых правящих слоев. Кроме того, даже в рамках вертикальных корпоративных структур, созданных популистскими режимами, существовала определенная степень свободы, полностью отсутствовавшая в тоталитарных структурах сталинского периода. Другими словами, популистские режимы, при всей их социальной ригидности, ни в одной из латиноамериканских стран не обладали политическими ресурсами, сопоставимыми с теми, которые имела советская власть.

В то же время обращает на себя внимание сходство траекторий эволюции популистских режимов в Латинской Америке и советского строя. И в том, и в другом случае государство оказалось перегруженным многочисленными и разнообразными экономическими, политическими и социальными задачами и со временем окончательно утратило эффективность и перестало справляться с решением неизбежно возникавших общественных проблем. Популистская и советская модели — два варианта государственноцентричной парадигмы развития — все больше характеризовались несбалансированностью экономического развития, в конечном счете исчерпали себя и потребовали замены.

Неолиберальные реформы на латиноамериканской почве

Кризис политики популистских режимов завел латиноамериканские страны в исторический тупик, выход из которого, в силу конкретных социально-политических условий, пролегал через установление военных диктатур и переход к неолиберальному варианту хозяйственной модернизации. *Латинская Америка стала первым регионом мира, где монетаристские концепции «чикагской школы» Милтона Фридмена были широко применены в макроэкономической политике [14].*

Наиболее полное воплощение неолиберальный вариант модернизации получил в странах с диктаторскими режимами — Бразилии, Аргентине, Чили. Здесь коррекция экономического курса сочеталась с ущемлением демократических прав и свобод, отменой конституционных гарантий, политическими репрессиями. Популизм в экономике и политике выжигался каленым железом.

Бразилия, где военно-диктаторский режим существовал с 1964 г., первой встала на путь экономических перемен и добилась существенных хозяйственных успехов. Подъем производства был обеспечен главным образом значительным притоком иностранного капитала (в виде прямых инвестиций, а также кредитов и займов международных банков), сокращением расходов на оплату труда и повышением нормы прибыли. Показательно, что в 1965–1974 гг. реальная заработная плата уменьшилась на 31% при росте производительности труда на 56% [15]. В результате миллионы бразильцев оказались отчужденными от достижений экономического прогресса.

«Бразильская модель» во многом послужила примером для других военно-диктаторских правительств в ряде стран Латинской Америки — Аргентине, Боливии, Уругвае, Чили. Политика модернизации проводилась здесь наиболее жестко, авторитарными методами, сопровождалась ухудшением материального и правового положения основной массы населения. В странах с конституционными режимами (Венесуэла, Колумбия, Коста-Рика, Мексика) модернизация осуществлялась в основном в контексте прежних национал-реформистских курсов, с меньшими социальными и политическими издержками.

В Аргентине реформы по неолиберальным лекалам начались после военного переворота 1976 г., в результате которого там был установлен диктаторский режим. Армия и репрессивные службы развернули беспощадную борьбу с противниками диктатуры, прежде всего с леворадикальными элементами, и в течение двух лет в основном разгромили их организации. Аресты и казни участников рабочего и демократического движений приняли массовый характер. Тысячи людей пропали без вести. На этом политическом фоне модернизация экономики заключалась в сокращении государственного сектора, снижении бюджетных расходов, отказе от протекционистской защиты местной промышленности, стимулировании конкурентоспособного экспортного производства. Осуществлялась стратегия активного привлечения иностранного капитала, сдерживания роста заработной платы и уменьшения социальной сферы [16].

В Чили после контрреволюционного переворота 11 сентября 1973 г., свергнувшего правительство Сальвадора Альенде, у власти оказалась военная хунта во главе с Аугусто Пиночетом. Так же как в соседней Аргентине, в стране было отменено действие конституции, гражданских свобод, распущен конгресс, введено осадное положение, запрещен Единый профцентр трудящихся, вне закона объявлены партии блока «Народное единство» (деятельность остальных партий сначала приостановили, а потом — запретили), многие чилийцы были репрессированы или оказались в вынужденной эмиграции. Заметим, что все это произошло в стране с давними и, казалось бы, прочными демократическими и конституционными традициями.

Пиночетовский режим взял курс на построение «националистического общества», в котором институты западной демократии были бы заменены «органичной для чилийской нации социальной демократией», основанной на корпоративных началах и находящейся под эгидой авторитарной власти. При этом национализм сочетался с *модернизаторскими технократическими идеями* транснационализации экономики по рецептам все той же «чикагской школы». В стране окрепли позиции иностранного капитала, был сокращен государственный сектор в экономике, положен конец политике протекционизма. Снятие таможенных барьеров привело к усилению международной конкуренции, которую тысячи местных компаний не выдержали и были вынуждены уйти с рынка. В результате объем промышленной продукции в 1982 г. составлял лишь 74% показателя 1973 г. Чилийский вариант «шоковой терапии» в социальном отношении отбросил нацию назад. Реальная заработная плата в 1974 г. составила менее половины от уровня 1972 г., безработица с 3,8% в 1972 г. выросла до 30% в 1975 г. и 35,2% в 1985 г. [17].

Стратегия модернизации в странах с конституционными либерально-реформистскими режимами имела свои особенности. Правительства этих республик в 70-х — начале 80-х годов стремились обеспечить сочетание развития экономики с эффективной социальной политикой. В *Мексике* и *Венесуэле* — основных странах — производителях нефти в регионе — надежды на хозяйственный подъем связывались с ростом поступлений от экспорта углеводородов, цены на которые в 1973 г. резко поднялись. Но и здесь чувствовалось влияние неолиберальных концепций, в результате чего усилилось стимулирование крупного частного бизнеса — как местного, так и иностранного. Беспрецедентные масштабы приобрели финансовые заимствования за рубежом. В Мехико и Каракасе рассчитывали, что нефтяные доходы покроют любые долги, но падение цен на «черное золото» в начале десятилетия 80-х годов серьезно осложнило их финансово-экономическое положение. Начавшиеся хозяйственные трудности не замедлили сказаться на материальном положении большей части населения: сократилась реальная заработная плата, увеличилась безработица, снизились бюджетные расходы на социальные нужды.

В 80-е годы четко проявилась *уязвимость латиноамериканских моделей модернизации*, в той или иной мере основанных на принципах неолиберализма. Острейшей проблемой стал огромный *внешний долг*, обслуживание которого фактически обескровило финансы государств региона. В подавляющем большинстве стран экономический рост либо сильно замедлился, либо прекратился, что дало повод назвать эти годы **«потерянным десятилетием»**.

Массовые выступления против диктатур «снизу» и встречные усилия сторонников либерализации и демократизации «сверху» явились двумя составными частями начавшегося процесса восстановления конституционных порядков. В результате *80-е годы стали в Латинской Америке периодом ухода с политической сцены диктаторских режимов*. Так, в 1980 г. военный режим передал бразды правления гражданскому правительству в Перу; в 1982 г. в Боливии к власти пришла коалиция левых сил; в 1983 г. к гражданской форме правления вернулась Аргентина; в 1985 г. то же самое произошло в Бразилии и Уругвае; в 1986 г. конституционные порядки были восстановлены в Гватемале и Гондурасе, а на Гаити пал одиозный режим Франсуа Дювалье. И, наконец, в 1989 г. была свергнута самая долговечная в регионе диктатура Альфредо Стресснера в Парагвае, существовавшая с 1954 г.

Однако позитивные политические изменения далеко не всегда сопровождались улучшением и стабилизацией экономического положения. До начала 90-х годов латиноамериканским странам так и не удавалось развязать тугие узлы финансово-экономических проблем, придать импульс хозяйственному росту. Выход из сложившейся ситуации правящие круги вновь, как и в 70-х годах, усмотрели в неолиберализме. В условиях глобализации влияние неолиберальных идей многократно возросло. На путь рыночных реформ встала Россия, не осталась в стороне и Латинская Америка. Ведущие страны региона приняли на вооружение принципы *«Вашингтонского консенсуса»* и провели радикальную либерализацию национальных экономик [18]. По сути, имела место **«вторая волна неолиберальных реформ»**.

Основные составляющие неолиберальной стратегии мало чем отличались от политики 70-х годов, но, как правило, были более определенными и акцентированными. Страны региона резко понизили участие государства в экономике, либерализовали товарные и финансовые рынки (окончательно отказавшись от проведения политики протекционизма), сняли практически все ограничения на деятельность иностранного капитала, еще больше расширили практику внешних заимствований, *снизили уровень социальной ответственности государства*.

Неолиберальные реформы 90-х годов имели неоднозначные последствия. Если на первом этапе рыночные преобразования, как правило, придавали импульс экономическому росту, способствовали модернизации, то впоследствии возникал эффект торможения, а в ряде случаев — реформы заканчивались рецессией и глубокими хозяйственными провалами. В декабре 1994 г. начался финансово-экономический кризис в Мексике, которая первой в регионе (еще в 1988 г.) вступила на путь неолиберальных преобразований. *«Эффект текилы»* (так называли мексиканский коллапс) стал результатом нарастания внешнеторгового и бюджетного дефицита, перенасыщения местного фондового рынка «горячими деньгами», чрезмерного увеличения долговой нагрузки на экономику и ухудшения условий внешнего финансирования, обострения социально-политической обстановки. В этих условиях произошло повышение процентных ставок в США, что привело к массовому бегству капиталов из Мексики в Соединенные Штаты. Курс мексиканской валюты — песо — за четыре дня упал на 64%, национальная финансовая система практически рухнула, около 20 тыс. предприятий разорились, и в следующем 1995 г. ВВП страны упал на 6,6% [19].

Мексиканский кризис стал первым звеном в цепи социально-экономических и политических потрясений в странах Латинской Америки в 90-е годы. «Неолиберальная передозировка» и «шоковая терапия», а также критическое увеличение зависимости государств региона от внешних факторов нанесли тяжелые удары по крупнейшим экономикам — бразильской и аргентинской. Заметим, что свою негативную роль сыграли азиатский финансовый кризис 1997 г. и российский — 1998 г. (*«эффект водки»*), усугубившие проблемы латиноамериканских стран на мировых рынках.

Особенно сильно пострадала аргентинская экономика, служившая в 90-е годы «витриной успехов неолиберальных реформ». Дефолт 2001 г. по суверенным долгам Буэнос-Айреса (самый крупный в мировой истории) подвел черту под неолиберальными экспериментами в Латинской Америке и стал точкой отсчета нового политического и экономического времени в регионе.

Гражданское общество на политической сцене

Одним из знаковых социально-политических последствий неолиберальных реформ и ослабления роли государства как общественного регулятора стал рост активности и влияния институтов *гражданского общества*.

Этот процесс начался еще в годы борьбы за демократизацию, против авторитарных режимов и консолидировался на этапе рыночных преобразований. Причем, именно в условиях военных диктатур происходило становление движений и объединений, ставших основой независимого от государства гражданского общества. В тот период (например, в Аргентине, Уругвае) возникли многочисленные правозащитные организации, объединившие родственников политзаключенных и жертв репрессий. Чаще всего в них входили женщины, радикальная часть молодежи, либерально настроенные священнослужители, представители творческой интеллигенции, журналисты. Помимо этого создавались разного рода ассоциации взаимной поддержки в городских кварталах, жители которых на себе испытали социальные последствия экономической политики военных диктатур и неолиберальных преобразований. В ряде стран, прежде всего в Бразилии, на арене общественной жизни появилось мощное рабочее движение нового типа, из рядов которого вышли национальные лидеры новой формации, например, Луис Инасио Лула да Силва — президент в 2003–2010 гг.

Феномен самоорганизации населения в противостоянии репрессивной государственной власти, поначалу носивший неполитический характер, со временем приобрел политическое измерение, поскольку «гражданское общество становилось заменой, субститутотом политической оппозиции» [20]. В результате имевшие место в условиях диктатур отделение общества от политики и фактическая ликвидация публичной политической сферы обернулись формированием автономных институтов гражданского общества, которые вышли из-под государственного контроля. Это означало не что иное, как **частичный демонтаж существовавшей государствоцентричной модели взаимоотношений власти и общества.**

Главным последствием развития указанного процесса в период демократизации, а затем проведения неолиберального экономического курса было дальнейшее ослабление прямого воздействия политической власти на гражданское общество. Максимальное значение независимые общественные организации приобрели в годы кризисных испытаний на рубеже XX и XXI вв. В качестве иллюстрации приведем пример *Аргентины*, где эти явления проявились особенно ярко. В период 1998–2002 гг. произошло максимальное за всю историю страны ухудшение социальных показателей — индексов безработицы и бедности. Более половины населения оказалось за чертой бедности, а работу потерял каждый четвертый экономически активный аргентинец [21].

Массовые протесты в декабре 2001 г. породили новую для Аргентины структуру социальной мобилизации — **народные ассамблеи**. Вначале это был чисто столичный феномен, но очень быстро он «получил прописку» и в других городах и провинциях. Всего к началу 2003 г. в стране насчитывалось 272 ассамблеи, которые взяли в свои руки решение самых разнообразных проблем, затрагивающих насущные интересы граждан: материальная и моральная поддержка безработных, организация специальных столовых для малоимущих, общественный контроль за формированием муниципальных бюджетов и расходованием средств и т.д. Деятельность ассамблей привлекла

к себе широкое внимание как одна из форм «прямой демократии», отразившей стремление простых аргентинцев тем или иным путем компенсировать неспособность власти (государства) если не парализовать, то хотя бы смягчить негативные процессы, развивавшиеся в Аргентине в обстановке кризиса.

Вполне можно констатировать, что именно протестный социальный взрыв в декабре 2001 г. покончил (по крайней мере, на время) с неолиберальным экспериментом и вынудил аргентинский правящий класс приступить к *реформированию рыночных реформ* 90-х годов. Развитие этого процесса в региональном масштабе вызвало волну политических и экономических изменений, связанных с очередным пересмотром роли государства и взаимоотношений власти и общества.

«Левый поворот» и реинкарнация государства

Политическим выражением общественных процессов в Латинской Америке, связанных с проблемами преодоления негативных последствий неолиберальных реформ 90-х годов, стал приход к власти электоральным путем целой группы левоориентированных правительств, что приковало к себе внимание во всем мире и получило наименование «левый поворот» [22]. Как подчеркивала российский ученый М.Л.Чумакова, «мотор социального недовольства привел в движение ранее инертные слои латиноамериканского общества и ускорил их политизацию, что наглядно проявилось в ходе избирательных кампаний последних лет» [23].

Напомним, что начало этому «политическому дрейфу влево» положила победа на президентских выборах 1998 г. в Венесуэле Уго Чавеса. Вслед за этим процесс, что называется, «пошел». В 2002 г. к власти в Бразилии приходит выходец из профсоюзного движения Л.И. Лула да Силва, в 2003 г. президентом Аргентины становится «государственник» Нестор Киршнер, в 2004–2006 гг. в Уругвае побеждает кандидат Широкого фронта левых сил Табаре Васкес, в Боливии — представитель индейцев аймара Эво Моралес, в Чили — социалист Мишель Бачелет, в Перу — социал-демократ Алан Гарсиа, в Никарагуа (после 16-летнего перерыва) возвращается на вершину власти сандинистский лидер Даниэль Ортега, в Эквадоре победу одерживает «антинеолиберальный» кандидат и «последователь У. Чавеса» Рафаэль Корреа. Все они олицетворяли «левую политическую волну» и, так или иначе, выступали за альтернативную неолиберализму парадигму социально-экономического развития. Добавим, что в ряде случаев, например в Мексике, левые деятели были близки к победе. Это свидетельствовало о наличии еще незадействованного потенциала «левого поворота».

Разумеется, в условиях утвердившейся в регионе электоральной демократии стала возможна активизация альтернативных неолиберализму движений. В атмосфере гражданских и политических свобод различные сегменты гражданского общества смогли выйти на авансцену национальной политики и артикулировать насущные интересы массовых слоев. Эти настроения были подхвачены политическими лидерами левого толка, которые сумели возглавить начавшийся процесс перемен.

В агрегированном виде новый социально-экономический курс в странах «левого поворота» можно определить как *государственную политику, нацеленную на создание современного социально ориентированного и социально ответственного капиталистического общества.*

Реализация названного курса в практическом плане и в общем виде — в качестве основных трендов — предполагает следующее:

- повышение роли государства (государственной власти) во всех сферах общественной жизни, начиная с экономики и заканчивая информацией;
- ослабление зависимости органов политической власти от традиционных групп давления, прежде всего местных и международных бизнес-сообществ;
- формирование новой модели государственно-частного партнерства, приоритетное значение в котором отводится национальным интересам;
- укрепление финансово-экономической суверенности, стремление диверсифицировать национальную экономику;
- усиление роли и влияния исполнительной власти за счет других ее ветвей (законодательной и судебной);
- отчетливое стремление власти ограничить автономию институтов гражданского общества, подчинить их государству;
- выстраивание своего рода «полуторопартийной демократии», когда при формальном сохранении демократического строя (со всеми его главными атрибутами) происходит значительное укрепление позиций одной партии (партийной группы), регулярно побеждающей на выборах и доминирующей в общественно-политической жизни. Речь, по сути, идет об авторитарных тенденциях, характерных для большинства стран «левого поворота»;
- концентрация властных полномочий в руках центрального правительства в ущерб региональным и местным управленческим структурам (с использованием, в частности, механизмов финансовых трансфертов);
- проведение мероприятий по снижению уровня бедности и сокращению неприемлемого разрыва в доходах между различными группами населения;
- осязаемое повышение реальных заработных плат и пенсий;
- субсидирование сравнительно низких тарифов на общественный транспорт и коммунальные услуги в интересах малоимущих слоев населения;
- широкое использование популистских и националистических лозунгов;
- активизация международных связей, расширение диапазона внешнеполитических и внешнеэкономических контактов, интенсификация внутрирегиональных отношений, настойчивое стремление участвовать в процессе формирования новых механизмов глобального регулирования (в частности, через «Группу двадцати»).

Стратегическая задача современных левых режимов — доказать, что в рамках парадигмы «левого поворота» возможно обеспечить сочетание экономического роста и социального прогресса. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для оценки реальных возможностей и перспектив новой общественной модели, отрицающей основные постулаты неолиберального фундаментализма и реанимирующей государствоцентричные методы управления. Есть все основания утверждать, что

именно активная роль государства позволила большинству ведущих латиноамериканских стран сравнительно легко (по сравнению, например, с государствами Евросоюза) пройти острую фазу глобального кризиса 2008–2009 гг. и укрепить свои позиции на международной арене [24].

Вместе с тем результаты деятельности левоориентированных правительств в различных странах Латинской Америки существенно разнятся. Наибольших успехов достигла Бразилия, сумевшая поднять уровень экономического развития, снизить бедность, отодвинуть от миллионов граждан угрозу голода и ставшая восходящей мировой державой. В этой стране курс Л.И.Лулы да Силвы был продолжен Дилмой Руссефф, победившей на выборах в 2010 г. Сохраняет положительный тренд Чили, где в 2014 г. к власти вернулась М.Бачелет; отмечены положительные сдвиги в Перу (в 2011 г. страна еще больше «полевела» — на президентских выборах победил «самый левый кандидат» Ольянта Умала); в Никарагуа Д.Ортеги в ноябре 2011 г. удалось добиться переизбрания на президентский пост. Консолидируются левые режимы в Боливии и Эквадоре. Сложнее обстоят дела в Аргентине и Венесуэле, где правящие круги явно увлеклись популизмом, и экономика оказалась под гнетом огромных социальных обязательств.

В любом случае «левый поворот» уже стал политической реальностью Латинской Америки, обозначил возвращение в общественную жизнь региона государства, вновь претендующего на роль главного агента социальной трансформации.

* * *

Проведенный анализ показал, что при всех цивилизационных, культурных и исторических различиях Россию со странами Латинской Америки роднит общий тип общественно-исторического развития, который может быть определен как **государствоцентричная модель**.

Речь идет о следующем: государство (власть) сыграло и во многих случаях продолжает играть центральную роль в формировании национальной системы общественных взаимосвязей. Для данного типа развития характерна инверсия по отношению к классической парадигме, в рамках которой роль центрального структурообразующего фактора, мотора развития играют экономика и экономические отношения, а точнее — частное предпринимательство в самом широком смысле слова. И в России, и в Латинской Америке наблюдался другой процесс, при котором государство выступало как ведущая, а часто — единственная сила, способная обеспечить хозяйственный рост и интегрировать общество.

Примечания:

1. См.: Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки с древнейших времен до начала XX в. М., 1991; Сеа Л. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М., 1984; Давыдов В.М. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. М., 2006.

2. См.: Селиванов В.Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. М., 1984; Марчук Н.Н. Борьба за независимость в Латинской Америке в конце XVIII — начале XIX в. М., 1988.
3. См.: Марчук Н.Н. Буржуазные преобразования во второй половине XIX в. В странах Латинской Америки. М., 1990; История Латинской Америки. 70-е гг. XIX в. — 1918 г. М., 1991.
4. См.: Марчук Н.Н. Становление независимых государств в Латинской Америке. М., 1989.
5. Поскониная О.И. История Латинской Америки (до XX века). М., 2005. С. 203.
6. Cachanosky R. El síndrome argentino: del Estado de crisis a la crisis del Estado. Buenos Aires, 2006, p. 91, 103.
7. Подробнее см.: Яковлев П.П. Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине. М., 2010. С. 12–14.
8. Подробнее см.: Мартынов Б.Ф. Бразилия — гигант в глобализирующемся мире. М., 2008. С. 59–61.
9. Поскониная О.И. Указ. соч., с. 238; Строганов А.И. Латинская Америка в XX веке. М., 2002. С. 46.
10. Амаду Ж. Луис Карлос Престес. М., 1951.
11. Строганов А.И. Указ. Соч. С. 138.
12. Подробнее см.: Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России и Латинской Америке. — Общественные науки и современность. М., 2001, № 6.
13. Там же.
14. Cavarozzi M. Autoritarismo y democracia (1955–2006). Buenos Aires, 2006.
15. América Latina en construcción. Madrid, 2006, p. 138.
16. Подробнее см.: Яковлев П.П. Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине. М., 2010. С. 53–63.
17. Las privatizaciones y la desnacionalización de América Latina. Buenos Aires, 2004.
18. О «Вашингтонском консенсусе» см.: Давыдов В.М. Эффект адаптационного реформирования: от Латинской Америки к России. М., 2003.
19. Боровков А.Н., Шереметьев И.К. Мексика на новом повороте экономического и политического развития. М., 1999.
20. Ворожейкина Т.Е. Указ. соч.
21. Яковлев П.П. Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 232–236.
22. См.: «Левый поворот» в Латинской Америке. М., 2007.
23. Там же. С. 82.
24. Albrieu R., Fanelli J. La crisis global y sus implicaciones para América Latina. Madrid, 2010.

Список литературы:

- Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки с древнейших времен до начала XX в. М., 1991.
- Амаду Ж. Луис Карлос Престес. М., 1951.
- Боровков А.Н., Шереметьев И.К. Мексика на новом повороте экономического и политического развития. М., 1999.

- Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России и Латинской Америке // *Общественные науки и современность*. М., 2001, № 6.
- Давыдов В.М. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. М., 2006.
- Давыдов В.М. Эффект адаптационного реформирования: от Латинской Америки к России. М., 2003.
- История Латинской Америки. 70-е гг. XIX в. — 1918 г. М., 1991.
- «Левый поворот» в Латинской Америке. М., 2007.
- Мартынов Б.Ф. Бразилия — гигант в глобализирующемся мире. М., 2008.
- Марчук Н.Н. Борьба за независимость в Латинской Америке в конце XVIII — начале XIX в. М., 1988.
- Марчук Н.Н. Буржуазные преобразования во второй половине XIX в. В странах Латинской Америки. М., 1990.
- Марчук Н.Н. Становление независимых государств в Латинской Америке. М., 1989.
- Посконина О.И. История Латинской Америки (до XX века). М., 2005.
- Сea Л. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М., 1984.
- Селиванов В.Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. М., 1984.
- Строганов А.И. Латинская Америка в XX веке. М., 2002.
- Яковлев П.П. Аргентинская экономика перед вызовами модернизации. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2008.
- Яковлев П.П. Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
- Albrieu R., Fanelli J. *La crisis global y sus implicaciones para América Latina*. Madrid, 2010.
- América Latina en construcción*. Madrid, 2006.
- Cachanosky R. *El syndrome argentino: del Estado de crisis a la crisis del Estado*. Buenos Aires, 2006.
- Cavarozzi M. *Autoritarismo y democracia (1955–2006)*. Buenos Aires, 2006.
- Las privatizaciones y la desnacionalización de América Latina*. Buenos Aires, 2004.

УДК 323; 329; 324

АЛЕКСАНДР БАРСУКОВ, СЕРГЕЙ БИРЮКОВ

Этнорегиональные партии и политический процесс в Бельгии

Аннотация. *Статья посвящена партиям, представляющим три региона-субъекта бельгийской федерации. Авторы рассматривают их идеологические платформы, подходы к основным вопросам общенациональной политической повестки и перспективы. Все эти аспекты анализируются в контексте ключевого для современной Бельгии вопроса о путях трансформации федеративного государственного устройства страны, а также связанных с этим социально-экономических проблем.*

Ключевые слова: *Бельгия, федерализм, национальный вопрос, этнолингвистические партии, федеративная реформа, проблема единства страны.*

Подъем этнорегиональных партий в Западной Европе пришелся на 70–80-е годы XX в. вследствие игнорирования этнических проблем общенациональными партиями [1].

История образования партий этнорегионального толка во многом совпадает с основными этапами становления европейской многопартийности. Одной из причин их появления был ответ этнических меньшинств на процессы централизации в ходе эволюции государственности в Европе в конце XIX в. и изменение государственных границ в результате мировых войн XX в., например, в Бельгии катализаторами активности этнорегиональных партий стали конфессиональная принадлежность, этнокультурные движения, неравномерность экономического развития. Усиление региональной идентичности Фландрии и Валлонии привело в итоге к невозможности создания эффективной общенациональной партийной системы, что подтверждается правительственными кризисами и институциональными реформами.

Рождение политических партий в Бельгии связано с генезисом государственности. Уже в 1828 г. возникли католическая и либеральная партии, которые на протяжении всего XIX в. сменяли друг друга у власти. Решение признать французский язык государственным стало причиной зарождения в 1847 г. фламандского национального движения, в результате чего в 1898 г. был признан принцип «двуязычности».

Сведения об авторах: БАРСУКОВ Александр Михайлович — заместитель декана факультета политики и международных отношений Сибирского института управления-филиала РАНХиГС при Президенте РФ, кандидат политических наук; atb2@inbox.ru. БИРЮКОВ Сергей Владимирович — профессор Кемеровского государственного университета, доктор политических наук; birs.07@mail.ru.

Южные регионы Бельгии долгое время доминировали в промышленном развитии, но начиная со второй половины XX в. преимущество перешло на сторону северных регионов, что объяснялось географическим положением и инвестиционной привлекательностью. В итоге, с учетом различий в формировании гражданского общества во Фландрии и Валлонии, сложились предпосылки для качественно различной электоральной базы политических партий. Сеть католических организаций во Фландрии постепенно определила влияние христианской партии. В Валлонии, напротив, индустриализация и урбанизация, культурная и лингвистическая близость к Франции способствовали укреплению позиций социалистов, которые тесно примыкали к профсоюзным организациям [2]. В стране образовалась трехпартийная система — из католической, социалистической и либеральной партий. Последняя выражала интересы городской буржуазии, ее позиции были наиболее прочны в столице и крупных городах.

В процессе федерализации Бельгии можно выделить следующие этапы [3]. В 1962 г. принимается Закон о фиксации лингвистической зоны, что стало одной из причин пересмотра Конституции в 1970 г. Итогом первой ревизии стало законодательное закрепление трех регионов: Фландрии, Валлонии и Брюсселя, а также трех языковых общин: германоязычной, франкофонной и фламандской. В 1980 г. в результате очередной ревизии Конституции регионы Фландрия и Валлония получили автономию. В 1988 г. фламандцы получили представительство в правительстве Брюссельской области. Нужно сказать, что только шестая часть избирателей голосует за фламандские партии, а представительство в правительстве — паритетное с франкоязычными политическими партиями [4]. В 1989 г. Брюссель получил права региона, а в 1993 г. были подписаны Сен-Мишельские соглашения, которые закрепили в ст. 1 Конституции Бельгии 1994 г. принцип: «Бельгия — федеративное государство, состоящее из сообществ и регионов» [5]. С 1 января 1995 г. прекратила свое существование провинция Брабант, находившаяся по обе стороны лингвистической границы. Она официально разделилась на провинции Фламандский Брабант и Валлонский Брабант, в связи с чем изменились границы некоторых избирательных округов [6].

Окончательный раскол политического «поля» Бельгии (если использовать в данном случае терминологию Пьера Бурдьё) произошел во второй половине 1960-х годов, когда ведущие партии страны пришли к выводу, что бельгийская нация — фикция, которая должна быть «похоронена». Трехпартийная система переросла в многопартийную: партии разделились по лингвистическому и региональному признакам. Этот процесс был обусловлен экономическим перевесом Фландрии, вызвавшим подъем фламандского национального сознания, что вкупе с демографическим перевесом — 5,5 млн фламандцев на 10 млн жителей — усилило политическую активность фламандской стороны.

Марши на столицу под лозунгом «Брюссель — фламандский!», уличные столкновения, студенческие выступления в 1966–1967 гг. в Лувенском католическом университете, напряженность в пограничных двуязычных районах после фиксации лингвистической границы в стране в 1962 г. — все это свидетельствовало о том, что меры по урегулированию национальных противоречий приносят лишь ограниченные ре-

зультаты. Национальная проблема все более очевидно выходила из-под контроля общебельгийских унитаристских партий. Их медлительность в оценке значимости этой проблемы и в осознании необходимости реформировать бельгийскую государственно-административную систему привели к взрыву самой традиционной партийной системы.

Так, Социально-христианская партия (СХП) сохранилась как франкоязычная, а ее фламандское ее крыло стало называться Христианской народной партией (ХНП). По своей численности и по уровню поддержки избирателей она оказалась намного сильнее и влиятельнее СХП. Как следствие, в 1970–1990-е годы именно ХНП стала играть ведущую роль в политике как во Фландрии, так и на общебельгийском уровне. Либеральная партия, также разделившись, сохранила наибольшее влияние во франкоязычной части Бельгии, то есть в Валлонии и Брюсселе. Франкоязычные и фламандские крылья Социалистической партии дольше других поддерживали формальное единство, сохраняя общие органы руководства. Появление новых региональных партий («Валлонское объединение», «Демократический фронт франкофонов» в Брюсселе), рост влияния националистической партии «Народный союз» («Фольксюни») во Фландрии также отразили мощный сдвиг в массовом сознании и в настроениях населения страны в пользу национальных и региональных интересов.

Парламентские выборы начала и середины 1970-х годов продемонстрировали столь значительную поддержку региональных партий, что последние стали полноправными членами правительственных коалиций.

Дальнейшее реформирование Бельгии зависит от воли и способности к компромиссу ведущих фламандских и франкофонных партий, которые постепенно превратились в инструмент трансформации федерации. Среди партийных объединений Фландрии, Валлонии и Брюсселя сегодня выделяются:

«Открытые фламандские либералы и демократы» — Партия граждан (Open VLD) — политическая организация фламандских либералов, образованная в 1972 г. в результате раскола общебельгийской Партии свободы и прогресса (ПСП) и сохранявшая прежнее название до 1992 г. Считает себя «ответственной, солидарной, правовой и социальной» партией социально-либерального толка, выступает за самостоятельность Фландрии в составе федеративной Бельгии и федеративной Европы, за плюрализм, «политическую и экономическую свободу» граждан и развитие демократии. «Открытые фламандские либералы и демократы» призывают ограничить мощь государства с помощью дерегулирования и приватизации при сохранении социальных гарантий за теми, кто в них нуждается. Партия ратует за предоставление гражданских прав иммигрантам и их интеграцию в бельгийское общество при сохранении культурного своеобразия. С 1999 г. — наиболее сильная партия Бельгии; ее лидер Ги Верхофстадт трижды возглавлял правительство страны.

Социалистическая партия — «Социалисты и прогрессивные другие» (Socialisten en progressieven anders — SP.A, до 2009 г. — Sociaal progressief alternatief) — партия фламандских социалистов, возникшая в 1978 г. в результате раскола общебель-

гийской Социалистической партии. Опирается на профсоюзное движение, пользуется влиянием в кассах взаимопомощи и кооперативном движении. Лидеры фламандских социалистов в 1980–1990-е годы начали пересмотр традиционных социал-демократических взглядов, которые предполагали постепенную замену капитализма демократическим социализмом с помощью длительных структурных реформ. В настоящее время партия, выступает за «экономический реализм»: осуждая неолиберализм, она в то же самое время подвергает сомнению «традиционные рецепты экономического социализма на основе кейнсианства». Фламандские социалисты делают упор на этическое обоснование социализма, социально-экологическое обновление, европеизм и более «разумное» использование механизмов социального государства. Они более осторожно относятся к экономическому росту и придерживаются модели сохранения гарантированного минимума социального обеспечения при приватизации части социальных гарантий (например, части пенсионной системы и т.д.).

SPIRIT (Sociaal, Progressief, Internationaal, Regionalistisch, Integraal-democratisch, Toekomstgericht) — либеральная политическая организация, созданная перед выборами 2003 г. в результате объединения левого крыла фламандской партии «Народный союз» (основана в 1954 г.) и участников движения «Демократическая инициатива-21». Партия характеризует себя как «социальную, прогрессистскую, интернационалистскую, регионалистскую, интегрально-демократическую и ориентированную на будущее». Выступая за социальную справедливость, она подчеркивает, что рыночные механизмы не могут обеспечить благосостояние всех членов общества, и потому необходимо корректирующее использование социальных механизмов, борьба с безработицей и т.д. Партия провозглашает, что каждый член общества имеет право на гарантированный «социальный минимум». На выборах 2003 г. блокировалась с фламандскими социалистами.

Христианско-демократическая и фламандская партия «Христианские демократы и фламандцы» (Christen-Democratisch en Vlaams — CD&V) образована в 1968–1969 гг. как Христианская народная партия (ХНП) Фландрии и Брюсселя, нынешнее название носит с начала 2000-х годов. Возникла в результате раскола общебельгийской Социально-христианской партии. Опирается на католические профсоюзы. До 1999 г. была наиболее сильной политической партией Бельгии и долгое время возглавляла правительство страны, с 1999 г. — в оппозиции. Партия провозглашает своей целью обеспечение ответственной совместной жизни людей. Фламандские христианские демократы выступают против «примата экономики» в обществе, против социалистического «коллективизма» и либерального индивидуализма. Провозглашая «примат общества», они считают основой общества «сильные семейные и социальные связи». В хозяйственной области «Христианские демократы и фламандцы» — за регулируемую рыночную экономику, где ряд сфер (здравоохранение, социально-культурная деятельность, социальное жилищное строительство и т.д.) не должен становиться объектом приватизации и коммерциализации. Партия призывает гарантировать всем гражданам «базовое обеспечение», увеличить пособия на детей. В то же время она ратует за «уменьшение бюрократии» и большую свободу действий для предпринимателей в сфере трудовых отношений.

Социалистическая партия (Partie socialiste — PS) — партия социалистов франкоязычной части Бельгии (Валлонии и Брюсселя). Образована в 1978 г. в результате раскола Бельгийской соцпартии. Опирается на профсоюзы. Партия провозглашает ценности солидарности, братства, справедливости, равенства и свободы. PS — за правовое государство и равноправие всех членов общества, за «социальное рыночное хозяйство». Она критикует экономический либерализм, считая логику непрерывного роста разрыва в доходах между людьми несовместимой с идеей свободы. Поэтому социалисты призывают к «консолидации» социальных достижений, повышению низких зарплат, пенсий и пособий, борьбе с бедностью и т.д. PS согласилась на принцип разделения пенсий на гарантированную «базовую» и «накопительную» части, оговорив, однако, что пользование второй должно быть доступно всем трудящимся. PS — наиболее сильная партия Валлонии и Брюсселя.

Партия «Фламандский интерес» (Vlaams Belang, до 2004 г. — «Фламандский блок», Vlaamse Blok) — крайне правая фламандская партия, отколовшаяся в 1977 г. от Народного союза. Выступает с позиций крайнего фламандского национализма, провозглашая: «Собственный народ — превыше всего». Объявляет себя демократической партией, но ее сторонники участвуют в расистских выступлениях. VB ратует за независимую республику Фландрия и прекращение иммиграции иностранцев, от которой якобы страдает страна. Партия требует остановить прием новых иммигрантов, ограничить предоставление политического убежища и выслать приезжающих на родину. Председатель партии — Брюно Валкенирс.

Реформаторское движение, или Валлонское движение обновления (Mouvement réformateur — MR) — политическая организация валлонских и брюссельских либералов. В нынешнем виде образована 2002 г. в результате объединения Реформистской либеральной партии (созданной в 1979 г. в результате объединения Валлонской партии реформ и свободы и брюссельской Либеральной партии — частей бывшей общеваллонской Партии свободы и прогресса), немецкоязычной Партии свободы и прогресса, Демократического фронта франкофонов (брюссельской партии, созданной в 1965 г.) и Движения граждан за перемены. Реформаторское движение объявило себя центристской группировкой, выступающей за примирение личности и общества и отвергающей как эгоизм, так и коллективизм. Взгляды реформаторов основаны на либеральной демократии, приверженности представительной системе правления и плюрализме. Реформаторское движение отвергает «доктринерство XX века», экономический взгляд, покоящийся исключительно на рыночных законах, любые формы коллективизма, «интегринского экологизма», религиозного обскурантизма и экстремизма. С точки зрения реформаторов, продолжение экономического роста и социального развития требует заключения «нового общественного договора» и «демократии участия». В области экономики они выступают за поощрение предпринимательства, снижение налогов на предпринимателей и трудящихся. Одновременно Реформаторское движение признает, что в обществе должен играть свою роль и «нерыночный сектор» социальной экономики, которому надлежит удовлетворять те потребности, которые не может удовлетворить рынок. Рыночная свобода должна быть соединена с системами, призванными предотвращать сбой и компенсировать перекосы с помощью более рав-

номерного перераспределения богатств. Социальную помощь, полагают реформаторы, следует сделать более «эффективной»: она не должна сковывать «инициативу» и призвана доставаться только тем, кто в ней «действительно нуждается».

Гуманистический демократический центр (CDH, франкофоны) считает себя преемником Социально-христианской партии, основанной в 1945 г. на основе довоенной Католической партии. СХП провозглашала свою приверженность доктрине «коммунитарного персонализма»: она заявляла, что отвергает «как либеральный капитализм, так и социалистическую философию классовой борьбы» и стремится создать общество максимального развития человеческой личности. В основе такого общества, по ее мнению, должны были лежать демократические свободы, защита семьи, частная инициатива и социальная солидарность. СХП объявляла себя «народной» партией, опирающейся на все слои населения; контролировала католические профсоюзы. После раскола СХП в 1968 г. на валлонское и фламандское крыло, первое продолжало действовать под старым названием до 2002 г., а затем было переименовано в Гуманистический демократический центр. Сейчас — это центристская партия, призывающая к терпимости, соединению свободы и равенства, солидарности и ответственности, осуждающая популизм и расизм. Провозглашаемый ею «демократический гуманизм» рассматривается как идея, противостоящая эгоизму и индивидуализму. Гуманистический демократический центр отвергает «общество материализма и насилия, основанное на культе денег, конкуренции, безразличии и неравенстве», критикует подчинение человека рынку, науке и государственным институтам. Рынок центристы считают средством, а не целью. Они выступают за «динамичный, но цивилизованный рынок и прочное государство». Последнее, с их точки зрения, должно не предоставлять все рынку, но призвано служить обществу, перераспределять богатства в интересах нуждающихся, регулировать и быть арбитром. Процессы глобализации, по мнению Гуманистического демократического центра, должны быть подчинены демократическому контролю.

Новый фламандский альянс (NVA) образован в 2001 г. на базе Народного союза — фламандской партии, существовавшей с 1954 г. Он стремится придать фламандскому национализму «современную и человеческую» форму «гуманитарного национализма». Альянс выступает за создание Фламандской республики в составе «конфедеративной и демократической Европы», за право наций на самоопределение как основу международного права. Новый фламандский альянс призывает к развитию чувства фламандской общности, совершенствованию демократии и усилению социальной политики. Наряду с предложениями по поощрению фламандского предпринимательства, партия требует сократить общественное неравенство и увеличить социальные выплаты и пособия до уровня, позволяющего покрыть базовый «социальный риск».

«Конфедерированные экологи за организацию изначальной борьбы» (ECOLO, франкофоны; «Эколо») — движение валлонских «зеленых»; существует с конца 1970-х — начала 1980-х годов. Выступает за «устойчивое развитие» в гармонии с природой и в солидарности с другими людьми и народами. Объясняя кризисные явления в современном мире «нерегулируемым» развитием, экологи Валлонии призывают к координации в мировом масштабе. Экономика, по их мнению, должна быть динамич-

ной и справедливой, основанной на инициативе, участии, солидарности, равновесии, благосостоянии и устойчивости. «Зеленые» — за установление более партнерских отношений на предприятиях, сокращение рабочего времени, улучшение условий труда. В социальной области они ратуют за большее равенство в доходах и условиях жизни, разработку плана, позволяющего каждому человеку получать минимальный доход не ниже уровня бедности, усиление прогрессивности налогообложения, предоставление гражданам кредита на получение образования и учебу в течение всей жизни. Экологи-сты считают, что следует прекратить практику сокращения выплат предпринимателей в социальные фонды. Они требуют демократизации государства при активном участии социальных движений, граждан, трудящихся и потребителей в решении общественных вопросов.

«Будем жить иначе» (Agalev), позднее «Зеленые» (Groen!) — партия фламандских экологов, более или менее аналогичная «Эколо». Выступает за гармонию с окружающей средой, развитие жизненной активности в самых различных областях (не только в официальной экономике), сокращение рабочей недели до 30 часов, «иную глобализацию» и т.д. На выборах 2003 г. получила 2,5% и утратила представительство в парламенте Бельгии.

Национальный фронт (Front National) — ультраправая партия. В центре ее идеологии и деятельности — борьба с иммиграцией. Предоставление социальных выплат только бельгийцам и европейцам должно позволить, по мнению Национального фронта, спасти социальное государство от чрезмерных расходов. В экономике партия выступает за сокращение роли и участия государства в хозяйственной деятельности до уровня простого арбитра конкуренции и защитника европейского экономического потенциала. Выдвигая лозунг «народного капитализма», она требует, чтобы приватизация шла на пользу исключительно «народу Бельгии». Национальный фронт обещает «упростить и сократить» налоги, а в перспективе — заменить налоги на доходы общим налогом с покупок. Популизм подобных обещаний очевиден не только для политических экспертов, но и для большинства избирателей.

В то же время именно рост националистических настроений как во Фландрии, так и в Валлонии стал самым примечательным фактором завершающего этапа федеральной реформы в Бельгии. Результаты парламентских выборов конца 1980-х годов особенно показали это. Лозунгом националистических сил стал сепаратизм, то есть окончательное расчленение Бельгии, вплоть до упразднения единого государства.

Что означает все происходящее для Бельгии? На современном этапе можно говорить о следующих итогах и тенденциях:

1) Вдохновленный идеями культурно-исторического и политического реванша фламандский национализм (в лице правых фламандских партий), утвердив себя в качестве монополюс доминирующей политической силы во Фландрии и преобразовав под себя ее политическое и культурное пространство, приступил к решающему переделу сфер влияния в масштабах всей Бельгии и к попытке демонтажа федеративных механизмов.

2) Фламандский национализм, имеющий своей конечной целью создание собственного национального государства, сумел выдвинуть и реализовать на уровне региона Фландрия масштабный проект политической и экономической модернизации, ставший фундаментом фламандской экспансии в масштабах всей страны. В то же время альтернативный валлонский проект модернизации региона и страны в целом не был выдвинут и не состоялся, что привело валлонское движение к поражению в борьбе за влияние в масштабах всей Бельгии.

3) Федеративная реформа, начатая в 1970-е годы с целью сохранения единства федерации, привела к одностороннему ослаблению политических позиций валлонов на уровне федеральной власти (подтверждением чему стали последние волюнтаристские действия депутатов-фламандцев в общебельгийском сенате). В результате представители Фландрии, занимающие руководящие посты на федеральном уровне власти, под все большим давлением со стороны «своих» праворадикалов неизбежно пойдут на дальнейшее ослабление (фактически — демонтаж) институтов бельгийской федерации.

4) Многолетнее доминирование фламандских партий на федеральном уровне предопределяется не только экономическим превосходством Фландрии, но и более гибким, консолидирующим характером ее региональной партийной системы. Долговременное пребывание у власти в Валлонии Социалистической партии привело регион к социально-экономическому застою, а правление во Фландрии либеральных и консервативных партий позволило провести социально-экономическую модернизацию. В отсутствие политических и административных козырей такой дисбаланс не позволяет федеральному центру в должной степени выразить и отстаивать франкофонные интересы.

* * *

Процессы регионализации и федерализации Бельгии привели к ослаблению некоторых общефедеральных институтов и к приданию ряду других федеральных институтов коалиционно-консенсусного характера (правительство и парламент). В итоге формирование и функционирование федерального парламента и правительства Бельгии напрямую зависели от результатов выборов в регионах и соотношения сил ведущих национально-региональных партий Фландрии и Валлонии. Изменение электоральных предпочтений во Фландрии в пользу крайне правых партий приводило к столкновениям с партиями федералистов-франкофонов, что затрудняло формирование коалиций и порождало цепочку правительственных кризисов. Самым острым стал кризис осени 2007 г., вызванный противостоянием фламандских и франкофонных партий по вопросу о судьбе избирательного округа Брюссель-Хал-Вилворде.

В течение долгого времени фламандское большинство в общебельгийском парламенте ставило вопрос о разделении этого округа с целью достижения «языковой гомогенности» фламандской территории. Франкофоны же утверждали, что фламандцы стремятся лишь «забетонировать» границу между регионами, имея в виду будущую независимость Фландрии. Одновременно с этим они были обеспокоены судьбой прожи-

вающего в округе франкоговорящего меньшинства (около 150 тысяч человек), особенно в тех муниципалитетах, где франкофоны являются большинством [7]. Предпринятое фламандским большинством в ноябре 2007 г. голосование в Сенате за законопроект о разделении Брюссель-Хал-Вилворде в течение достаточно долгого времени не могло иметь юридических последствий. Однако решимость фламандцев начать демонтаж не устраивающих их федеративных структур и механизмов была продемонстрирована.

Главная особенность сложившейся за годы федерализма партийной системы Бельгии заключается в том, что большинство бельгийских партий работают не по всей стране, а только в нидерландо- или франкоязычных округах. В соответствии с принятым территориально-лингвистическим разделением избиратели провинций Антверпен, Восточная Фландрия, Фламандский Брабант, Лимбург или Западная Фландрия могут голосовать только за фламандских христианских демократов, «Зеленых», «Новый фламандский альянс», «Фламандских либералов и демократов», фламандских же социалистов и «Фламандский интерес», а также несколько небольших общebelгийских партий, таких как Бельгийский союз или Рабочая партия, позиции которых можно охарактеризовать как близкие к маргинальным. В свою очередь, в валлонских провинциях Эно, Льеж, Люксембург, Намюр и Валлонский Брабант избиратели могут голосовать только за Гуманистический демократический центр, «Эколо», реформистов и франкоязычных социалистов, а также упомянутые выше небольшие общebelгийские партии [8].

В избирательном округе Брюссель-столица произошел своего рода политический прорыв. В то время как члены ряда «партийных семей», находящиеся по разные стороны лингвистической границы, нередко не могут найти общего языка, «Эколо» и «Зеленые» сформировали единый список под названием «Эколог» [9].

В свою очередь, фламандская либеральная партия «Либертэр» представила список своих кандидатов только в Западной Фландрии, не рассчитывая на успех в масштабах не только Бельгии, но и своего исторического региона. Франкофонные демократические федералисты представили список во всех избирательных округах Валлонии, в округе Брюссель-столица и во Фламандском Брабанте — официально нидерландоязычной провинции, где в шести коммунах преобладают франкофоны, имеющие гарантированные языковые льготы. В свою очередь, стоящая на коммунистической и интернационалистской платформе Рабочая партия Бельгии представила список во всех одиннадцати округах страны, что сделало ее одной из немногих партий общebelгийского масштаба и влияния.

Подобная модель регулярно воспроизводит в Бельгии ситуацию шаткого политического равновесия, чреватого новыми конфликтами и спорами. Переломными для страны стали досрочные парламентские выборы 2010 г., ставшие своеобразным «моментом истины» после затяжного коалиционного и правительственного кризисов. На них набирающий популярность «Новый фламандский альянс» и валлонская Социалистическая партия одержали уверенную победу. Решение о досрочных выборах было принято после правительственного кризиса, который породила ситуация вокруг реформирования электорального округа Брюссель-Хал-Вилворде [10].

Как отметили тогда многие ветераны бельгийской политики, с победой на выборах во Фландрии Барта де Вевера и Нового фламандского альянса, обладавших поддержкой в 15% голосов в масштабах всей страны, кончилась прежняя федеративная Бельгия. Для всех вовлеченных в бельгийскую политику акторов стало окончательно ясно, что бельгийский федерализм в его нынешнем виде исчерпал себя, в том числе в силу глубоких различий между политической и социально-экономической моделями, которые сложились на сегодняшний день во Фландрии и в Валлонии. Если фламандцы в течение уже нескольких десятилетий последовательно голосуют за либерально-консервативный политический и экономический курс (в его различных вариациях) и за проводящие его партии, то франкофоны Валлонии с 1970-х годов выражают поддержку Соцпартии и проводимой ею политике социального популизма и патернализма, к которой недавно присоединились франкофонные «зеленые» из «Эколо» и демократы из Гуманистического демократического центра, совместно выработавшие для Валлонии «зеленый план Маршалла» с акцентом на социально-гуманитарные стандарты. Причем если фламандские партии разного идеологического толка умеют находить компромисс в защите интересов Фландрии, то франкофонные партии продолжают конкурировать по многим вопросам и зачастую не могут найти общей платформы для защиты интересов франкофонного сообщества.

Попытки сформировать новую правящую коалицию по итогам выборов продолжались рекордные 541 дней, за которые сменилось несколько потенциальных премьер-министров. Только в начале декабря 2011 г. участники переговоров согласовали проведение шестой реформы государственно-территориального устройства, после чего кабинет министров был наконец сформирован [11].

Реформа предусматривала ликвидацию двуязычного избирательного округа Брюссель-Халле-Вилворде, выборы в котором постоянно вызывали споры и конфликты. В итоге громоздкость избирательной системы Бельгии была относительно уменьшена, и провинции наряду с федеральной столицей получили свои собственные избирательные округа. Сенат из органа, избираемого ранее прямым голосованием избирателей, превратился в собрание региональных парламентов, что усилило в нем корпоративистские черты. Срок полномочий депутатов нижней палаты был увеличен с 4 до 5 лет. Дата проведения выборов в бельгийский парламент отныне должна была совпадать с датой выборов в Европейский парламент.

В рамках достигнутого компромисса в новый состав кабинета вошли обе социалистические партии страны (франкофонов и фламандцев), либеральное франкофонное Реформаторское движение, партия «Открытые фламандские либералы и демократы» и партия «зеленых» франкофонов «Эколо». Впервые с 1976 г. премьер-министром Бельгии стал франкофон Элио ди Рупо. Однако франкофонам пришлось заплатить за это согласием на передачу фламандцам политической инициативы в делах государственного строительства.

За три года деятельности коалиционное правительство во главе с премьером-социалистом не смогло предотвратить ухудшение социально-экономического положения в стране. Разрешить ситуацию были призваны новые парламентские выборы [12].

Темы кампании в значительной степени были сосредоточены на решении социально-экономических проблем: создание новых рабочих мест и уменьшение безработицы, налоговая реформа, пенсионное обеспечение и т.п. Социалисты Валлонии выдвинули программу «социальной модернизации» с акцентом на сохранении институтов социального государства и перераспределительных механизмов на уровне федеральной политики. В свою очередь, «Новый фламандский альянс» представил свой «V план», а «Христианские демократы и фламандцы» — «3D план», делавшие упор на дерегулирование, децентрализацию управления и расширение полномочий регионов.

Парламентские выборы состоялись 25 мая 2014 г. одновременно с выборами в Европейский парламент. Они впервые проходили после интронизации короля Филиппа и в рамках фактически новой электоральной системы. Результатом стали формальный успех «Нового фламандского альянса», превысившего свой результат 2010 г. (20,36 % вместо прежних 17,4 %); относительное снижение поддержки франкофонной Социалистической партии (11,67 % вместо 13,7 %) и фламандских социалистов (8,83 % против 9,2 %); сохранение прежних электоральных позиций франкофонным же Реформаторским движением (9,64 % вместо 9,3 %) и «Христианскими демократами и фламандцами» (10,85 % против прежних 10,8%); относительное усиление позиций «Открытых фламандских либералов и демократов» (9,78 % вместо 8,6%). В итоге сложилась ситуация неустойчивого баланса, в которой непросто было найти партию, способную стать «ядром» новой коалиции [13].

26 мая 2014 г. Элио ди Рупо был отправлен в отставку, оставаясь и. о. премьер-министра до формирования нового правительства. 27 мая король Филипп поручил лидеру «Нового фламандского альянса» Барту Де Веверу провести переговоры для формирования коалиционного правительства. Однако фигура последнего оказалась не вполне подходящей для многопартийного компромисса.

Поскольку новое правительство формировалось по контрасту с прежним, достаточно предсказуемым был выбор праволиберальной формулы будущего компромисса. Вероятным вариантом считалась коалиция «Нового фламандского альянса», христианских демократов Фландрии и Валлонии, а также фламандских и валлонских либералов. Альтернативой (с меньшими шансами) было сохранение правительства Элио Ди Рупо, в которое входили христианские демократы, либералы и социалисты. Праволиберальный вариант в итоге получил, хотя и с трудом, поддержку наиболее влиятельных фламандских и франкофонных партий.

Ввиду неспособности Барта де Вевера в одиночку сформировать новое правительство, 27 июня король Бельгии Филипп поручил эту задачу франкофонному реформисту Шарлю Мишелю и лидеру партии «Христианские демократы и фламандцы» Крису Питерсу. 7 октября между партиями «Новый фламандский альянс», «Христианские демократы и фламандцы», «Открытые фламандские либералы и демократы» и Реформаторским движением было подписано соглашение о создании правоцентристского коалиционного правительства во главе с Шарлем Мишелем. 11 октября король Филипп официально привел Мишеля и 14 министров к присяге. Уходящий премьер Элио ди

Рупо выразил скепсис в отношении перспектив праволиберального кабинета, предсказав, что «Реформаторское движение обманет франкоязычных избирателей» [14]. В результате Бельгия в очередной раз вернулась к ситуации неустойчивой стабильности.

* * *

Каковы основные тенденции трансформации партийной системы Бельгии, как меняется стратегия политических партий страны?

Во Фландрии происходит своеобразная «национализация» всех действующих политических партий — от левых до либералов и центристов. Они все чаще отдают приоритет региональным, а не общбельгийским интересам. «Новый фламандский альянс» позиционирует себя во фламандском регионе в качестве регионалистской и умеренно-националистической партии, а на общбельгийском уровне предстает как ориентированная на последовательную модернизацию государства и экономики прореформаторская сила. Это позволяет ему привлечь на свою сторону дополнительные голоса избирателей.

Одновременно складывается конфликт между старым «этноцентристским и ирредентистским» национализмом, воплощаемым радикальной партией «Фламандский интерес», умеренным национализмом, ориентированным на реформы в целях дальнейшей децентрализации Бельгии (демохристиане), и новым «еврорегионалистским» национализмом (Новый фламандский альянс), провозглашающим приверженность конфедеративной модели.

Партии либерально-реформаторского толка (Реформаторское движение и «Открытые фламандские либералы и демократы») по обе стороны лингвистической границы постепенно теряют свои позиции, а идею модернизации государства и экономики активно берут на вооружение умеренные фламандские националисты (Новый фламандский альянс).

В рамках регионалистского тренда существует феномен «левого национализма». Его воплощением во Фландрии стала партия «SPIRIT». Между тем валлонские социалисты остаются верными традиционным идеологемам и выступают за единую мультикультурную Бельгию, ориентируясь на электоральную поддержку этнолингвистических меньшинств.

Углубляется взаимное дистанцирование и в других некогда консолидированных общбельгийских партийных «семьях». Если фламандские демохристиане остаются на либерально-консервативных позициях, то демохристиане-франкофоны из Гуманистического демократического центра последовательно эволюционируют в направлении леволиберальных и мультикультурных ценностей, все более превращаясь в младшего коалиционного партнера франкофонных же социалистов.

Продолжается экспансия фламандских партий (наряду с экспансией фламандских сообществ в культурно-лингвистической и экономической сферах) в формально двуязычном Брюсселе.

Вопросы модернизации экономики, социальной сферы и государственного устройства фактически монополизировали фламандские партии, оставившие франкофонным партиям вопросы социальной защиты и защиты культурно-лингвистических прав франкофонов как меньшинства и во Фландрии, и в Брюсселе.

Уходит поколение политиков, связанных с унитарной и ранней федеративной Бельгией. Для новых лидеров общепольские символы и ценности не столь актуальны, а идеи конфедерализма и даже демонтажа единого польского государства представляются допустимыми.

На сегодня отсутствует устойчивый межпартийный консенсус по общепольской повестке дня, и решение любого политически значимого вопроса в масштабах страны зависит от «торга» между руководством наиболее влиятельных этнорегионалистских партий.

На смену «неуправляемой многопартийности» 2000–2011 гг., приведшей к глубокому общенациональному политическому кризису, приходит система картельных соглашений между регионалистскими партиями. Фундаментом последних является условный компромисс, в рамках которого фламандцы политически доминируют в масштабах единой Польгии в обмен на определенные гарантии франкофонам и их политическим лидерам. Подобный компромисс, однако, является достаточно неустойчивым и не исключает возникновения межпартийных противостояний и масштабных политических кризисов уже в ближайшем будущем.

Между тем возможности создания единой общепольской партии, способной реинтегрировать страну, на сегодняшний день ограничены. Этому препятствуют слабость общепольских политических институтов, активное противодействие укрепившихся региональных элит, обособленность региональных политических систем и публичных пространств, а также дефицит сильных лидеров общенационального масштаба, способных продвигать качественно новую повестку дня.

Будущее страны продолжает оставаться в руках проявляющих политическую инициативу фламандских партий, позиция которых в отношении возможного государственного устройства Польгии является весьма характерной. Так, «Открытые фламандские либералы и демократы», «Христианские демократы и фламандцы», «Социалисты и прогрессивные другие» и «Зеленые!», контролирующие в совокупности 72% электората Фландрии и нидерландоязычной части Брюсселя, выступают за сохранение федеративной модели. В то же время регионалисты и умеренные националисты из Нового фламандского альянса, контролирующие 20% фламандского электората, склоняются к конфедеративной модели. Откровенно маргинальные позиции (по 4%) занимают как сторонники полной независимости Фландрии из радикальной националистической партии «Фламандский интерес», так и польские унитаристы и коммунисты, отстаивающие модель унитарного государства [15].

Сказанное позволяет прийти к вполне определенным выводам. Бельгия с момента своего создания де-факто являлась государством национальностей. Однако, под влиянием якобинской идеологии долгое время отказываясь каким-либо компромиссным образом отразить принцип национальности в государственном устройстве, страна столкнулась с мощным давлением со стороны национального движения фламандцев. Это привело к слабо управляемому процессу трансформации. Изначально асимметричный характер этнической системы Бельгии дестабилизировал государство, вызывая к жизни все новые и более глубокие попытки реформирования его базовых институтов. Фламандское и валлонские национальные движения стали катализатором целого ряда кризисов и последовавших за ними реформ, одновременно способствуя реализации принципа этнокультурной гомогенности регионов и формированию региональных политических и партийных систем.

В результате структурные элементы бельгийской государственности, постепенно складывавшиеся в процессе государственного строительства (национально-культурная автономия, лингвистические сообщества, субъекты федерации и федеративные механизмы и др.), вместо консолидации политической системы по принципу «единства в многообразии» способствовали ее последовательной фрагментации. Прогрессирующее усложнение механизмов формирования федерального правительства в условиях обострения противоречий между фламандской и валлонской общинами вело Бельгию к ситуации «институционального тупика».

По нашему мнению, бельгийское государство не смогло полноценно артикулировать и согласовать интересы образующих его этнолингвистических общностей и поэтому не стало эффективным посредником для формирующегося гражданского общества. Национальная элита, представленная до 1970-х годов в рамках достаточно сильных политических партий (христианско-демократической, либеральной и социалистической), согласилась на их раздел по этнорегиональному и этнолингвистическому принципам, что ослабило общенациональную политическую систему.

В свою очередь, неравновесность регионов, дисбалансы в системе отношений «центр — регионы» и децентрализация государственного управления породили ситуацию неустойчивости партийных коалиций, что часто приводит к правительственным кризисам.

В итоге бельгийское государство оказалось практически парализовано и подчинено интересам «партийной олигархии», которая вместо выполнения функций консолидации способствует дальнейшей фрагментации национальной политической системы. Лидеры этнорегиональных партий в процессе непрекращающихся «торгов» и борьбы за власть привели страну к ситуации институционального дефолта и к вполне реальной перспективе распада.

Режим «партократии», имеющей прочную укорененность в регионах, подменил собой интересы бельгийского социума. При этом если во Фландрии сложилась партократия «картельного» типа (при идеологических различиях между партиями существует

консенсус относительно общих целей фламандской политики), то в случае Валлонии можно говорить о партократии «клиентарного» типа, когда «сети влияния» Социалистической партии, охватывающие профсоюзы, организации бизнеса и др., способствовали воспроизведению устоявшегося политического порядка.

Если фламандская элита была заинтересована в максимальном ослаблении бельгийского государства и его институтов, то элиты Валлонии и Брюсселя стремились к сохранению более сильного единого бельгийского государства, поскольку для поддержания клиентарного порядка в условиях дотационного статуса данных регионов они нуждались в «перераспределяющем» государственном центре.

Партократии с региональными корнями не были нужны сильные общенациональные институты, способные составить ей конкуренцию, — монархия, профсоюзы, общенациональная церковь, общественные объединения — а требовались лишь структуры, находящиеся в клиентарной зависимости от ее власти и влияния. В этих условиях институциональная реформа в Бельгии была изначально обречена на неудачу.

Современный бельгийский кризис представляет собой одновременно кризис бельгийской модели национального государства. Федерализм, усугубленный господством партократии с устойчивой региональной базой поддержки, исчерпал свои институциональные возможности. Он не является решением проблем бельгийской государственности, которые связаны с более глубокими причинами.

Выход из ситуации состоит в уменьшении гипертрофированной роли этнорегиональных политических партий Бельгии, не способных в своем нынешнем состоянии консолидировать общенациональную политическую систему. Дальнейшая «институциональная реформа» в направлении регионов будет означать демонтаж единого бельгийского государства. Бельгийская политическая система нуждается в масштабной департизации и восстановлении полноценных общенациональных институтов на качественно новой гражданской основе, при опоре на потенциал новых общенациональных гражданских движений и союзов (предпринимательских, профсоюзных, студенческих и др.). Это будет означать своеобразное «переучреждение» единой бельгийской государственности, бельгийской идентичности и «бельгийского патриотизма».

В основу «бельгийского проекта», по нашему мнению, должна быть положена модель многоуровневой идентичности (общеевропейской, общенациональной, национально-лингвистической, коммунальной), которая формируется в рамках социальных сетей соответствующего уровня. В любом случае судьба этого проекта будет зависеть от способности умеренных франкофонных и фламандских партий найти устойчивый и неконъюнктурный компромисс. Проводником в жизнь этой новой программы могло бы стать единое общенациональное (наднациональное и надрегиональное) движение (сетевое типа), инициативу создания которого выдвинула еще в 2010 г. главный редактор столичной газеты «Ле Суар» Беатрис Дельво.

Примечания:

1. Швейцер В. Региональные партии выходят на авансцену // Современная Европа. 2006. №4. С. 84–93.
2. Павличук Е.И. Федеральная реформа Бельгии // Полис. 1995. №5. С. 130.
3. Бирюков С.В. Бельгийский кризис европейского федерализма // АПН. 12.11.2007. URL: <http://www.apn.ru/publications/article18331.htm> (дата обращения 03.09.2015)
4. Ван Дейк Р. Регионализм, федерализм и права меньшинств в Бельгии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: poli.vub.ac.be/publi/etni-3/ruthvandyck.htm (дата обращения 03.09.2015)
5. Бирюков С.В. Бельгийский кризис «европейского федерализма» // Агентство национальных новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/article18331.htm> (дата обращения 06.04.2015)
6. Павличук Е.И. Федеральная реформа Бельгии // Полис. 1995. №5. С. 135.
7. Stroobants J.-P. Vote historique des Flamands contre la minorité francophone // Le Monde. 2007. 8 novembre.
8. Mabile X. La Belgique depuis la Seconde guerre mondiale. — Bruxelles: Crisp, 2003. — 475 p.
9. Groen en Ecolo op één federale lijst in Brussel. — Access mode: <http://dredactie.be/cm/vrtnieuws/regio/brussel/1.1762540>. (date of access: 06.04.2015)
10. Ханцевич О. Развод по-бельгийски продолжается // Независимая газета. 2010. 16 июня.
11. McParland K. Belgium finally gets a government after 541 days. — Access mode: <http://www.nationalpost.com/m/wp/tag/blog.html?b=news.nationalpost.com/2011/12/06/belgium-finally-gets-a-government-after-541-days&pubdate=2015-02-26&t=european-debt-crisis> (date of access: 06.04.2015)
12. Dandoy R. The 2014 Belgian elections will test whether the country has learned the lessons from the political deadlock of 2010. — Access mode: <http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2014/02/24/the-2014-belgian-elections-will-test-whether-the-country-has-learned-the-lessons-from-the-political-deadlock-of-2010/> (date of access: 06.04.2015)
13. http://polling2014.belgium.be/en/cha/results/results_tab_CKR00000.html; Бельгия. Парламентские выборы 2014– Access mode: <http://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/b/belgium/belgiya-parlamentskie-vybory-2014.html> (date of access: 06.04.2015)
14. Di Rupo: «Charles Michel n'aura pas le statut de Premier ministre de la Belgique tout entière». — Access mode: <http://www.lalibre.be/actu/politique-belge/5436d75d357030e61045541e> (date de la demande 06.04.2015)
15. Bursens P. The Flemish Case // WeltTrends. N 98. 2014. September/Oktober. S. 55.

Список литературы:

- Бельгия. Парламентские выборы 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/b/belgium/belgiya-parlamentskie-vybory-2014.html> (дата обращения 06.04.2015)

- Бирюков С.В. Бельгийский кризис «европейского федерализма» // Агентство национальных новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/article18331.htm> (дата обращения 06.04.2015)
- Бирюков С.В. Бельгийский кризис европейского федерализма // АПН. 12.11.2007. URL: <http://www.apn.ru/publications/article18331.htm> (дата обращения 03.09.2015)
- Ван Дейк Р. Регионализм, федерализм и права меньшинств в Бельгии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: poli.vub.ac.be/publi/etni-3/ruthvanduyck.htm (дата обращения 03.09.2015)
- Павличук Е.И. Федеральная реформа Бельгии // Полис. 1995. №5. С. 130.
- Павличук Е.И. Федеральная реформа Бельгии // Полис. 1995. №5. С. 135.
- Ханцевич О. Развод по-бельгийски продолжается // Независимая газета. 2010. 16 июня.
- Швейцер В. Региональные партии выходят на авансцену // Современная Европа. 2006. №4. С. 84–93.
- Bursens P. The Flemish Case // WeltTrends. N 98. 2014. September/Oktober. S. 55.
- Dandoy R. The 2014 Belgian elections will test whether the country has learned the lessons from the political deadlock of 2010. — Access mode: <http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2014/02/24/the-2014-belgian-elections-will-test-whether-the-country-has-learned-the-lessons-from-the-political-deadlock-of-2010/> (date of access 06.04.2015)
- Di Rupo: “Charles Michel n’aura pas le statut de Premier ministre de la Belgique tout entière”. URL: <http://www.lalibre.be/actu/politique-belge/5436d75d357030e61045541e> (date de la demande 06.04.2015)
- Groen en Ecolo op één federale lijst in Brussel. — Access mode: <http://deredactie.be/cm/vrtnieuws/regio/brussel/1.1762540>. (date of access 06.04.2015)
- Mabille X. La Belgique depuis la Seconde guerre mondiale. — Bruxelles: Crisp, 2003. — 475 p.
- McParland K. Belgium finally gets a government after 541 days. — Access mode: <http://www.nationalpost.com/m/wp/tag/blog.html?b=news.nationalpost.com/2011/12/06/belgium-finally-gets-a-government-after-541-days&pubdate=2015-02-26&t=european-debt-crisis> (date of access 06.04.2015)
- Stroobants J.-P. Vote historique des Flamands contre la minorité francophone // Le Monde. 2007. 8 novembre.

УДК 325,2; 323

ЕЛЕНА ПИНЮГИНА

Исламизация Великобритании: социально-политические последствия

Аннотация. В современной Великобритании, как и во многих странах Западной Европы, наблюдается опережающий рост мусульманского населения. Наступил качественно новый период, когда присутствие иммигрантов-мусульман и их потомков стало существенно влиять на принимающее общество. В статье анализируются основные направления британской политики интеграции мусульман и выявляются ее неоднозначные результаты. Освещаются такие аспекты, как представленность мусульман во власти и на государственной службе; повышение статуса ислама и социальная поддержка исламской общины; адаптация финансовой, социальной, правовой, образовательной систем и других сфер к специфическим мусульманским институтам.

Ключевые слова: иммиграция в Великобритании, интеграция мусульман, политика интеграции, институционализация ислама, исламизация, последствия иммиграции, исламские радикалы.

Мусульмане — самая быстрорастущая и самая молодая часть населения Великобритании, что подтверждает проходящая раз в десятилетие перепись населения. Сравнивая данные предпоследней (2001 г.) и последней (2011 г.) переписей, можно увидеть, что число мусульман за 10 лет выросло с 3 до 4,4% от всего населения, а в возрастной группе до 25 лет доля мусульман составила уже 10% [1].

Дополнительные подсчеты показали: с 2001 по 2009 г. численность мусульман возростала на территории Соединенного королевства в 10 раз быстрее, чем представителей других религий [2]. В абсолютном выражении число мусульман с 2001 по 2011 г. выросло более чем на 1 млн 200 тыс., из них почти 600 тыс. — родившиеся на территории Британии дети. Около 100 тыс. человек в ходе переписи заявило, что являются конвертитам, принявшими ислам. В целом в стране на 2011 г. проживало примерно 2,78 млн мусульман.

Все это происходит на фоне установленного той же переписью сокращения числа христиан. В 2001 г. таковыми себя считали 72% населения страны, а в 2011 г. — лишь 59%. Более половины христиан на момент переписи 2011 г. были старше 50 лет, четверть — старше 65 лет. Из возрастной группы моложе 25 лет христианами себя называли менее 50%. Количество христиан, по мнению переписчиков, могло быть еще меньше, но на 2% компенсировалось иммиграцией из Польши и Нигерии.

Сведения об авторе: ПИНЮГИНА Елена Викторовна — научный сотрудник Отдела политической науки ИНИОН РАН, кандидат политических наук; pinjugina@rambler.ru.

Около половины мусульман Британии — безработные. Безработица среди расовых и этнических меньшинств, к которым относятся почти все мусульмане, обходится бюджету страны в колоссальную сумму — 8,6 млрд фунтов в год [3]. Большая часть мусульман (свыше миллиона) проживает в Лондоне. Они — самая материально неблагополучная категория лондонцев с наиболее высоким процентом безработных в возрасте от 16 до 64 лет. Среди сомалийцев не имеют работы 78% женщин и 56% мужчин; пакистанцев — 70% женщин и 32% мужчин; турок — 68% женщин и 35% мужчин; бангладешцев — 74% женщин и 31% мужчин [4].

Помимо большого числа безработных, велика доля мусульман в тюремных учреждениях: если в населении страны они составляют сегодня около 5%, то в британских тюрьмах их уже 13%, а в лондонских — 27% [5].

Социальная уязвимость большинства мусульман (иностранный происхождение, низкая квалификация, безработный статус, многодетность и т.д.) негативно влияет на перспективы их социализации. К тому же установки религии ставят их в условия постоянного морального выбора возможности/невозможности пользоваться в немусульманской стране опциями национальной системы образования, здравоохранения, финансовой и судебной систем. Учитывая все эти обстоятельства, в течение последнего десятилетия британское государство и общество прилагают усилия к интеграции как самих мусульман, так и мусульманских институтов по двум направлениям:

1) рекрутирование мусульман во власть, изменение их периферийного социально-экономического положения, повышение статуса ислама;

2) адаптация финансовой, социальной, правовой, образовательной систем, трудовых отношений, а также учреждений торговли и общепита в государстве к специфическим мусульманским институтам.

Первое направление выразилось в «политике позитивных действий» (2006 г.) [6] и «позитивной дискриминации» (2008 г.), когда парламентарии ввели для меньшинств квоты на государственной службе, особенно в армии, ключевых министерствах (иностранных дел, внутренних дел) и в полиции [7], а также приняли план повысить число представителей расовых и религиозных меньшинств (британские мусульмане относятся и к тем, и к другим) в государственных службах с 6 до 11%.

Наиболее успешно рекрутирование мусульман производится в полиции. Создана профессиональная ассоциация мусульман-полицейских, пропагандирующая среди приверженцев ислама престиж и возможности поступления на службу. На данный момент в Великобритании свыше 2 тыс. мусульман-полицейских, что уже превосходит 11% от общего числа полицейских на территории страны [8].

Менее результативно обстоит дело с привлечением мусульман в вооруженные силы. Как сообщили родственники одного такого погибшего в Афганистане военнослужащего ВС Британии, молодой человек, отправляясь с немусульманами в исламское

государство, находился под прессингом общины, проповедников, множества знакомых и незнакомых людей, обвиняющих его в предательстве ислама, и это давление эксперты-мусульмане считают важнейшей причиной провала кампании [9]. Несмотря на создание ассоциации мусульман-военнослужащих, на принятие на армейскую службу имамов, разъясняющих единоверцам, что нет противоречия между религией и гражданским долгом, лишь 600 мусульман служат в рядах ВС страны (0,5% от общего числа военнослужащих) [10]. Дополнительная причина отказа от выгодной по финансовым условиям службы — осуждение мусульманами любой военно-политической активности стран Запада на территории исламского мира. Это свидетельствует о конфликте между гражданской идентичностью и чувством принадлежности к всемирной общине мусульман — умме, бросающей вызов секуляризму, американскому глобализму и культурной вестернизации.

Что касается участия в законодательной власти, то, хотя прогресс заметен (в 1997 г. в парламенте страны был лишь 1 мусульманин, в 2010 г. в нижней палате их уже 8), мусульмане остаются недопредставленными: пропорционально своей доле в населении они должны иметь как минимум 24 депутатских места [11]. По данным на 2014 г., в верхней палате парламента (Палате лордов) было 15 мусульман, а еще пятеро британских мусульман стали депутатами Европарламента [12].

Помимо парламентского представительства, заметные назначения были сделаны в ходе формирования правительства в 2010 г.: впервые в истории двое из мусульман-парламентариев стали министрами от Консервативной партии.

Статистика 2014 г. показывает, что мусульмане все активнее участвуют в местной политике. Так, на выборах местных советов в Англии в мае 2014 г. было зафиксировано 897 кандидатов-мусульман (как партийных, так и независимых). Большинство партийных кандидатов (354) являлись членами Лейбористской партии, на втором месте — кандидаты от Консервативной партии (256) [13]. Что касается результатов, то они разнятся от года к году: в 2014 г. 277 мусульман стали членами местных советов, что составило более 6,5% общего числа мест (несколько превышая долю мусульман в населении); в 2013 г. результат был гораздо скромнее — 1% мест, а в 2012 г. мусульмане получили 20% мест, четырехкратно превысив свою долю в населении страны [14]. В 2014 г. женщины составили около 25% от общего числа новоизбранных мусульман-советников; абсолютное большинство победителей (227 из 277) — члены Лейбористской партии.

В некоторых случаях политики «от меньшинств» не рассматривают ценности своего конфессионального сообщества как единственно возможные для остального населения и голосуют как светские граждане. Так, в 2013 г. 5 из 8 мусульман в Палате общин проголосовали за легализацию гей-браков [15], однако с тех пор семья самого влиятельного из проголосовавших, министра юстиции «теневого кабинета» лейбористов Садик Хана, находится под охраной спецслужб из-за угроз радикалов и фундаменталистов. Имамы многих мечетей клеймят его как предателя и призывают молодежь наказывать таких отступников.

Есть и противоположные примеры, когда политики выражают интересы лишь своего сообщества, что также порой требует от них смелости — например, готовности рискнуть карьерой. Так, баронесса Саида Варси, первая женщина-мусульманка, ставшая в 2010 г. министром (без портфеля) в правительстве консерваторов, назвала царящую в обществе исламофобию главной причиной роста количества мусульман в британских тюрьмах. А в августе 2014 г. она ушла в отставку, заявив о неприемлемости британского политического курса на поддержку Израиля в ближневосточном конфликте. Ее поддержала Шабана Махмуд, депутат парламента от лейбористов, публично призывая сограждан к бойкоту израильских товаров, производимых на оккупированных территориях, несмотря на рекомендации соратников по партии «не расходиться с политической линией партии на поддержку Израиля».

Есть и проблема неоднозначной позиции мусульманских политиков и организаций по отношению к экстремистам и терактам, совершаемым мусульманами, в том числе и на территории Великобритании. Некоторые, публично осуждая акт террора, одновременно предоставляют нетерпимым проповедникам и экстремистским организациям «площадки» для выступлений, включая интернет-ресурсы или СМИ. Один из таких двуликих политиков с 2010 г. уже второй срок находится на посту мэра одного из самых «иммигрантских» района Лондона — Тауэр Хэмлет. Против связанного с экстремистами мэра идет расследование, а он угрожает властям масштабными исламистскими беспорядками [16]. Шесть других мэров-мусульман, находившихся на должностях в разных городах в 2007 — 2014 гг., ни в чем подобном замечены не были.

Конфессиональный ракурс

В Великобритании у религиозных сообществ, в том числе и мусульман, есть статус общественно-полезных союзов, подразумевающий определенные финансовые льготы и выплаты из национального и местных бюджетов. В стране более 1000 имамов, 1650 мечетей и молельных домов. Если они оформляют регистрацию и получают официальный статус, это позволяет им прибегать к господдержке и взимать с верующих налоги на содержание мечети [17]. Погребения по мусульманским правилам давно разрешены, для этого есть и специальные участки на общих кладбищах, и отдельные мусульманские кладбища. Разрешен и ритуальный забой скота согласно религиозным предписаниям. Ношение женского головного платка и закрывающей лицо чадры не встречает препятствий и широко распространено.

Для повышения статуса ислама элита демонстрирует не просто толерантность, но лояльность на самом высоком уровне. Королева Великобритании Елизавета II приказала выделить комнату для молитв служащих-мусульман в Виндзорском замке в период священного для них месяца Рамадан, после чего этому примеру последовали Букингемский дворец и другие государственные учреждения.

Душепопечение мусульман в тюрьмах и больницах осуществляется, как и у христиан, за счет государства. Правительство оплачивает деятельность 130 имамов в тюрьмах (на

постоянной основе) и привлечение от 25 до 30 имамов в организации здравоохранения (на основе частичной занятости). Есть имамы и в армии — как государственные служащие с окладом.

Социальная политика Великобритании на протяжении 13 лет правления Лейбористской партии (с 1997 по 2010 г.) заслужила высокую оценку многих политиков-мусульман. Она проводилась с акцентом на адресную помощь мусульманам как представителям особо нуждающейся группы и включала в себя многочисленные пособия, услуги, льготы и налоговые вычеты [18]. Кроме того, лейбористами был запущен ряд экономических целевых программ, две из которых — «Исламская помощь» (Islamic Relief) и «Мусульманская поддержка» (Muslim Aid) — вдобавок основываются на исламских принципах взаимопомощи и благотворительности, что позволяет участвовать в них блюстителям особенных предписаний ислама.

На местном уровне управляющие советы стараются обеспечить мусульманам-иммигрантам наилучшие условия, в том числе предоставляя семьям с детьми социальное жилье класса люкс с дорогостоящей мебелью и бытовой техникой (аренда которого у частных владельцев дорого обходится британскому налогоплательщику) [19]. Примечательно, что в таких роскошных условиях проживали и семьи всех одиозных проповедников нетерпимости, часть которых недавно получили наказание в виде лишения свободы, а часть высланы за границу. Их семьи при этом продолжают пользоваться социальной поддержкой британского государства, которое эти деятели призывали разрушить, реорганизовав его в теократическое средневековое общество. Радикалы деформируют эффект политики адресной социальной помощи мусульманам, интерпретируя ее как форму налога с «неверных», распространенную в мусульманских политиках прошлого. Жизнь на социальные пособия по безработице подобные проповедники расценивают как желательную форму существования, позволяющую посвящать освободившееся время борьбе с противниками веры.

Помимо такой квазирелигиозной трактовки радикалами социальной политики, есть и другие негативные последствия адресной помощи. Во-первых, отцам многодетных бедных семей более выгодным оказывается не работать. Во-вторых, «адресная» политика порождает ксенофобию — тысячи африканцев и азиатов проникают в страну всеми способами именно ради получения сносных условий для жизни, возможных даже в статусе беженцев и нелегальных иммигрантов; при этом многим представителям меньшинств предлагают варианты по возможности лучшего жилья [20], недоступного большинству обычных британцев со скромными доходами. Рядовые британцы вдобавок и оплачивают привилегированные условия для иностранцев. Для безработных или низкооплачиваемых мусульман есть система налоговых льгот и пособий и набор услуг членам их семей (например, бесплатного питания детей в школе, бесплатных лекарств и медобслуживания), в получении которых они также зачастую получают преимущество перед британцами.

Наконец, такая система деформирует психологию мужчины в мусульманской семье. В исламе, как и в других авраамических религиях, иерархичность отношений полов

связана именно с четко распределяемыми функциями. Мужчина в этой конструкции — добытчик, труженик, а жена и дети — сфера его ответственности. Предоставление социального жилья, нормальный (по сравнению с африканской или азиатской страной происхождения) уровень жизни на пособия снимает с мужчины львиную долю его обязанностей. Как худший вариант, жены и дети становятся источниками дохода такого экономически неактивного мужчины, который, пользуясь статусом главы семьи, изымает у них всю сумму выплат и может распределять ее по своему усмотрению. Дети видят пример неработающих отцов и матерей и воспринимают такой образ жизни как нормальное состояние.

Существенный ущерб перекосы политики «позитивной дискриминации» принесли остальным группам населения. Так, социально недопустимое поведение выходцев из меньшинств власти страны пытались интерпретировать как культурное своеобразие. Только в 2013–2014 гг. стали достоянием общественности факты о многолетней (с 2001 по 2013 г.) безнаказанной деятельности в стране расистски настроенных банд педофилов, насильников и сутенеров — представителей иммигрантских меньшинств, жертвами которых стали тысячи белых детей (доказанных жертв только одной банды — 2,5 тысячи) [21]. Это были годы лейбористского правления, принятия множества актов и инициатив в защиту меньшинств [22].

Адаптация государства и общества к мусульманским институтам

В сфере финансов

С учетом существующих в исламе запретов на ряд экономических операций, ограничений по видам капиталовложений и указаний по регулированию договорных отношений, лейбористское правительство 2007 — 2010 гг. пошло на изменение налогового и финансового законодательства для возможности эффективного функционирования исламского банкинга [23]. В настоящее время Исламский банк Великобритании имеет восемь подразделений, в том числе в Бирмингеме, Лондоне и Манчестере. Как минимум 5 банков на территории Соединенного королевства предлагают исключительно соответствующие шариату услуги, и еще 17 банков и финансовых групп («Barclays», «RBS», «Lloyds Banking Group» и др.) открыли специальные филиалы и структуры для обслуживания клиентов-мусульман. За последние годы капитал исламских банковских учреждений страны составил 12 млрд фунтов, превысив показатели аналогичного сектора таких мусульманских стран, как Турция, Египет и Пакистан. Бурное развитие этого сегмента привело к тому, что 55 учебных заведений Великобритании (больше, чем в любой стране мира) готовят специалистов по исламскому банкингу [24].

В страховании и ипотечном кредитовании активно развивается рынок продуктов, приспособленных под ограничения ислама на кредиты с процентами. По специальной схеме мусульманам обеспечена возможность кредитов для получения высшего образования.

В семейной политике

Уже десятилетие дискутируются и применяются разные формы социальной поддержки полигамной семьи, для чего пришлось изменить принципы британского семейного законодательства [25]. Несмотря на то, что двоеженство в Великобритании считается преступлением, полигамные браки могут формально признаваться государством, если их заключили в странах, где они предусмотрены законом. Мужчины, у которых несколько жен, таким образом, официально могут получать дополнительные социальные пособия. В указаниях по социальным выплатам, опубликованных Министерством труда и пенсионного обеспечения [26], говорилось: «В случае законного полигамного брака заявитель с одним из супругов может получать выплату из расчета на семейную пару... Сумма, выплачиваемая на каждого дополнительного супруга, в настоящий момент составит 32 фунта 65 пенсов» [27]. Кроме того, состоящий в полигамном браке мужчина (до пересмотра закона в 2012 г.) получал дополнительные выплаты на жилье и льготы по муниципальному налогу, поскольку подобной семье необходима большая жилплощадь.

Партия консерваторов осудила принятые лейбористским кабинетом в 2006 г. решения по вопросу полигамии. В 2012 г. правительство прекратило выплату мужчинам на поддержку таких семей, поскольку эти меры не защищали женщин с детьми [29]. С 2013 г. вторые и последующие жены получают индивидуальные пособия как матери-одиночки, что означает отказ от официальной поддержки полигамии и одновременно повышает степень их защиты от произвола мужей. Критики нововведения отмечают, что такой порядок дает преимущество замужним мусульманкам перед остальными женщинами, состоящими в обычном моногамном браке, и также не является оптимальным и справедливым для всех решением вопроса [30].

Отметим, что в исламе мужчина имеет право заводить вторую и последующих жен, если он в состоянии обеспечить их самих и детей от них. Таким образом, немусульманское социальное государство с развитой системой обеспечения побуждает даже безответственного, бедного и безработного, в нарушение правил ислама, брать больше жен и заводить больше детей, полагаясь на общество и государство.

В трудовых отношениях

Еще одна сфера внимания государства — как обеспечить мусульманам трудоустройство без отказа от религиозных символов и одежды, а также режим работы, не противоречащий религиозным нуждам. С 2003 г. все государственные служащие могут носить платок при исполнении своих обязанностей. С 2009 г. головной платок в комплект униформы включили пожарные и полицейские. Кроме того, полицейские обязаны, независимо от религиозной принадлежности, иметь специальную одежду для посещения мечетей по служебной надобности (женщина-полицейский должна надеть головной платок). На сайте правительства появились указания, какие признаки или действия работодателя могут трактоваться как дискриминация мусульман и размещены инструкции, как поступать в этих случаях [32].

В системе общественного питания и торговли

Расследование британских СМИ, опубликованное в мае 2014 года [33], показало, что в торговле и общепите произошла масштабная переориентация на интересы мусульман, затрагивающая права остальных категорий населения. Например, в госпиталях, тюрьмах и школах страны многие столовые несколько лет назад, не уведомляя родителей, больных или заключенных — немусульман, полностью были переведены на мясо «халяль», отвечающее религиозным предписаниям ислама (это полный запрет на свинину, а также умерщвление дозволенных в пищу животных и птиц вручную, с молитвой и без предварительного оглушения; впрочем, некоторыми мусульманскими богословами было учтено мнение защитников животных, и часть предприятий, ориентируясь на их мнение, теперь использует оглушение). Помимо нарушения прав потребителей на свободу информации, в этой практике присутствует элемент дискриминации представителей всех мировоззрений, кроме ислама.

В правовой и судебной сфере

В связи с институционализацией ислама в немусульманском государстве наиболее дискуссионными были и остаются проблемы интеграции исламской компоненты в систему правосудия. Речь идет о двух явлениях — мусульманском праве и религиозных судах шариата. (Специалист по проблемам мусульманского права Леонид Сюкияйнен отмечает, что распространенное отождествление шариата и мусульманского права не совсем корректно: шариат (в переводе с арабского «путь») — это совокупность догматических и культовых вопросов, этических характеристик внутреннего мира мусульманина, правил поведения мусульман в их отношениях между собой, с властью, с иноверцами; он значительно шире, чем мусульманское право, к которому «относятся лишь те принципы и нормы, которые были разработаны или истолкованы доктриной и отвечают требованиям права» [34]). Перед Великобританией, как и перед каждым европейским государством с растущей мусульманской компонентой, возникли две проблемы: а) допустимость, б) механизм и последствия интеграции мусульманского права в государственную правовую систему.

Поскольку Великобритания уже решила первую проблему положительно и позволила мусульманскому сообществу реализовать его план по второй, рассмотрим некоторые итоги.

Любая национально-правовая система основывается на трех составляющих:

- преобладающая правовая идеология (совокупность правовых взглядов, идей и представлений, свойственных данному обществу);
- национальное право (юридические нормы, принципы и институты);
- юридическая практика (совокупность правовых учреждений).

Уже первый, идеологический компонент становится камнем преткновения. В отличие от европейского либертарно-юридического правопонимания, шариатская система социально-нормативного регулирования основана на том, что равенство, свобода

и справедливость — свойства именно религии, а не права. Шариат, будучи религиозно-этической системой, исходит из предписаний, интерпретирующих отношения не только между единоверцами, но и с иноверцами — на односторонней основе положений своей религии. Это порождает появление на улицах европейских городов «шариатских патрулей», которые полагают своим законным правом предписывать прохожим нормы поведения и внешнего вида, наказывая за «несоответствие» и мусульман, и немусульман. Серьезно отличается в западных правовых идеологиях и в исламской интерпретации и основополагающая для светского государства доктрина прав человека.

Второй компонент системы — национальное право — теоретически совместим с мусульманским правом. Леонид Сюкияйнен указывал на прецеденты, когда в ходе реформ XIX в. в странах исламского мира в государственные правовые системы включались нормативные источники европейского происхождения, так что «практика современного мусульманского права в ряде стран Востока подтверждает, что возможно успешное развитие правовой системы, построенной на сочетании и взаимодействии элементов, восходящих к различным правовым культурам — исламской и европейской (как континентальной, так и англосаксонской)» [35].

Однако даже в таком «идеальном» случае правовая интеграция несет существенные риски. Нормативные системы, существующие в обществе, могут носить комплементарный или конкурирующий характер, но, «чтобы общество не погрузилось в состояние хаоса, одна из них является ведущей, той, которая обеспечивает социальную солидарность, т.е. осуществляет интегративную функцию» [36].

Британская ситуация развивается по схеме конкурирующих нормативных систем — судов шариата в стране более 85 [37], но государство не обеспечило интегративную функцию национальной системы и четкость комплементарного статуса мусульманского права. Изначально отсутствуют прозрачность системы судов шариата и подконтрольность их органам юстиции и обществу. В юридической плоскости можно было ограничиться интеграцией именно элементов мусульманского права, а не всего шариата. Суды шариата в результате не ограничены регламентом. Нигде в этих судах — ни в помещениях, ни на документах — не указано, что светская правовая нормативная система сохраняется в качестве ведущей, что оставляло бы возможность отказаться от религиозного суда или оспорить его решения в гражданской инстанции. Получается, что государство, подписавшее международные конвенции о правах человека, фактически отходит от безусловного примата этой доктрины для всех категорий населения. К тому же мусульманское право исходит из неравенства между женщиной и мужчиной. Вот пример стандартной для шариатских судов Великобритании ситуации: женщина обвиняет своего мужа в избиении, насилии, краже домашнего имущества (если он наркоман или игрок), требует развода и наказания для него — а суд шариата «приговаривает» ее терпеть, не разводиться (или выплатить такому мужу компенсацию за развод) [38].

Исследование правозащитников и ученых-юристов Дэниса МакЭйна и Дэвида Грина под эгидой лондонского гражданского фонда «Цивитас», опубликованное в книге

«Шариат или один закон для всех» [39], показывает, как различны позиции светского законодательства и религиозных судов в отношении прав женщин и несовершеннолетних детей. Ребенок старше 7 лет при разводе религиозным судом передается в распоряжение отца или родственников отца, даже если этот отец с точки зрения светского законодательства социально опасен. Религиозный суд не обязывает родственников отца или его самого соблюдать права матери на встречи с ребенком; не накладывает такой суд и обязательств на органы опеки проверять условия жизни и состояние ребенка после решения его дальнейшей судьбы в контексте развода.

Еще одна область повышенного риска для женщин и несовершеннолетних связана с восприятием некоторых адатов (местных обычаев) как части религиозной традиции. Браки по принуждению противоречат вероучению ислама, но практикуются среди британских мусульман (соответствующая статистика опубликована на сайте специально созданного департамента британского правительства по борьбе с принуждением к браку [40]). В 2014 г. был издан закон, относящий принуждение к браку к уголовным преступлениям с наказанием до 7 лет лишения свободы (противодействие государственным органам по защите жертвы от принудительного брака наказывается сроком до 5 лет). Но есть религиозно-правовые последствия таких браков, которые государство исправить не может. Легализуя суды шариата, британские политики не потребовали от мечетей и шариатских судов обязательной гражданской регистрации всех заключаемых в них браков. Поэтому жертва не может аннулировать уже заключенный по правилам ислама брак, действительный с точки зрения судей и родственников — притом что в государственной правовой системе такого брака не существует.

Гендерную дискриминацию насаждают не столько религиозные суды, сколько квазирелигиозная идеология, о необходимости бороться с которой на уровне общества и государства заявил имам Исламской конгрегации Оксфорда Тадж Харжи. Во многих мечетях страны, по словам имама, проповедуют второсортность женщины как существа, призванного лишь подчиняться мужчине при любых условиях и доставлять ему удовольствие. Немусульманская женщина в контексте такой идеологии — третьесортное существо (отсюда сексуальные преступления с расовой и религиозной подоплекой) [41].

Несмотря на неоднозначные оценки деятельности шариатских судов, религиозная правовая идеология начинает доминировать и в системе светской юриспруденции. Так, весной 2014 г. Юридическое общество Англии и Уэльса (главное профессиональное объединение юристов страны, консультирующее правительство и парламент по вопросам законодательства) включило в свои регламенты указания о составлении завещаний по правилам ислама. Это нарушает законы светского законодательства о наследстве, основанные на принципе свободы вероисповедания, гендерном равенстве и защите прав детей [42]. В частности, завещания по шариату лишают права на наследство: супругов, если они на момент смерти находятся в разводе; незаконнорожденных детей — включая и детей от браков, заключенных не по исламским канонам (например, зарегистрированных в мэрии); усыновленных детей; всех наследников, сменивших вероисповедание или, с точки зрения завещателя, неверующих. Предусмотрено

получение наследниками мужского пола большей доли, чем наследницами. Если ранее недовольные наследники могли бы оспорить завещание, составленное по канонам шариата, в гражданском суде, теперь они этого права лишены. Универсальная доктрина гендерного равноправия и защиты прав ребенка уступила место конфессиональной.

Если адаптация государства к институтам ислама в финансовой, социальной, трудовой сферах может способствовать политической лояльности мусульман, то адаптация в правовой сфере рождает нормативный плюрализм. В обществе возникают две идеологии регулирования семейных и межличностных отношений — конфессиональная этика и доктрина прав человека. На практике это ведет к потере людьми единых представлений о допустимом и недопустимом, осуждаемом и похвальном, наказуемом и нет. Возрастают и риски непонимания носителями радикального или фундаменталистского мировоззрения неприменимости своих практик к остальному обществу.

Образование

В 2000-х годах мусульмане уже составляли 70–90% учеников в школах некоторых городов страны. Им удалось во многих школах на местном уровне узаконить соблюдение детьми ряда установлений религии (пятничная молитва, предоставление в столовых питания «халяль», дополнительные выходные на мусульманские праздники). В 2004 г. министр образования Великобритании объявил о выпуске новых методических рекомендаций по изучению нехристианских вероучений (ислама, иудаизма, буддизма, индуизма и сикхизма). Политика мультикультурализма в период правления лейбористов позволила сообществам активно насаждать свой подход к образованию на местном уровне, в том числе и «исправляя» светский характер государственных бесплатных школ (собственно мусульманских школ в стране более 110, но обучение в большинстве из них платное).

Трансформации образовательных учреждений под влиянием исламского фактора стали предметом расследования. Поводом послужила информация в СМИ о существовании тайной программы исламизации государственных школ, примером воплощения которой назван был г. Бирмингем. В 2014 г. Управление по стандартам в образовании, обслуживании детей и обучении навыкам, изучавшее ситуацию в школах г. Бирмингема с преобладанием учащихся-мусульман, опубликовало доклад, доступный на сайте Европейского института противодействия экстремизму [43]. Согласно мнению опрошенных завучей, заговор, объединяющий активистов школьных советов, действительно существует, и целью его является полный контроль над кадровой политикой и содержанием обучения, чтобы препятствовать социализации и подготовке детей для жизни в светской Великобритании. Возможно, в заговоре участвовали и некоторые члены городского совета Бирмингема, которые, по свидетельствам педагогов, долгое время игнорировали их жалобы на действия школьных советов. Это привело в ряде школ к сомнительным с точки зрения светского образования феноменам: разделённому обучению в классах детей — мусульман и немусульман; разделённому обучению мальчиков и девочек; отмене уроков музыки, танцев, рисования как безнравственных; сокращению или отказу от курсов английской истории и литературы; финансированию

школьными советами паломнических поездок детей-мусульман в Саудовскую Аравию (детям других вероисповеданий поездки не предлагались); вместо звонков на перемену из громкоговорителей раздавались призывы к молитве; под руководством педагога одной из школ хором распевались антихристианские слоганы; где-то детей всех вероисповеданий принуждали посещать уроки арабского языка, где-то заучивали на уроках религии Коран наизусть без изучения арабского. В 75% проинспектированных школ отмечены неспособность подготовить учеников к жизни в мультикультурном британском обществе, религиозный фундаментализм, отказ от участия в правительственных программах пропаганды британских ценностей, неспособность к предотвращению религиозного экстремизма. В отношении оставшихся 25% существуют подозрения в пропаганде экстремизма.

Расследование было поддержано премьер-министром Д. Кэмероном и вызвало протесты Мусульманского совета Великобритании, который вместе со школьными советами Бирмингема обвинил правительство и инспекцию в предвзятости и исламофобии.

Свое расследование одновременно проводила и группа экспертов во главе с бывшим Уполномоченным лондонской полиции по борьбе с терроризмом. Ее выводы оказались весьма жесткими: в городе осуществляется целенаправленная, скоординированная и постоянная деятельность по введению агрессивного и нетерпимого исламистского этоса в светских школах. (Вместе с тем поддержки террористической активности или террористической идеологии в этих школах эксперты не обнаружили.)

* * *

В вопросе интеграции мусульман для британского общества критически важно не допускать перерастания фундаментализма в нетерпимость ко всем инакомыслящим. Со стороны государства на политической арене, духовных и светских площадках нужна твердая позиция неприемлемости и наказуемости гендерной дискриминации, религиозной и расовой нетерпимости. Социальная политика во благо женщин и детей не должна приводить к консервации трудоспособных мужчин в экономически неактивном состоянии. Тех, кто выносит на демонстрации джихадистские слоганы, поддерживает терроризм и пропагандирует нетерпимость, тем более нецелесообразно поощрять материальными благами.

В связи с идеологическим значением ближневосточных конфликтов (особенно израильско-палестинского противостояния) для большинства мусульман страны, британская внешнеполитическая традиция нуждается в пересмотре. Иначе «светским» мусульманам — агентам интеграции, готовым непредвзято отнестись к основам европейской цивилизации и признающим необходимость аккультурации, сложно будет отказать от восприятия взаимоотношений ислама и Запада в категориях борьбы, противостояния и реванша.

В результате появления исламской компоненты в общеобразовательном процессе можно надеяться на преодоление британцами предрассудков, вызванных исламофо-

бией. Однако параллельно происходит отход государственных школ с преобладанием детей-мусульман от светского регламента и светских критериев эффективности обучения. Выбор за детей в традиционных семьях делают родители, не одобряющие ценностей того большинства, в которое государство заинтересовано интегрировать если не их самих, то хотя бы их потомков. Доверием родителей и учеников могут злоупотреблять и экстремисты, а любая критика индоктринации и сегрегации детей в светских школах теперь может быть интерпретирована как проявление исламофобии, хотя отказ от изучения истории и литературы страны в государственной школе с трудом можно объяснить чем-либо, кроме политической идеологии под маской религии.

Политика интеграции, проводимая Великобританией, допускает отступления от либерально-демократических основ общественно-политического устройства. Это означает растущий потенциал недовольства остальных групп населения, не получивших прав на привилегии. Усугубляются последствия нормативного плюрализма: гендерная сегрегация и дискриминация; шариатское судопроизводство, осуществляемое за закрытыми дверями 85 судов; интеграция религиозных правовых норм о наследовании в светское законодательство.

Сильными сторонами проводимой стратегии являются признание высокого статуса ислама в британском государстве, включение большого числа мусульман в общенациональный процесс коллективного принятия решений на всех уровнях, открытость элиты и доступность социальных лифтов.

Амбивалентный характер имеет проявленная готовность государства и общества быстро адаптироваться к требованиям мусульман. В десятилетний срок состоялась легитимация новых для страны, но не затрагивающих права человека практик и институтов (отсутствие барьеров для женщин в любой одежде, обеспечение всех торговых и ресторанных сетей специальным питанием, допущение полигамии как культурной нормы, исламские банкинг, страхование, кредитование и налогообложение). Здесь все зависит от интерпретации: большинство мусульман расценивает это как достаточный комплекс позитивных действий по интеграции, а радикальные проповедники — как начальный этап воплощения своих тоталитарных воззрений на будущее немусульманских стран. Пассивность государства способствует новой форме дискриминации внутри мусульманского сообщества в отношении тех, кто не согласен с определенной трактовкой установлений религии (например, мужчин, вступающих в ряды британских ВС; студенток, не желающих сидеть отдельно от студентов в аудитории; женщин, появляющихся на публике без платков).

Примечания:

1. Changes in the Older Resident Care Home Population between 2001 and 2011 // Office for national statistics. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/2011/index.html> (date of access 12.10.2015)
2. Muslim population 'rising 10 times faster than rest of society' // The Times. 30.01.2009. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/uk/article1937685.ece> (date of access 12.10.2015)

3. The Equalities Commission report "How Fair is Britain? — Access mode: http://www.equalityhumanrights.com/sites/default/files/documents/triennial_review/how_fair_is_britain_ch11.pdf (date of access 12.10.2015); Britain's coping classes at breaking point. 14.09.2011. — Access mode: <http://www.webcitation.org/query?url=http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/8054403/Britains-coping-classes-at-breaking-point.html&date=2011-09-14> (date of access 12.10.2015)
4. Worklessness by gender and country of birth // Londonspovertyprofile.org. October, 2013. URL: <http://www.londonspovertyprofile.org.uk/indicators/topics/work-and-worklessness/worklessness-by-gender-and-country-of-birth/> (date of access 12.10.2015)
5. Kern S. Britain: Muslim Prison Population Up 200% // Gatestoneinstitute. 02.08.2013. URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/3913/uk-muslim-prison-population> (date of access 12.10.2015)
6. Home Office Action Plan «Borders, Immigration and Identity» December 2006. — Access mode: <http://www.ind.homeoffice.gov.uk> (date of access 27.09.2014)
7. Энтони Б. Британский опыт (доклад на круглом столе «Мусульмане в ЕС и России») // «Вестник Европы». М., 2008. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2008/22/mu7.html> (дата обращения: 26.2.2009)
8. Данные с Интернет-портала этой организации. — The National Association of Muslim Police. — Access mode: <https://www.nampuk.org> (date of access 27.09.2014)
9. British Muslim soldiers // Militarymigrants.org. 25.03.2013. URL: <http://militarymigrants.org/2013/03/british-muslim-soldiers/> (date of access 12.10.2015)
10. Там же.
11. Hasan M. Rejoice! The number of Muslim MPs has doubled. 07.05.2010. — Access mode: <http://www.newstatesman.com/blogs/mehdi-hasan/2010/05/muslim-majority-labour-england> (date of access 12.10.2015)
12. List of British Muslims. — Access mode: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_British_Muslims#Mayors (date of access 12.10.2015); UK Muslim Peer Quits Labour Party // Presstv.com. 14.09.2014. URL: <http://presstv.com/detail/2013/05/16/303893/uk-muslim-peer-quits-labour-party/> (date of access 12.10.2015)
13. Buaras E. Exclusive: 900 Muslim candidates stand in local elections. // The Muslimnews. 30.05.2014. URL: <http://www.muslimnews.co.uk/newspaper/home-news/exclusive-900-muslim-candidates-stand-local-elections/> (date of access 12.10.2015)
14. Buaras E. 277 Muslim councillors elected // The Muslimnews. 27.06.2014. URL: <http://www.muslimnews.co.uk/newspaper/home-news/277-muslim-councillors-elected/> (date of access 12.10.2015)
15. Death threats to UK's top Muslim MP who voted for gay marriage // Daily Mail. 16.02.2013. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2279703/Death-threats-UKs-Muslim-MP-voted-gay-marriage.html> (date of access 12.10.2015)
16. Habib M. UK: «The Islamic Republic of Tower Hamlets». 20.05.2014 // Gatestoneinstitute. 01.08.2012. URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/4320/tower-hamlets-lutfur-rahman> (date of access 12.10.2015)
17. UK Mosques. 2014. — Access mode: <http://mosques.muslimsinbritain.org/> (date of access 12.10.2015)
18. Labour thinktank names immigrants drain taxpayer // Daily Mail URL: <http://www>.

- dailymail.co.uk/news/article-484927/Labour-thinktank-names-immigrants-drain-taxpayer.html (date of access 12.10.2015)
19. Hale B. Pictured: Inside the luxury £1.2m council house... complete with 50-inch plasma TV / Dailymail. 13.10.2008 // Daily Mail. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1076885/Pictured-Inside-luxury-1-2m-council-house--complete-50-inch-plasma-TV.html#ixzz3DMsWy7c6> (date of access 12.10.2015)
Follow us: @MailOnline on Twitter | DailyMail on Facebook <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1076885/Pictured-Inside-luxury-1-2m-council-house--complete-50-inch-plasma-TV.html>
 20. Avoid Calais if you can, lorry drivers are told after confrontations with knife-wielding immigrants who are trying to get to Britain // Daily Mail. 31.08.2014. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2739392/Avoid-Calais-lorry-drivers-told-confrontations-knife-wielding-immigrants-trying-to-Britain.html> (date of access 12.10.2015)
 21. Kern S. Britain: «Rape Jihad» Against Children. 11.07.2013. — Access mode: <http://www.gatestoneinstitute.org/3846/britain-child-grooming> (date of access 12.10.2015)
 22. Labour accused of turning blind eye to abuse: Three senior figures say 'politically correct brigade' ignored warnings for fear of inflaming community tensions // Daily Mail. 01.09.2014. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2739367/Labour-accused-turning-blind-eye-abuse-Three-senior-figures-say-politically-correct-brigade-ignored-warnings-fear-inflaming-community-tensions.html#ixzz3DMqMD4jL> (date of access 12.10.2015)
Follow us: @MailOnline on Twitter | DailyMail on Facebook <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2739367/Labour-accused-turning-blind-eye-abuse-Three-senior-figures-say-politically-correct-brigade-ignored-warnings-fear-inflaming-community-tensions.html>
 23. Issues and Relevance of Islamic finance in Britain [Electronic resource] // Institute of Islamic banking and insurance. URL: http://www.islamic-banking.com/iarticle_3.aspx. (date of access 12.10.2015); Britain to continue Islamic finance initiative // Arab News.com. 03.05.2010. URL: <http://www.arabnews.com/node/344033> (date of access 12.10.2015)
 24. Britain's Islamic finance sector bigger than Pakistan's, report claims // The Times. 09.02.2009. URL: <http://www.telegraph.co.uk/finance/newsbysector/banksandfinance/4569263/Britains-Islamic-finance-sector-bigger-than-Pakistans-report-claims.html> (date of access 12.10.2015)
 25. Slack J. Muslim husbands with more than one wife to get extra benefits as ministers recognise polygamy // Daily Mail. 04.02.2008. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-512043/Muslim-husbands-wife-extra-benefits-ministers-recognise-polygamy.html#ixzz12FXfcTu9> 04 February 2008 (date of access 12.10.2015)
 26. Benefit entitlement for people in polygamous marriages Submission to DWP Secretary of State — 9 November 2006. — Access mode: <http://www.dwp.gov.uk/docs/submission-to-sos-091106.pdf> (date of access 12.10.2015)
 27. 1,000 men living legally with multiple wives despite fears over exploitation // The Times. May 28.05.2007. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/life/families/article1757524.ece> (date of access 12.10.2015)
 28. Polygamous marriages and the benefit system Submission to DWP Minister. — UK Government Department for work and pensions. 13.12.2006. — Access mode: <http://www.dwp.gov.uk/docs/submission-to-dwp-minister-131206.pdf> (date of access

- 12.10.2015); Polygamous marriages and the benefit system. Submission to DWP Minister // Department for work and pensions. 13.12.2007. URL: <http://www.dwp.gov.uk/docs/submission-to-dwp-minister-131107.pdf> (date of access 12.10.2015).
29. Hennesy P. Ministers ban extra benefits for multiple wives // Telegraph. 21.01.2012. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/9029807/Ministers-ban-extra-benefits-for-multiple-wives.html> (date of access 12.10.2015)
30. Kern S. Britain: Muslim Polygamists to Get More Welfare Benefits // Gatestoneinstitute. 01.08.2012. URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/3234/muslim-polygamists-welfare-benefits> (date of access 12.10.2015)
31. Employment equality (religion or belief) regulations, 2003 // Legislation. URL: [:http://www.legislation.gov.uk/uksi/2003/1660/contents/made](http://www.legislation.gov.uk/uksi/2003/1660/contents/made) (дата обращения: 06.11.2008)
32. Religion or belief discrimination // Directgovernment. 2008. URL: <http://www.nidirect.gov.uk/religion-or-belief-discrimination> (date of access 12.10.2015)
33. Big brand shops and restaurants face being forced to label halal food as row grows over ritually slaughtered meat on sale in UK // Daily Mail. 07.05.2014. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2622830/Millions-eating-halal-food-without-knowing-How-big-brand-shops-restaurants-sell-ritually-slaughtered-meat-dont-label-it.html#ixzz3CiLUEipg> (date of access 12.10.2015)
34. Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М.: ИГП РАН, 1997. — 57 с.
35. Там же.
36. Козлихин И.Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. М., 2000. № 3. С. 5–11.
37. MacEoin Denis, Green David G. Sharia Law or One Law For All. Civitas: Institute for the Study of Civil Society. L., 2009. — Access mode: www.civitas.org.uk/pdf/ShariaLawOrOneLawForAll.pdf (date of access 12.10.2015); Secrets of Britain's Sharia Councils // BBC. 26.04.2013. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b01rxftj> (date of access 12.10.2015)
38. Secrets of Britain's Sharia Councils // BBC. 26.04.2013. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b01rxftj> (date of access 12.10.2015); Kern S. Britain's Sharia Courts: «You Cannot Go Against What Islam Says»// Gatestoneinstitute. 23.04.2013. URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/3682/uk-sharia-courts> (date of access 12.10.2015)
39. MacEoin Denis, Green David G. Sharia Law or One Law For All. Civitas: Institute for the Study of Civil Society. L., 2009. — Access mode: www.civitas.org.uk/pdf/ShariaLawOrOneLawForAll.pdf (date of access 12.10.2015)
40. Интернет-страница специально созданного Департамента британского правительства по борьбе с принуждением к браку. [Электронный ресурс]. — Режим доступа <https://www.gov.uk/forced-marriage> (дата обращения: 06.11.2008)
41. Hargey T. The Oxford sex ring and the preachers who teach young Muslim men that white girls are cheap // Daily Mail. 15.05.2013. URL: <http://www.dailymail.co.uk/debate/article-2325185/The-Oxford-sex-ring-preachers-teach-young-Muslim-men-white-girls-cheap.html#ixzz3DMz0l8DQ> (date of access 12.10.2015)
42. Bingham J. Islamic law is adopted by British legal chiefs // Telegraph. 22.03.2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/religion/10716844/Islamic-law-is-adopted-by-British-legal-chiefs.html> (date of access 12.10.2015)

43. Chládková L. Alleged Islamisation of schools in Britain, 2014 // Facing Txtremism. 17.08.2014. URL: <http://www.facingextremism.eu/alleged-islamisation-schools-britain/> (date of access 12.10.2015)

Список литературы:

Козлихин И.Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. М., 2000. № 3. С. 5–11.
Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М.: ИГП РАН, 1997. 57 с.

Энтони Б. Британский опыт (доклад на круглом столе «Мусульмане в ЕС и России») // «Вестник Европы». М., 2008. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2008/22/mu7.html> (дата обращения: 26.02.2009).

1,000 men living legally with multiple wives despite fears over exploitation // The Times. May 28.05.2007. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/life/families/article1757524.ece> (date of access 12.10.2015)

Avoid Calais if you can, lorry drivers are told after confrontations with knife-wielding immigrants who are trying to get to Britain // Daily Mail. 31.08.2014. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2739392/Avoid-Calais-lorry-drivers-told-confrontations-knife-wielding-immigrants-trying-to-Britain.html> (date of access 12.10.2015)

Benefit entitlement for people in polygamous marriages Submission to DWP Secretary of State — 9 November 2006. — Access mode: <http://www.dwp.gov.uk/docs/submission-to-sos-091106.pdf> (date of access 12.10.2015)

Big brand shops and restaurants face being forced to label halal food as row grows over ritually slaughtered meat on sale in UK // Daily Mail. 07.05.2014. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2622830/Millions-eating-halal-food-without-knowing-How-big-brand-shops-restaurants-sell-ritually-slaughtered-meat-dont-label-it.html#ixzz3CiLUEipg> (date of access 12.10.2015)

Bingham J. Islamic law is adopted by British legal chiefs // Telegraph. 22.03.2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/religion/10716844/Islamic-law-is-adopted-by-British-legal-chiefs.html> (date of access 12.10.2015)

Britain to continue Islamic finance initiative // Arab News.com. 03.05.2010. URL: <http://www.arabnews.com/node/344033> (date of access 12.10.2015)

Britain's coping classes at breaking point. 14.09.2011. — Access mode: <http://www.webcitation.org/query?url=http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/8054403/Britains-coping-classes-at-breaking-point.html&date=2011-09-14> (date of access 12.10.2015)

Britain's Islamic finance sector bigger than Pakistan's, report claims // The Times. 09.02.2009. URL: <http://www.telegraph.co.uk/finance/newsbysector/banksandfinance/4569263/Britains-Islamic-finance-sector-bigger-than-Pakistans-report-claims.html> (date of access 12.10.2015)

British Muslim soldiers // Militarymigrants.org. 25.03.2013. URL: <http://militarymigrants.org/2013/03/british-muslim-soldiers/> (date of access 12.10.2015)

Buaras E. 277 Muslim councillors elected // The Muslimnews. 27.06.2014. URL: <http://www.muslimnews.co.uk/newspaper/home-news/277-muslim-councillors-elected/> (date of access 12.10.2015)

Buaras E. Exclusive: 900 Muslim candidates stand in local elections. // The Muslimnews. 30.05.2014. URL: <http://www.muslimnews.co.uk/newspaper/home-news/exclusive-900-muslim-candidates-stand-local-elections/> (date of access 12.10.2015)

- Changes in the Older Resident Care Home Population between 2001 and 2011 // Office for national statistics. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/2011/index.html> (date of access 12.10.2015)
- Chládková L. Alleged Islamisation of schools in Britain, 2014 // Facing Xtremism. 17.08.2014. URL: <http://www.facingextremism.eu/alleged-islamisation-schools-britain/> (date of access 12.10.2015)
- Death threats to UK's top Muslim MP who voted for gay marriage // Daily Mail. 16.02.2013. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2279703/Death-threats-UKs-Muslim-MP-voted-gay-marriage.html> (date of access 12.10.2015)
- Habib M. UK: «The Islamic Republic of Tower Hamlets». 20.05.2014 // Gatestoneinstitute. 01.08.2012. URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/4320/tower-hamlets-lutfur-rahman> (date of access 12.10.2015)
- Hale B. Pictured: Inside the luxury £1.2m council house... complete with 50-inch plasma TV // Dailymail. 13.10.2008 // Daily Mail. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1076885/Pictured-Inside-luxury-1-2m-council-house--complete-50-inch-plasma-TV.html#ixzz3DMsWy7c6> (date of access 12.10.2015)
- Hargey T. The Oxford sex ring and the preachers who teach young Muslim men that white girls are cheap // Daily Mail. 15.05.2013. URL: <http://www.dailymail.co.uk/debate/article-2325185/The-Oxford-sex-ring-preachers-teach-young-Muslim-men-white-girls-cheap.html#ixzz3DMz0l8DQ> (date of access 12.10.2015)
- Hasan M. Rejoice! The number of Muslim MPs has doubled. 07.05.2010. — Access mode: <http://www.newstatesman.com/blogs/mehdi-hasan/2010/05/muslim-majority-labour-england> (date of access 12.10.2015)
- Hennesy P. Ministers ban extra benefits for multiple wives // Telegraph. 21.01.2012. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/9029807/Ministers-ban-extra-benefits-for-multiple-wives.html> (date of access 12.10.2015)
- Home Office Action Plan «Borders, Immigration and Identity» December 2006. — Access mode: <http://www.ind.homeoffice.gov.uk> (date of access 27.09.2014)
- Issues and Relevance of Islamic finance in Britain [Electronic resource] // Institute of Islamic banking and insurance. URL: http://www.islamic-banking.com/iarticle_3.aspx. (date of access 12.10.2015)
- Kern S. Britain: “Rape Jihad” Against Children. 11.07.2013. — Access mode: <http://www.gatestoneinstitute.org/3846/britain-child-grooming> (date of access 12.10.2015)
- Kern S. Britain: Muslim Polygamists to Get More Welfare Benefits // Gatestoneinstitute. 01.08.2012. URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/3234/muslim-polygamists-welfare-benefits> (date of access 12.10.2015)
- Kern S. Britain: Muslim Prison Population Up 200% // Gatestoneinstitute. 02.08.2013. URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/3913/uk-muslim-prison-population> (date of access 12.10.2015)
- Kern S. Britain's Sharia Courts: “You Cannot Go Against What Islam Says” // Gatestoneinstitute. 23.04.2013. URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/3682/uk-sharia-courts> (date of access 12.10.2015)
- Labour accused of turning blind eye to abuse: Three senior figures say ‘politically correct brigade’ ignored warnings for fear of inflaming community tensions // Daily Mail. 01.09.2014. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2739367/Labour-accused-turning-blind-eye-abuse-Three->

- senior-figures-say-politically-correct-brigade-ignored-warnings-fear-inflaming-community-tensions.html#ixzz3DMqMD4jL (date of access 12.10.2015)
- Labour thinktank names immigrants drain taxpayer // Daily Mail URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-484927/Labour-thinktank-names-immigrants-drain-taxpayer.html> (date of access 12.10.2015)
- List of British Muslims. — Access mode: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_British_Muslims#Mayors (date of access 12.10.2015)
- MacEoin Denis, Green David G. Sharia Law or One Law For All. Civitas: Institute for the Study of Civil Society. L., 2009. — Access mode: www.civitas.org.uk/pdf/ShariaLawOrOneLawForAll.pdf (date of access 12.10.2015)
- Muslim population 'rising 10 times faster than rest of society // The Times. 30.01.2009. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/uk/article1937685.ece> (date of access 12.10.2015)
- Polygamous marriages and the benefit system Submission to DWP Minister. — UK Government Department for work and pensions. 13.12.2006. — Access mode: <http://www.dwp.gov.uk/docs/submission-to-dwp-minister-131206.pdf> (date of access 12.10.2015)
- Polygamous marriages and the benefit system. Submission to DWP Minister // Department for work and pensions. 13.12.2007. URL: <http://www.dwp.gov.uk/docs/submission-to-dwp-minister-131107.pdf> (date of access 12.10.2015)
- Religion or belief discrimination // Directgovernment. 2008. URL: <http://www.nidirect.gov.uk/religion-or-belief-discrimination> (date of access 12.10.2015)
- Secrets of Britain's Sharia Councils // BBC. 26.04.2013. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b01rxftj> (date of access 12.10.2015)
- Slack J. Muslim husbands with more than one wife to get extra benefits as ministers recognise polygamy // Daily Mail. 04.02.2008. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-512043/Muslim-husbands-wife-extra-benefits-ministers-recognise-polygamy.html#ixzz12FXfcTu9> 04 February 2008 (date of access 12.10.2015)
- The Employment equality (religion or belief) regulations, 2003 // Legislation. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2003/1660/contents/made> (date of access 12.10.2015)
- The Equalities Commission report "How Fair is Britain? — Access mode: http://www.equalityhumanrights.com/sites/default/files/documents/triennial_review/how_fair_is_britain_ch11.pdf (date of access 12.10.2015)
- The National Association of Muslim Police. — Access mode: <https://www.nampuk.org> (date of access 27.09.2014)
- UK Mosques. 2014. — Access mode: <http://mosques.muslimsinbritain.org/> (date of access 12.10.2015)
- UK Muslim Peer Quits Labour Party // Presstv.com. 14.09.2014. URL: <http://presstv.com/detail/2013/05/16/303893/uk-muslim-peer-quits-labour-party/> (date of access 12.10.2015)
- Worklessness by gender and country of birth // Londonspovertyprofile.org. October, 2013. URL: <http://www.londonspovertyprofile.org.uk/indicators/topics/work-and-worklessness/worklessness-by-gender-and-country-of-birth/> (date of access 12.10.2015)

УДК 338; 327; 339

Владимир КОНДРАТЬЕВ

Мировая экономика в условиях дешевой нефти

Аннотация. Хотя такие товары как нефть всегда подвержены циклическим колебаниям, падение нефтяных цен в 2014–2015 гг. вызвало большое число спекуляций о том, что это может означать в долгосрочном плане. Данная статья пытается ответить на этот вопрос на основе анализа нескольких тенденций в спросе и предложении нефтяных ресурсов в глобальном контексте, а также проследить влияние падения нефтяных цен на производителей, потребителей, инвесторов и глобальный экономический рост в целом.

Ключевые слова: нефтяные цены, экономический рост, производители нефти, потребители нефти, инвесторы.

В июле 2014 г. нефть марки Brent находилась на комфортном уровне более 100 долл. за баррель, и казалось, что так будет и дальше. Нефть марки WTI также была вблизи этого уровня. Однако с августа высокие и стабильные цены начали стремительно падать и к декабрю 2014 г. снизились уже до 70 долл. за баррель, т.е. на треть по сравнению с серединой года. В январе 2015 г. цены снизились до 50 долл. за баррель. В среднем в январе-феврале цена марки Brent составила 54 долл.[1]. Российский бюджет на 2015 г. сверстан исходя из средней цены в 50 долл. за бочонок нефти.

Что же произошло? Как и в случаях с другими сырьевыми товарами, большое предложение в сочетании со слабым спросом определило зарождение понижательной тенденции, а ряд новых возникших факторов подтолкнул нефтяные цены к краю обрыва, с которого они неожиданно ринулись вниз.

До этого обвала цены оставались на высоком уровне с 2011 г., несмотря на заметный рост добычи нефти в США (благодаря сланцевому буму). Прирост добычи в США за период 2011–2013 гг. на 2 млн баррелей в день (далее: б/день) был уравновешен ее сокращением в Иране и Ливии — из-за санкций и политических неурядиц. Кроме того, мелкие конфликты произошли в Судане, Сирии, Йемене и Нигерии. Предложение нефти на глобальном рынке в 2012–2013 гг. в среднем превышало 1 млн б/день.

Когда-то все это должно было закончиться. В 2014 г. добыча в США продолжала расти высокими темпами: к сентябрю в стране добывалось нефти 8,9 млн б/день — на 1 млн б/день больше, чем в январе. Кроме того, несколько возросла добыча в Ливии.

Сведения об авторе: КОНДРАТЬЕВ Владимир Борисович — профессор, доктор экономических наук, руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН; v.b.kondr@imemo.ru.

Одновременно начал ослабевать глобальный спрос — вследствие снижения темпов экономического роста стран ОЭСР, а также развивающихся экономик, ранее предъявлявших гигантский спрос на нефть. Потребление нефти опустилось ниже 1 млн б/день.

Хотя сырьевые товары, такие как нефть, периодически испытывают циклические колебания, стремительное падение цен в последние месяцы заставляет задаться вопросом, что оно означает для мировой экономики в долгосрочной перспективе.

Страны-благоприобретатели

Какие страны оказываются в выигрыше от низких нефтяных цен? На первый взгляд, ответ предельно ясен — страны, наиболее зависимые от импорта нефти. Но если посмотреть глубже, все становится менее очевидным. Окажутся ли меры Европейского Центрального банка и Банка Японии по борьбе с дефляцией тщетными в условиях резкого падения цен на нефть? Смогут ли более низкие нефтяные цены уменьшить государственные аппетиты в отношении искажающих бюджет нефтяных субсидий? И что случится с политически ангажированной проблемой «энергетической безопасности» США, если американский сланцевый бум будет сведен на нет дешевой нефтью?

С точки зрения широких экономических последствий низкие цены оказывают, безусловно, позитивное влияние на глобальную экономику. По расчетам Международного валютного фонда, снижение нефтяных цен на 10% приводит к росту мирового ВВП на 0,2% (с учетом того, что главные экспортеры нефти обычно накапливают дополнительные нефтяные доходы). Поскольку нынешние цены на нефть на 40% ниже уровня середины прошлого года, дополнительный рост мирового ВВП в 2015 г. по паритету покупательной способности должен составить 0,8% (или 670 млрд долл.).

Разумеется, у этого тренда есть и страновые бенефициары. Это прежде всего Южная Африка, Индонезия, Индия и Турция. Все четыре являются крупными импортерами нефти, имеют отрицательный платежный баланс, их национальная валюта весь 2014 г. падала по отношению к доллару (табл. 1).

Таблица 1

Важные экономические показатели четырех стран-бенефициаров

Страна	Платежный баланс, % к ВВП	Импорт нефти, % от общего объема импорта	Индекс обменных курсов национальных валют к доллару, январь 2013 г.	Индекс обменных курсов национальных валют к доллару, январь 2014 г.
Индия	-2,6	35,0	100	115
Индонезия	-3,4	24,0	100	125
Южная Африка	-5,8	4,6	100	124
Турция	-7,9	14,2	100	125

Неизбежное снижение издержек нефтяного импорта и вытекающее из этого улучшение условий торговли даст необходимый толчок уязвимым национальным валютам этих стран. В наибольшем выигрыше окажутся Индия и Индонезия, которые всерьез взялись за снижение обременительных нефтяных субсидий. Выиграют также Непал, Шри Ланка, Бангладеш, и Пакистан. Вообще, Азия как энергодефицитный континент и крупнейший нетто-импортер нефти в наибольшей степени подвержена влиянию нефтяных цен (табл. 2).

Таблица 2

Баланс производства и потребления нефти по регионам в 2013 г., млн барр./день

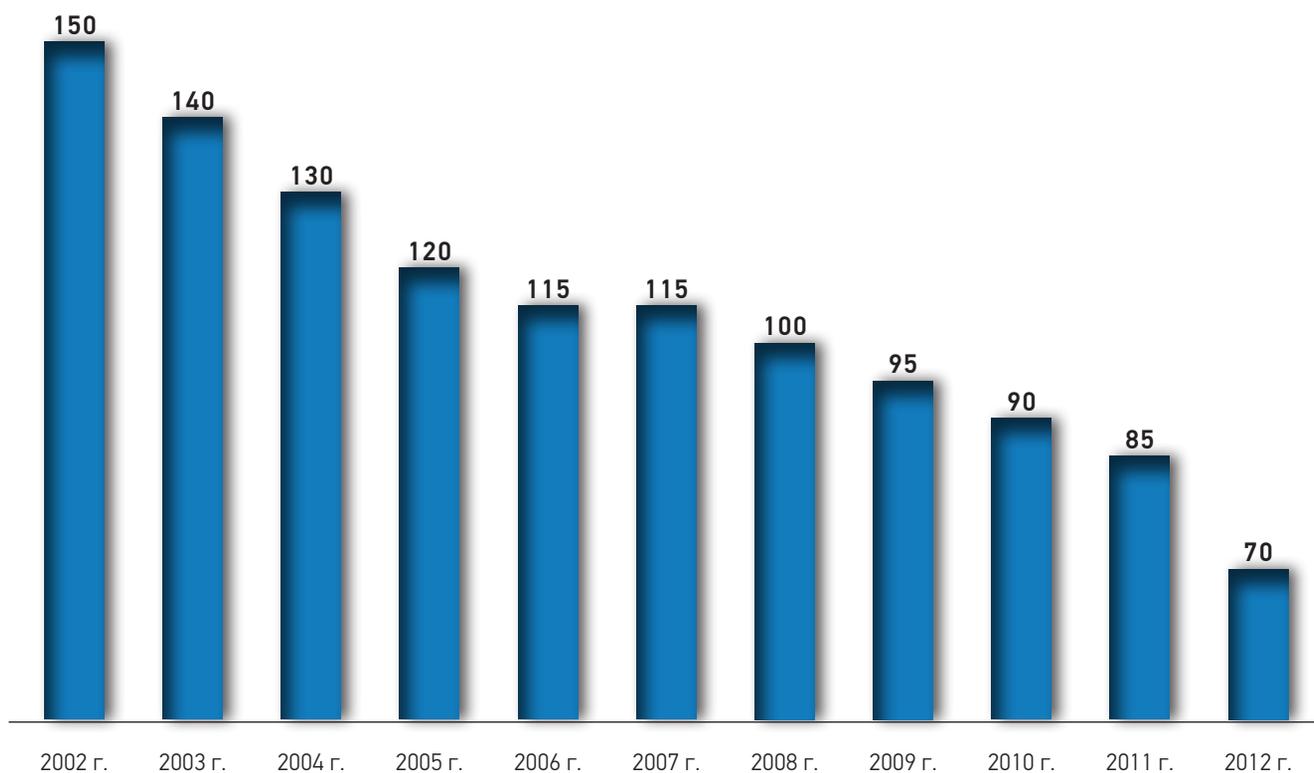
	Добыча	Потребление	Баланс
Ближний Восток	28,4	8,5	19,9
Африка	8,8	3,6	5,2
Латинская Америка	7,3	6,8	0,5
Европа	17,2	18,6	-1,4
Северная Америка	16,8	23,2	-6,4
Азия	8,2	30,5	-22,3

Рассчитано по BP Statistical Review of World Energy.

Как относится к снижению цен на нефть Япония — вопрос особый. Премьер-министр Синдзо Абэ может радоваться появившейся возможности нарастить инвестиции, а Банк Японии, уже запустивший большую противоречивую программу количественного смягчения для борьбы с дефляцией, скорей всего, будет не очень доволен. Аналогичным образом и китайское руководство может двойственно относиться к снижению нефтяных цен. С одной стороны, более низкие нефтяные издержки могут способствовать долгосрочным планам стимулирования потребления и переориентации экономики страны с инвестиций на экспорт. С другой стороны, Китай — четвертая страна в мире по добыче нефти, и снижение нефтяных цен может лишить правительство существенной доли дохода. Если цены продолжат падение, Народный банк Китая может начать испытывать дефляционное беспокойство, аналогичное японскому: инфляция в Китае в настоящее время достигла пятилетнего минимума, составляя только 1,6% в год.

Смешанные чувства испытывает и Европейский союз, где инфляция находится на уровне 0,4%. Хотя влияние ценового фактора будет смягчаться слабым евро, более низкие нефтяные цены могут стимулировать рост спроса в Западной Европе, где добыча нефти с 2002 г. снизилась на 50% (в результате сокращения добычи в Северном море).

В результате импорт в настоящее время составляет 85% всего потребления нефти в этом регионе. Анализируя дефляционное влияние низких нефтяных цен, инвестиционный банк UBS подсчитал, что при условии сохранения низких цен на нефть инфляция в еврозоне снизится на 0,6%.

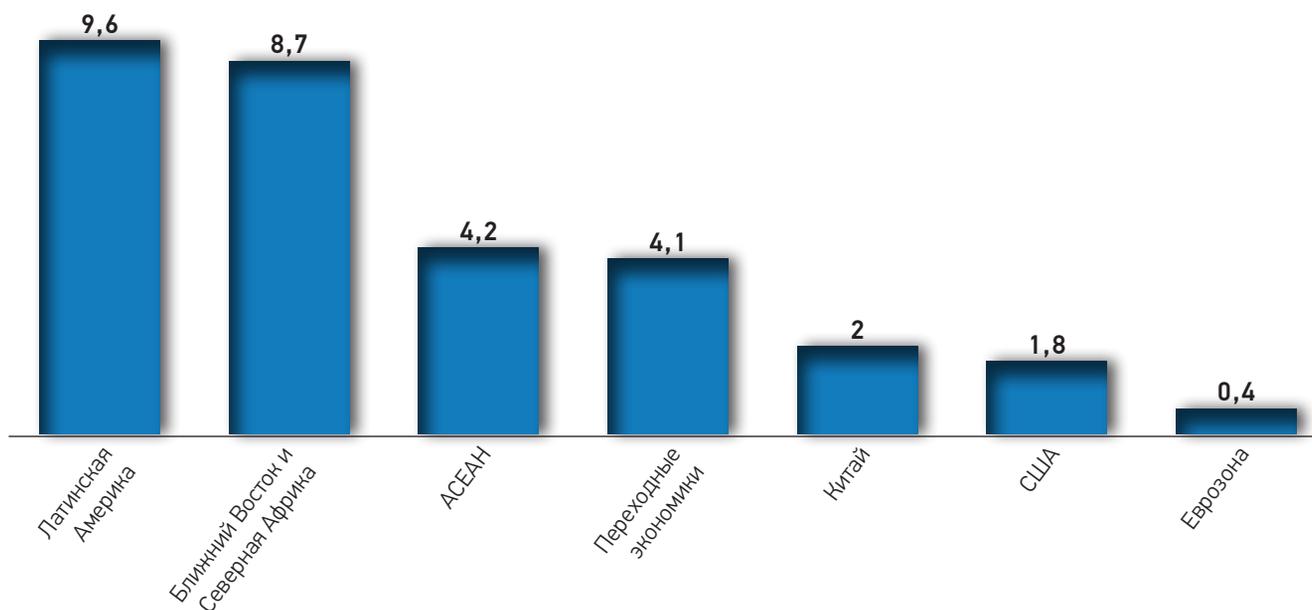
Источник: The Economist Intelligence Unit.

Рис. 1. Добыча нефти в Европейском союзе, тыс. килотонн нефтяного эквивалента

Напротив, в Латинской Америке инфляция является наибольшей угрозой экономике. В Бразилии рост потребительских цен постоянно превышает установленный Центральным банком страны ориентир в 4,5%. В Аргентине инфляция в 2014 г. составила 38%. В Венесуэле инфляция грозит в 2015 г. оказаться трехзначной.

В Венесуэле низкие нефтяные цены могут никак не сказаться на экономике страны, поскольку издержки добычи углеводородов одни из самых низких в мире — на уровне 5 центов за галлон. А вот экономике Бразилии и Аргентины, где импорт топлива достигает 16% от всего импорта, низкие цены на нефть могут принести некоторое облегчение. В случае с Аргентиной благоприятное воздействие частично нивелируется снижением цен на продовольствие — основную статью экспорта страны. Тем не менее, угроза стагфляции для крупнейших экономик Латинской Америки (за исключением Мексики — наиболее успешной страны этого региона) со снижением нефтяных цен будет несколько отодвинута (рис. 2).

А что же главный виновник обвала нефтяных цен — США? Хотя зависимость страны от импортной нефти с 2008 г. упала на 50%, снижение нефтяных цен дает некоторый дополнительный толчок экономике, прежде всего потребительским расходам, составляющим 70% ВВП. Поскольку налог на бензин в США исключительно низок, автомобилисты заметят эффект от снижения цен на нефть скорее, чем их европейские коллеги. Если цены в 2015 г. останутся на сегодняшнем уровне, автомобилисты в США потратят на бензин на 100 млрд долл. меньше по сравнению с 2013 г. — неплохой стимул для набирающей скорость экономики страны.

Источник: The Economist Intelligence Unit.

Рис. 2. Уровень инфляции по регионам в 2014 г., %

Кроме очевидных макроэкономических эффектов, стабильно низкие нефтяные цены благоприятствуют платежным балансам несырьевых экспортеров. Согласно расчетам МВФ, ценовые субсидии на ископаемое топливо (при доминировании в нем нефти) обходятся странам в чудовищную сумму 1,9 трлн долл. (2011 г.). С падением нефтяных цен страны не только выиграют от краткосрочного снижения соответствующих расходов, но могут получить и долгосрочный результат, если сумеют эффективно употребить высвобождающиеся суммы на цели устойчивого экономического развития (табл. 3).

Таблица 3

Субсидии на нефть и топливные продукты в 2013 г.*

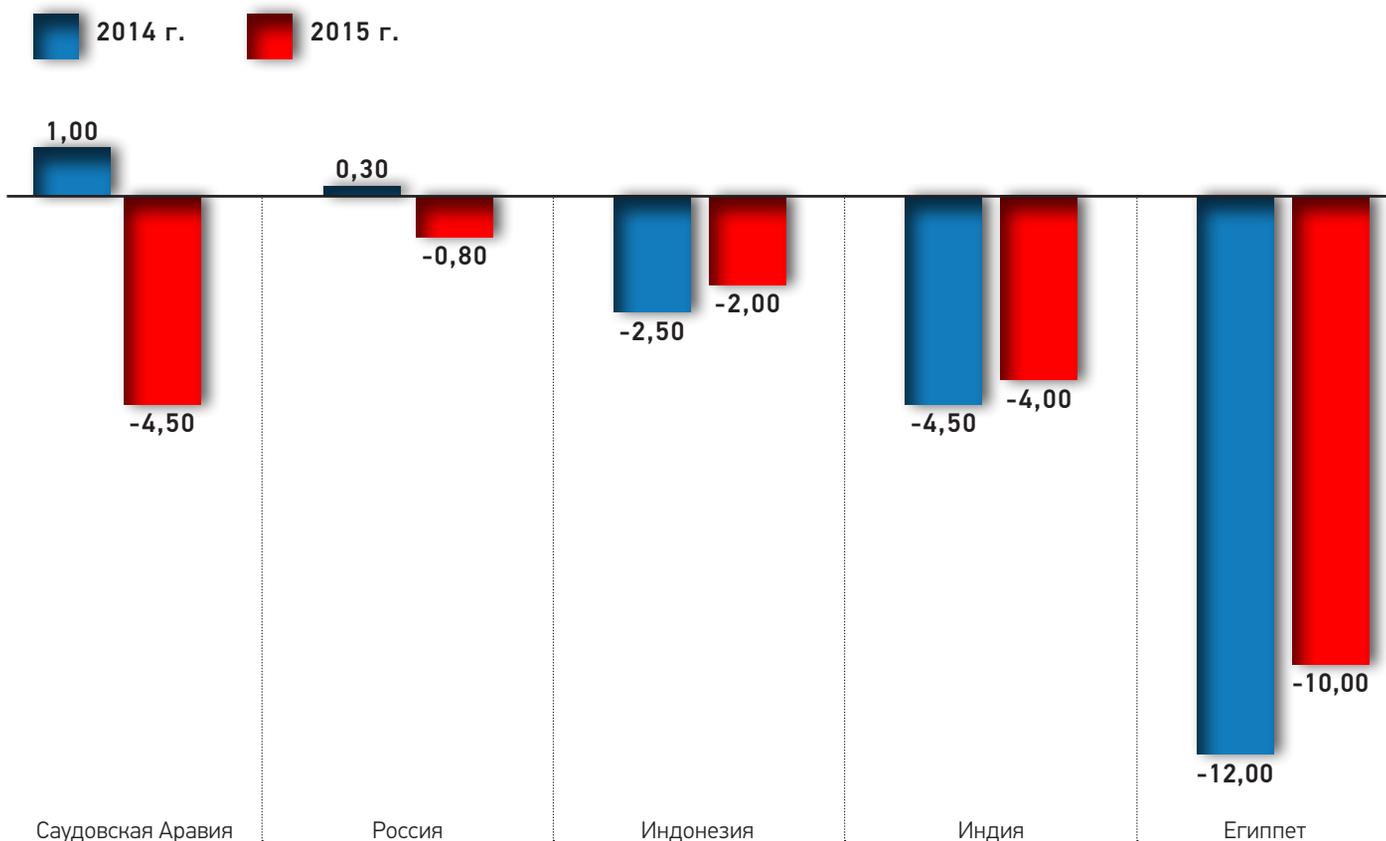
Страны	В % к ВВП	Млрд долл.
Египет	11,0	20,9
Индонезия	3,3	21,3
Бангладеш	3,2	0,6
Аргентина	2,7	1,3
Индия	2,5	36,6
Малайзия	1,7	4,9
Китай	0,2	11,8

*Включая уголь, электроэнергию и газ.

Рассчитано по International Energy Agency.

Еще до последнего резкого снижения нефтяных цен многие страны приступили к реформированию режима субсидий, обычно заменяя их на целевые денежные выплаты нуждающимся семьям, как уже давно советует делать Мировой банк. Например, Египет (который в 2010 г. превратился в чистого импортера нефти) в июле 2014 г. сократил размер энергетических субсидий на 4,4 млрд египетских фунтов (6,2 млрд долл.) — до 100,3 млрд египетских фунтов — и планирует в течение пяти лет полностью их ликвидировать. Тунис и Марокко, чистые нефтеимпортеры, в начале 2014 г. начали движение в аналогичном направлении (в Марокко полностью отказались от субсидий уже к январю 2015 г.).

В результате снижения нефтяных цен платежный баланс таких нефтеимпортеров, как Индия, Индонезия и Египет, улучшился. В этих странах дефицит сократился, а в странах-экспортерах нефти, наоборот, вырос (рис. 3).

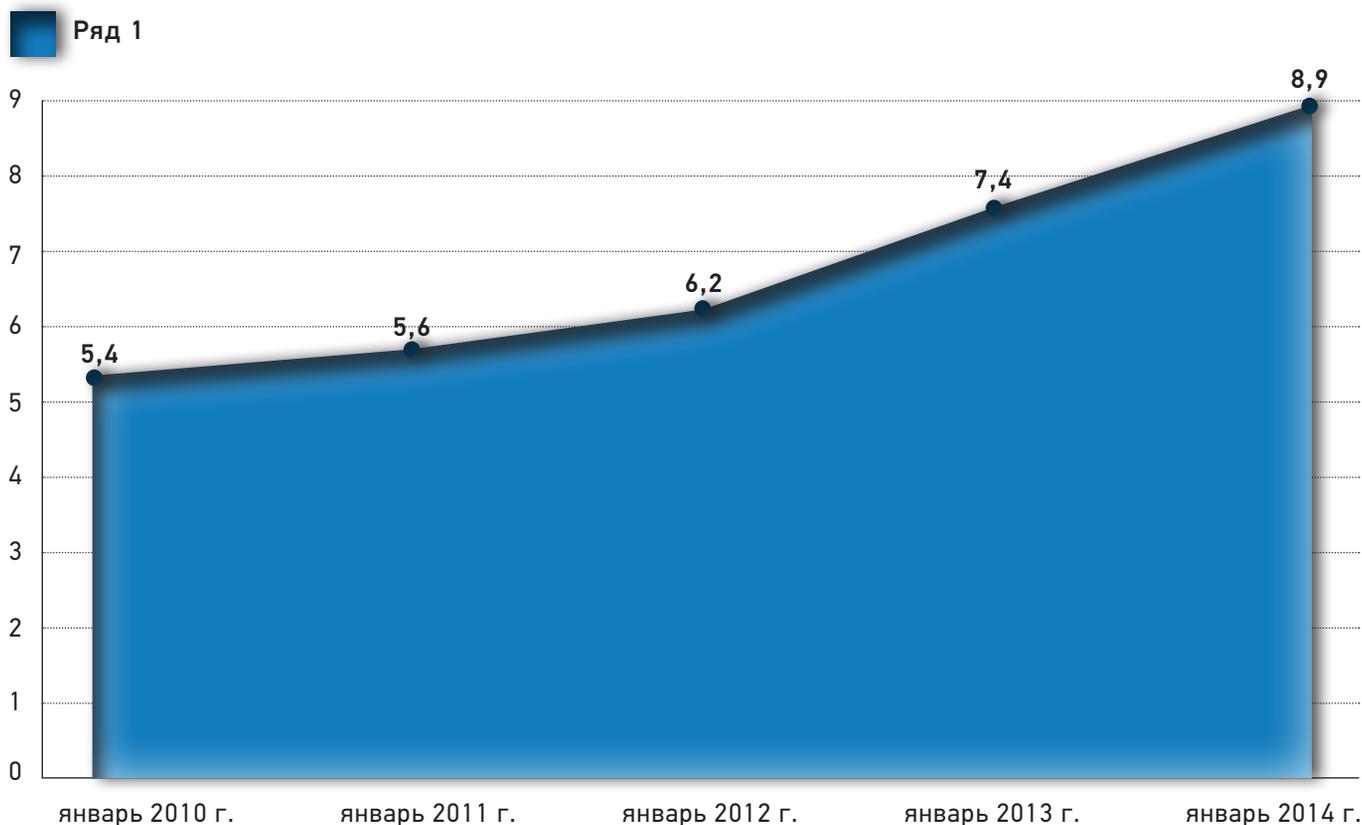

Рассчитано по The Economist Intelligence Unit.

Рис. 3. Платежный баланс ряда стран, в % к ВВП

Проигравшие регионы

Среднегодовая добыча нефти в США выросла с 5,6 млн б/день в январе 2011 г. до 8,9 млн б/день в сентябре 2014 г. (рис. 4).

Рассчитано по US Energy Information Administration.

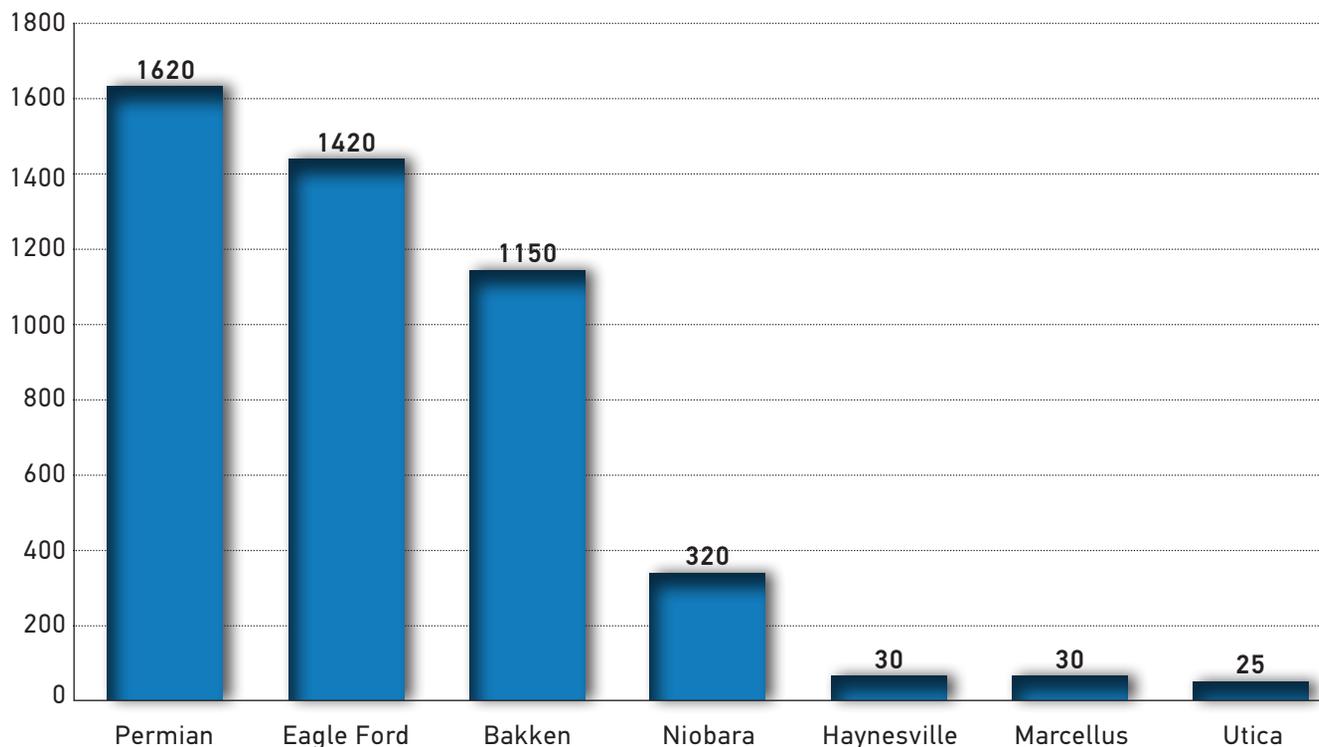
Рис. 4. Среднегодовая добыча нефти в США, млн б/день

Этот рост был практически полностью обусловлен ростом добычи сланцевой нефти и легкой нефти низкопроницаемых коллекторов (tight oil), что стало возможным благодаря технологиям гидроразрыва пласта и горизонтальному бурению. Большую часть этой нефти дают три региона: Баккеновская формация в штате Северная Дакота, Игл Форд и Пермский бассейн в штате Техас (рис. 5).

С 1980-х годов вплоть до минувшего десятилетия добыча нефти в США падала, но сланцевый бум повернул эту тенденцию вспять. Теперь по объемам добычи нефти США конкурируют с Саудовской Аравией и Россией, а с учетом попутного газа превосходят их (12,5 млн. барр/день (имеется ввиду сжиженный природный газ)) Вопрос лишь в том, насколько долго продлится такой рост, если иметь в виду, что относительно низкие цены прогнозируются до конца 2015 г.

Поскольку сланцевая нефть гораздо дороже обычной ближневосточной, в мире появилась масса спекуляций на тему о пороге рентабельности добычи сланцевой нефти и легкой нефти низкопроницаемых коллекторов. При какой цене добыча сланцевой нефти становится экономически невыгодной?

На этот вопрос трудно ответить однозначно. Регионы добычи сланцевой нефти существенно различаются между собой по геологическим и инфраструктурным харак-

Рассчитано по US Energy Information Administration.

Рис. 5. Добыча сланцевой нефти в США по основным регионам в 2014 г., тыс. б/день

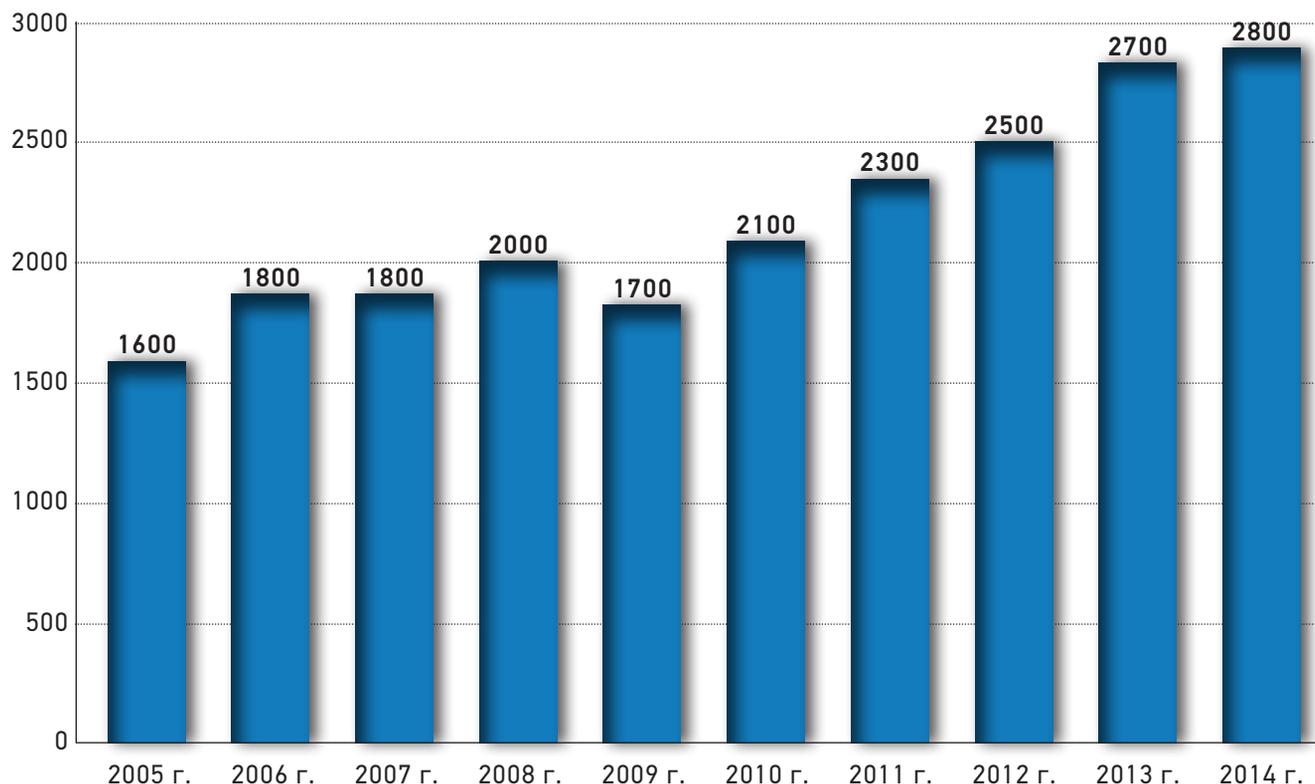
теристикам. Поэтому единого порога рентабельности для сланцевой нефти не существует. Цена безубыточности может варьироваться от скважины к скважине в одном и том же нефтяном регионе. Вследствие роста производительности и эффективности бурения издержки добычи сланцевой нефти до последнего времени снижались (хотя и оставались выше, чем при добыче обычной континентальной нефти). Тем не менее, по расчетам норвежской консалтинговой компании «Rystad Energy», средняя цена безубыточности для североамериканской сланцевой нефти находится в пределах от 60 до 70 долл. за баррель [2]. Другие источники дают оценки на уровне 50–70 долл. за баррель. Согласно некоторым оценкам, компании, работающие в Баккеновском регионе и Пермском бассейне, более чувствительны к низким нефтяным ценам, чем компании региона Eagle Ford.

Снижение темпов роста добычи сланцевой нефти в условиях сохранения низких цен весьма вероятно. Первым индикатором надвигающегося кризиса может служить сокращение выданных разрешений на бурение новых скважин в США в ноябре 2014 г. на 40% по сравнению с октябрём того же года (во всех трех сланцевых регионах). Традиционные экспортеры ОПЕК надеются, что низкие нефтяные цены окажут большее влияние на производителей сланцевой нефти, чем на их собственные бюджеты.

В комментариях и аналитических материалах в основном делается акцент на последствиях падения цен для США и стран ОПЕК. Но существует большое число не-

фтедобывающих стран, не входящих в ОПЕК, которые также находятся в зоне риска. Это особенно производители с высокими издержками добычи, такие как Канада с ее нефтеносными песками.

Канада — крупнейший экспортер нефти в США, куда поступает почти весь канадский экспорт. До последнего времени он постоянно рос. В сентябре 2014 г. объем канадского экспорта нефти в США впервые в истории достиг 3 млн б/день (для сравнения, в 2005 г. — 1,6 млн б/день) (рис. 6).

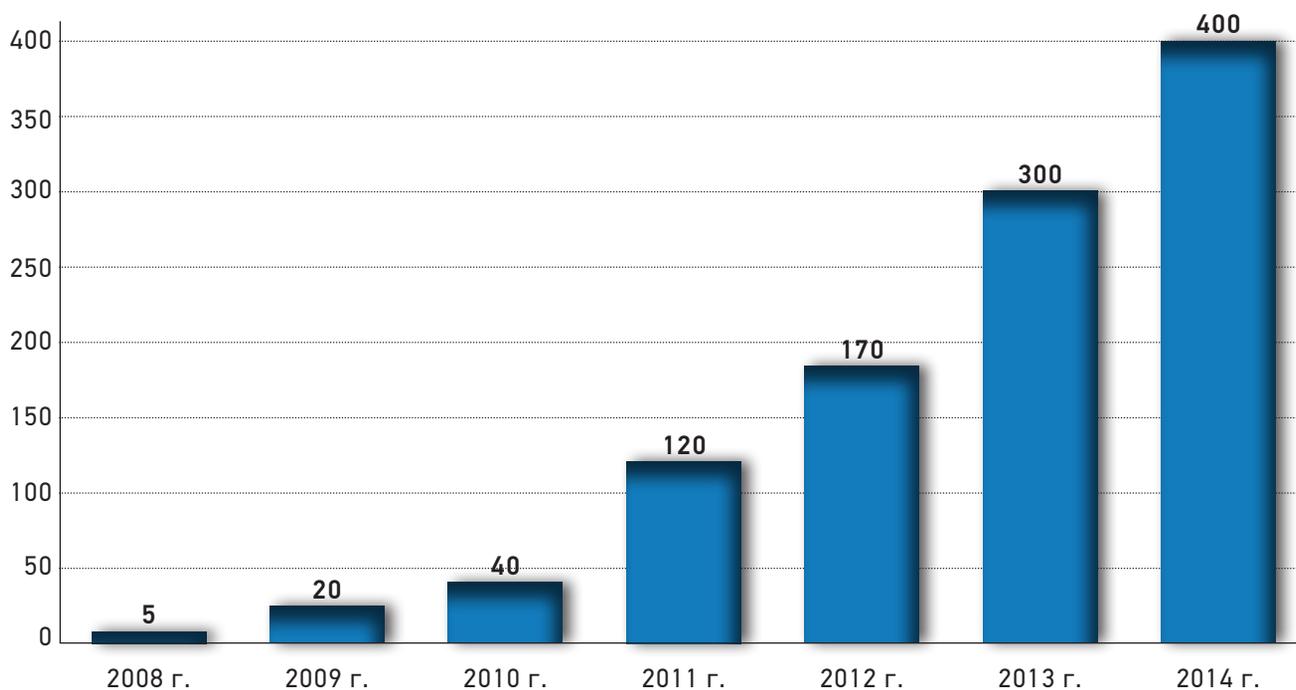
Рассчитано по US Energy Information Administration.

Рис. 6. Экспорт нефти из Канады в США, тыс. б/день

Канадские битуминозные пески, на которые приходится более 50% всей добываемой в стране нефти, отличаются наиболее высокими в мире издержками производства нефти. Расчеты показывают, что ценовой порог безубыточности для такой нефти составляет от 75 до 85 долл. за баррель. Более низкие цены заставляют добывающие компании сокращать инвестиции и консервировать новые проекты.

Однако для производителей битуминозной нефти есть и луч надежды. Падение цены марки WTI снизило и дисконт для канадской нефти по отношению к американской до 17,2 долл. за баррель в ноябре 2014 г. по сравнению с 40 долл. в 2013 г. Кроме того, низкие цены на легкую нефть помогли снизить издержки добычи канадской тяжелой нефти. Легкая нефть используется в качестве добавки, стимулирующей выход битуминозной нефти.

Еще одной страной с высокими издержками добычи нефти является **Бразилия**, обладающая запасами, расположенными под толстым слоем соли на дне океана. Эти запасы оцениваются в десятки миллиардов баррелей и обещают этой латиноамериканской стране ресурсный рай. Месячная добыча этой «подсолевой» нефти, начавшаяся только несколько лет назад, достигла уже 400 тыс. б/день (рис. 7).

Рассчитано по The Economist Intelligence Unit.

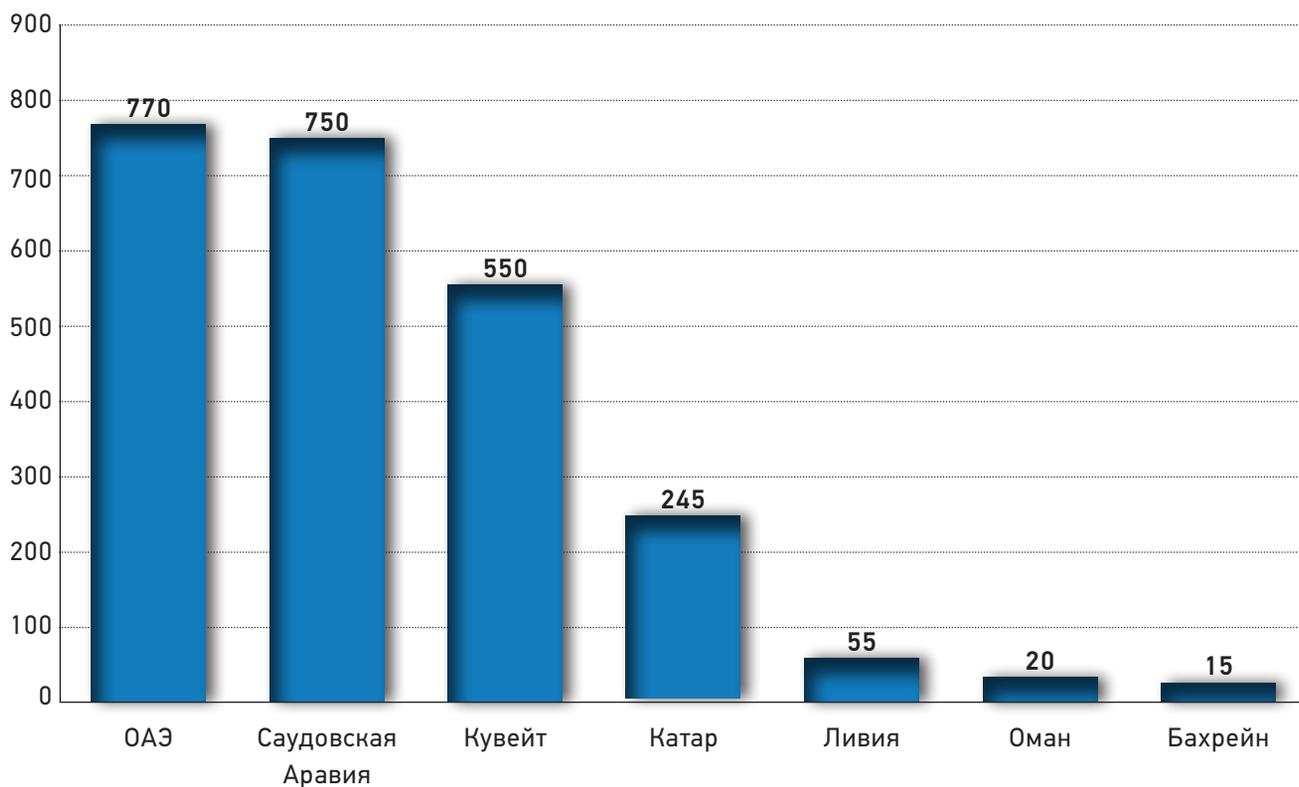
Рис. 7. Помесячная добыча «подсолевой» нефти в Бразилии, тыс. б/день

Представители компании «Petrobras», занимающейся добычей такой нефти, утверждают, что ее порог рентабельности находится в диапазоне от 41 до 57 долл. за баррель. От перспектив разработки «подсолевой» нефти будет зависеть, войдет ли Бразилия в число ведущих мировых экспортеров. Поэтому страна не заинтересована в продолжительном периоде низких цен на углеводородное сырье.

Обладая 65% мировых запасов обычной нефти и 35% мировой ее добычи, **Ближний Восток** и **Северная Африка** в полной мере испытывают воздействие снижающихся нефтяных цен. Тем не менее, благодаря крупным государственным инвестициям в национальное экономическое развитие и широкой системе социальной защиты, многие нефтедобывающие страны этого региона подошли к поворотной точке хорошо подготовленными, накопив за последнее десятилетие значительную финансовую «подушку безопасности». Наиболее прочные позиции в этом отношении занимают Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт. Ливия и Иран оказались менее защищенными.

Платежный баланс Саудовской Аравии в 2015 г. будет, по-видимому, сведен с дефицитом. Однако ее золотовалютных резервов в размере 750 млрд долл. (2013 г.) хватит, чтобы покрывать все государственные расходы в течение трех лет. Суверенный фонд Кувейта (Kuwait Investment Authority) обладает резервами на уровне 550 млрд долл., что обеспечивает стране прочные позиции, особенно с учетом точки безубыточности в 2014 г. на уровне 60 долл. за баррель.

Еще более впечатляющие резервы — у суверенного фонда ОАЭ (Abu Dhabi Investment Authority): 770 млрд долл., что составляет 190% ВВП страны (рис. 8).

Рассчитано по: Fund Ranking; Sovereign Wealth Fund Institute.

<http://www.swfinstitute.org/fund-rankings/>

Рис. 8. Суверенные фонды ряда стран Ближнего Востока в 2013 г., млрд долл.

У государств Совета сотрудничества стран Персидского залива (GCC) [3] минимальный риск угрозы валютной стабильности, поскольку даже в условиях низких цен на нефть там сохраняется положительное сальдо платежного баланса, что подталкивает к накоплению валютных резервов. Последние поддерживают инвесторов и смягчают инфляционное давление, и большинство стран региона могут использовать их в случае платежного дефицита.

Падающие нефтяные цены высветили различия в процессах диверсификации экономики стран Совета и их отходе от нефтяной зависимости. В Катаре и ОАЭ цена точ-

ки безубыточности снижалась вместе с попытками государства диверсифицировать источники доходов (табл. 4).

Таблица 4

Ценовые пороги безубыточности в странах Ближнего Востока и Северной Африки, долл./баррель

	2011 г.	2014 г.
Саудовская Аравия	79,0	97,0
Кувейт	59,0	60,4
Катар	71,0	49,0
ОАЭ	102,5	79,0
Бахрейн	118,5	130,1
Оман	84,5	110,6
Алжир	112,1	127,5
Иран	115,4	Н.св.
Ирак	79,6	96,8
Йемен	79,6	96,8

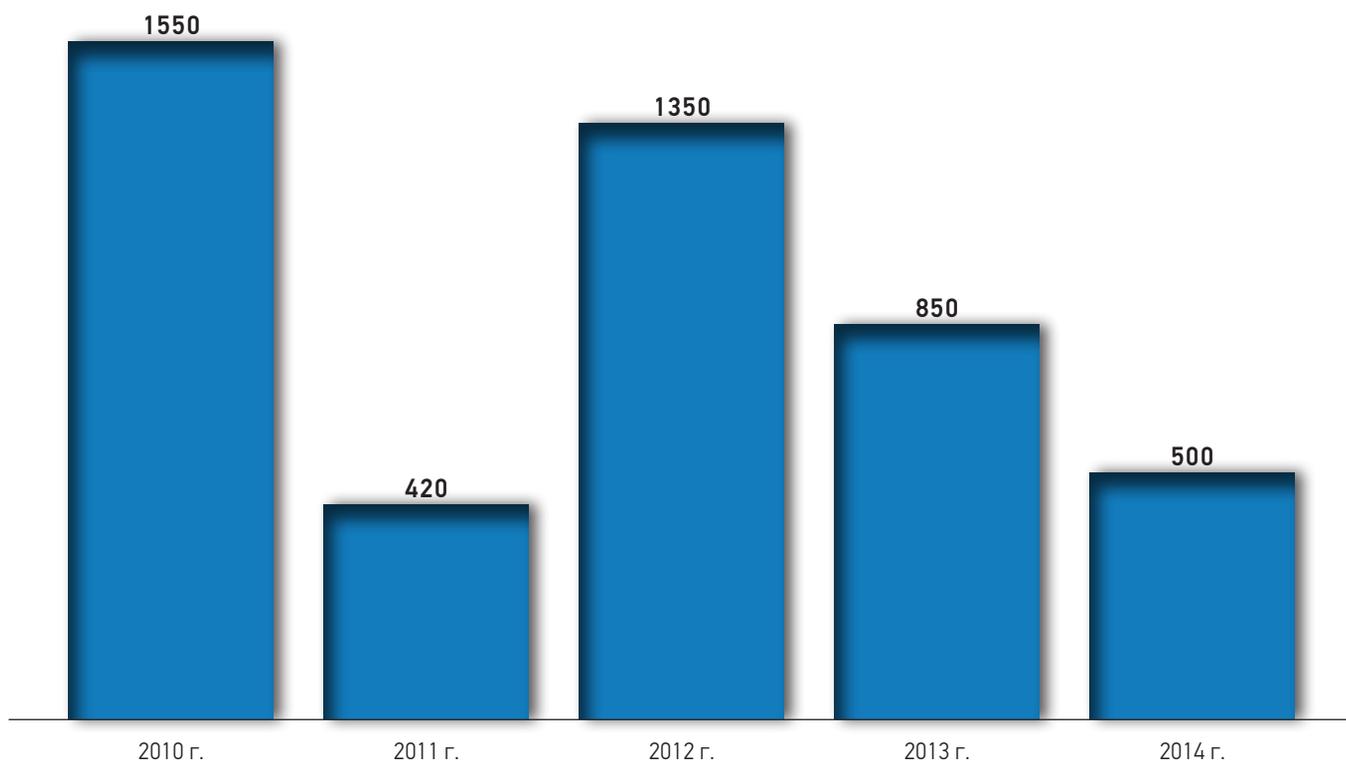
Рассчитано по The Economist Intelligence Unit.

Больше других от цены на нефть зависят малые страны Персидского залива — Оман и Бахрейн. Однако они могут рассчитывать на финансовую помощь других стран Совета в размере 10 млрд долл., обещанную им еще в 2011 г. В то же время низкие нефтяные цены имеют невольный позитивный эффект, а именно: подталкивают страны (пускай и с запозданием) к ликвидации или сокращению масштабных энергетических субсидий. Оман уже объявил о повышении в два раза цены на газ для промышленных потребителей. Бахрейн собирается сделать то же самое. Даже самые богатые страны Персидского залива, Саудовская Аравия и ОАЭ, строят планы повышения цен на электроэнергию и воду.

Однако наиболее уязвимыми перед снижением нефтяных цен среди стран ОПЕК оказываются **Ливия и Иран** — по причине, соответственно, гражданской войны и экономических санкций. Именно они призвали остальные страны ОПЕК сократить производство, поскольку 2015 г. грозит им экономическими проблемами.

Ситуация в Ливии особенно тяжелая. Добыча нефти в этой стране сократилась с 1550 тыс. б/день в 2010 г. до 500 тыс. б/день в 2014 г. (рис. 9).

Борьба между двумя параллельными правительствами в восточных и западных регионах препятствует попыткам Ливийской национальной нефтяной корпорации поднять добычу до уровня 2010 г. Ливийская цена безубыточности в 2013 г. была одной из наиболее высоких среди стран ОПЕК — 111 долл. за баррель — и имеет тенденцию

Рассчитано по International Energy Agency.

<http://www.iea.org/statistics/statisticssearch/report/?country=LIBYA&product=oil&year=2010>

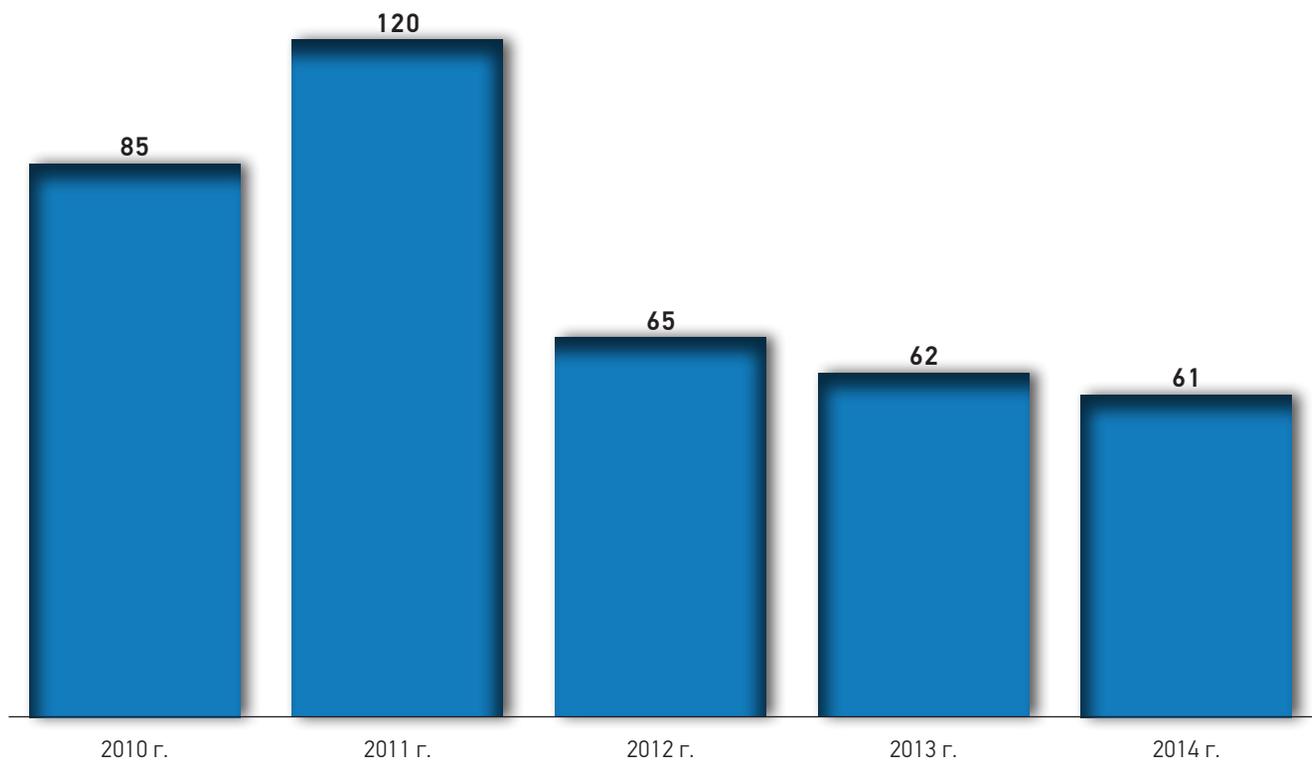
Рис. 9. Добыча нефти в Ливии, тыс. б/день

к росту. На фоне снижающихся нефтяных цен Центральный банк Ливии вынужден все чаще использовать валютные резервы (составлявшие в апреле 2014 г. 105 млрд долл.) для финансирования топливных и продуктовых субсидий, а также заработной платы государственных служащих обоих правительств.

Экономический рост в Иране также находится под серьезным влиянием нефтяных цен, хотя и в меньшей степени, чем в Ливии (рис. 10).

Беспокойство в отношении падения нефтяных цен выразилось в снижении обменного курса реала на 9% с ноября 2014 и до конца года. Снижение цены нефти, закладываемой в бюджет страны, со 100 долл. за баррель в 2014 г. до 80 долл. в 2015–2016 гг. означает пропорциональное сокращение государственных расходов с соответствующим воздействием на ВВП страны.

К счастью для Ирана, есть ряд обстоятельств, позволяющих стране противостоять влиянию падающих нефтяных цен. Во-первых, это сокращение зависимости от нефтяных доходов, которые в настоящее время составляют менее 50% всех доходов бюджета Ирана. До введения в 2012 г. международных санкций, сокративших вдвое нефтяной экспорт эти доходы составляли 65%. Во-вторых, ослабление национальной валюты (реала) стимулирует несырьевой экспорт, который вырос за шесть месяцев 2014 г. на 18% — до 28 млрд долл.

Рассчитано по International Energy Agency.

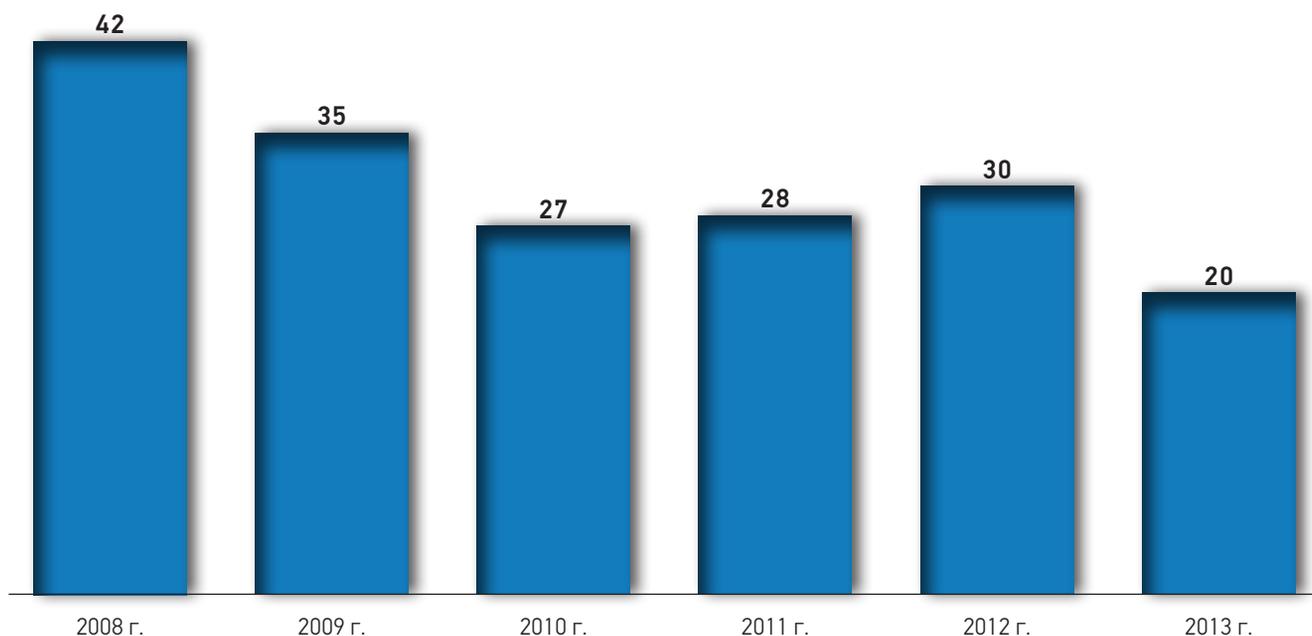
<http://www.iea.org/statistics/statisticssearch/report/?country=LIBYA&product=oil&year=2010>

Рис. 10. Добыча нефти в Ливии, тыс. б/день

Страны ОПЕК, не относящиеся к Ближнему Востоку, такие как **Нигерия** и **Венесуэла**, также несут серьезные потери от падения нефтяных цен. Финансовое благополучие Нигерии в значительной степени определяется доходами от экспорта нефти, главной статьи государственного бюджета. Однако рост добычи, находящейся в настоящее время на уровне 2 млн б/день, как и в Ливии, сдерживается политической неопределенностью, воровством, коррупцией и нестабильностью в важнейших нефтедобывающих регионах страны. Нигерия, по-видимому, готовит себя к снижению нефтяных экспортных доходов, поскольку в декабре 2014 г. заложила в бюджет на 2015–2017 гг. цену 65 долл. за баррель.

Ситуация в Венесуэле гораздо более тяжелая. Страна, добывающая 2,5 млн б/день и на 95% зависящая от экспорта нефти при финансировании государственных расходов, и без того находится в сложном экономическом положении. Валютный контроль привел к дефициту основных продуктов и товаров и расширению черного рынка, а также инфляции на уровне 60%. Валютные резервы сократились с 42 млрд долл. в четвертом квартале 2008 г. до 20 млрд долл. в четвертом квартале 2013 г. (рис. 11).

Ценовой порог безубыточности для Венесуэлы существенно выше 100 долл. за баррель. Падение нефтяных цен на 1 долл. за баррель означает потери в доходах на уровне 700 млн долл. в год. На последнем совещании стран ОПЕК в декабре 2014 г. Вене-

Рассчитано по International Monetary Fund.

<http://www.imf.org/external/np/fin/tad/exfin2.aspx?memberkey1=1050&date1Key=2015-03-31>

Рис. 11. Валютные резервы Венесуэлы, млрд долл.

суэла призвала другие страны сократить добычу нефти, однако этот призыв остался неуслышанным.

Если цена на нефть останется на низком уровне достаточно продолжительное время, страна столкнется с еще большими трудностями. Венесуэлу ждут политически непопулярные решения. В декабре 2014 г. президент Мадуро уже объявил о сокращении государственных расходов на 20% с акцентом на предметы элитного потребления, определяемые Комитетом эффективных расходов. Были объявлены также планы в отношении реформы сложной валютной системы.

Среди десяти крупнейших в мире производителей нефти — не членов ОПЕК выделяются Россия, Мексика и Норвегия.

Россия — второй в мире после Саудовской Аравии экспортер нефти с уровнем 7,5 млн б/день. На энергетические ресурсы приходится две трети всего экспорта страны, а нефть и газ вместе обеспечивают более 50% национального дохода. Низкие нефтяные цены оказывают сильнейшее влияние на российскую экономику, обостряя проблемы, с которыми сталкивается энергетический сектор страны в связи с западными санкциями.

Российский рубль уже находился в состоянии свободного падения вследствие снижения нефтяных цен. По данным Центрального банка, сохранение цены на уровне 60 долл. за баррель приведет в 2015 г. к сокращению ВВП на 3,5–4%. В то же время

золотовалютные резервы страны составляют внушительные 430 млрд долл., а суверенный долг остается низким по международным стандартам.

Несмотря на падение нефтяных цен, Россия не собирается сокращать добычу в целях их поддержания. Подобное решение одного, пусть и такого крупного производителя, как Россия, не привело бы к желаемым результатам без поддержки стран-членов ОПЕК. Россия не хочет жертвовать рыночной долей, сокращая добычу в одностороннем порядке, и не склонялась к такой стратегии в прошлом.

Маловероятно, чтобы низкие нефтяные цены сделали добычу нефти в России нерентабельной, хотя планируемые новые проекты требуют больших инвестиционных затрат по сравнению со старыми разработками в Западной Сибири. В перспективе западные санкции, направленные на ограничение доступа России к финансовым ресурсам, энергетическим технологиям и оборудованию, могут оказать значительное влияние на рост добычи нефти в стране (особенно в арктических регионах).

Добыча нефти в **Мексике** с 2004 г. сократилась на 1 млн б/день, что заставляет экспортеров осознать необходимость значительных инвестиций в энергетический сектор. В 2013 г. на экспорт нефти приходилось 13% всех экспортных доходов страны и треть государственных доходов. В 2014 г. законодательство Мексики наконец открыло нефтегазовый сектор страны для иностранных инвестиций — в пакете реформ, разрешивших частным и иностранным компаниям инвестировать в разведку и добычу нефтегазовых ресурсов, особенно в нереализованные пока сланцевые и глубоководные сегменты этого сектора.

Едва ли падение нефтяных цен существенно снизит интерес иностранных компаний к неосвоенным мексиканским нефтяным ресурсам, запасы которых весьма значительны. Но потребуются время, чтобы инвестиции, вложенные в освоение новых месторождений, принесли рост добычи.

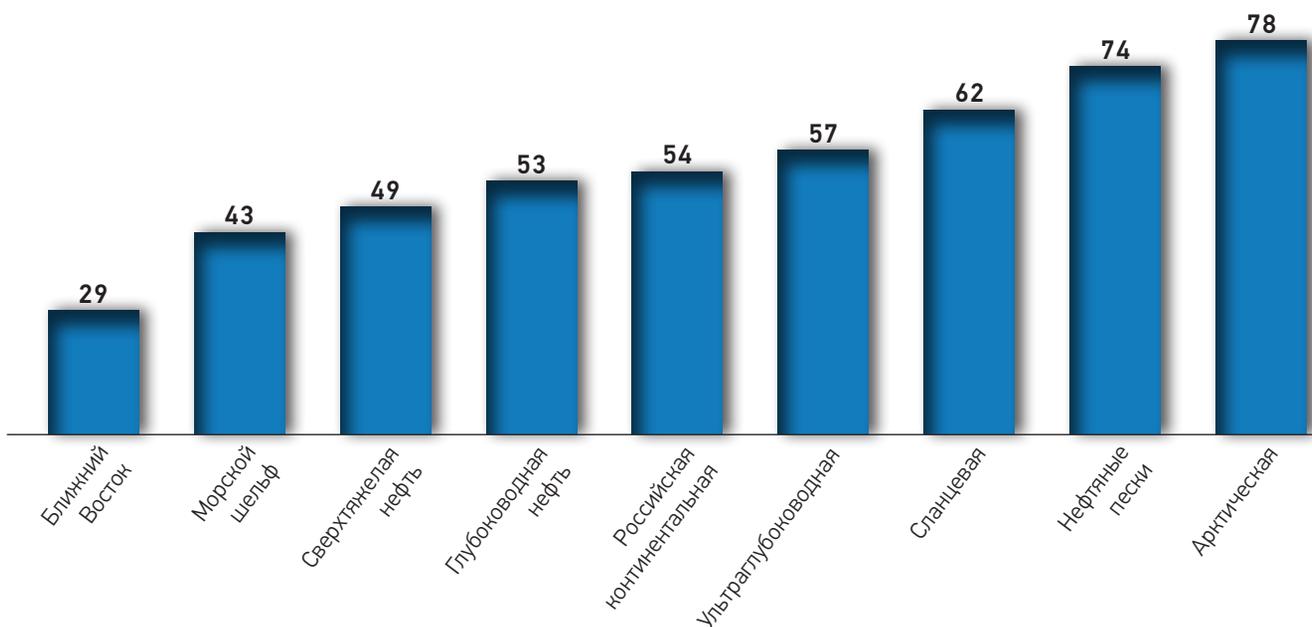
Мексиканская нефтяная компания «Ретех» является в настоящее время единственным в стране экспортером сырой нефти и хеджирует нефтяные цены уже целые десять лет. Кроме того, у Мексики есть нефтяной стабилизационный фонд. В ноябре 2014 г. министр финансов страны заявил, что государственные финансы на 2015 г. защищены от падения нефтяных цен. Однако сокращение добычи нефти остается серьезной проблемой.

Норвегия — крупнейший в Европе производитель и экспортер нефти. При численности населения 5 млн чел. эта страна имеет наиболее высокий среди стран ОЭСР показатель ВВП на душу населения, а в суверенном фонде Норвегии сосредоточено более 800 млрд долл. Однако добыча нефти здесь постоянно снижается: с 3,4 млн б/день в 2001 г. до 1,9 млн б/день в 2013 г. Старые нефтеносные регионы, такие как Северное и Норвежское моря, не обещают существенного роста добычи, поэтому Норвегия сосредоточила внимание на Баренцевом море — одном из перспективных офшорных регионов арктического бассейна, где уже добываются углеводороды.

Сохранение нефтяных цен на уровне 60 долл. за баррель в течение длительного времени может ограничить инвестиции в месторождения Баренцева моря со стороны компании «Statoil» и других операторов, у которых издержки освоения относительно высоки. Нефтяные компании, работающие в Норвегии, уже объявили о сокращении инвестиционных планов; в частности, «Statoil» планирует к 2016 г. урезать их на 1,3 млрд долл. Так, был заморожен проект «Johan Castberg» в Баренцевом море, оценивающийся в 600 млн барр. Нефти [4]. Тем не менее, по сравнению с другими нефтеэкспортерами финансовые перспективы Норвегии выглядят более благоприятно.

Перспективы для инвесторов

Резкое снижение нефтяных цен в 2014 г. оказалось болезненным для нефтяных компаний, особенно для небольших по размеру производителей сланцевой нефти в США. Многие интенсивно занимали финансовые средства на рынке, чтобы наращивать объемы разведки и добычи нефти. Для них были характерны относительно высокие издержки производства, а цена порога безубыточности приближалась к текущей рыночной цене (рис. 12).

Рассчитано по Rystad Energy.

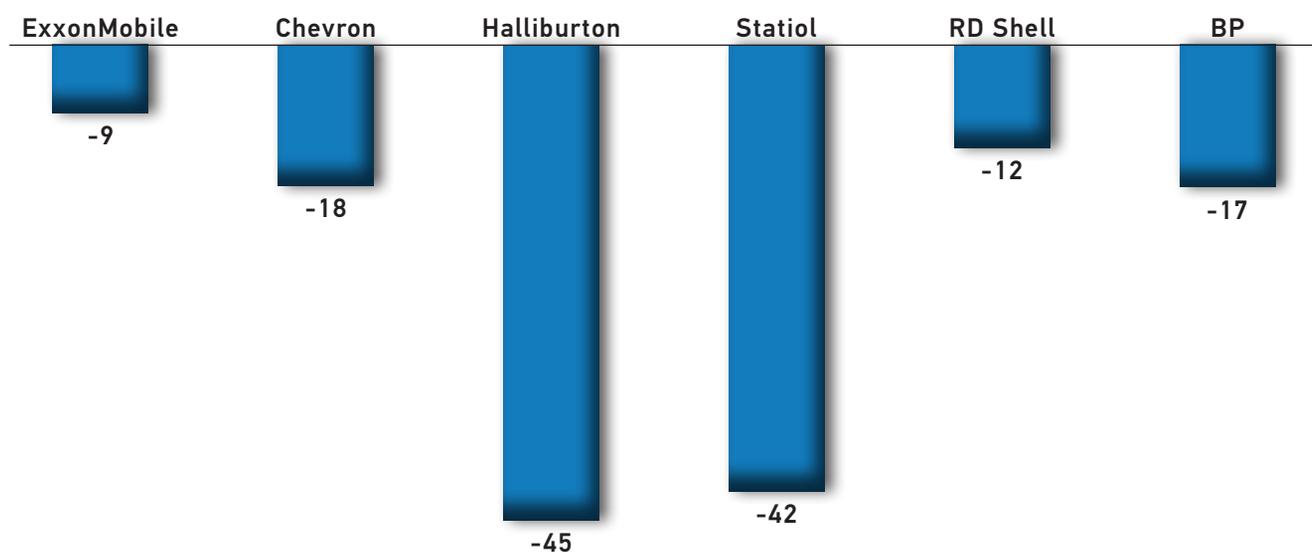
<http://www.rystadenergy.com/AboutUs/NewsCenter/Newsletters/UsArchive/us-q1-2015>

Рис. 12. Ценовой порог безубыточности для разных месторождений нефти, долл./барр.

Падение нефтяных цен сокращает доходы, сжимая (а в некоторых случаях обнуляя) чистую прибыль, а также вызывает опасения в отношении способности таких компаний покрывать издержки производства и погашать долговые обязательства в 2015 г. Небольшие компании с крупными долговыми обязательствами и высокими издержками производства будут вымыты с рынка и освободят места для более крупных игроков. По

всей вероятности, в течение текущего года будет происходить сокращение инвестиций и добычи в сегменте сланцевой нефти в США.

Международные нефтяные корпорации также оказались в затруднительной ситуации. Падение нефтяных цен привело к сжатию прибыли и снижению стоимости акций с середины 2014 г. на 10–20%, сведя на нет успехи первой половины года (рис. 13).

Источник: The Economist Intelligence Unit.

Рис. 13. Динамика курса акций крупнейших нефтяных мейджоров во втором полугодии 2014 г., %

Эти события заставили уделять больше внимания финансовой дисциплине и откладывать проекты с предельными показателями эффективности по всей цепочке добавленной стоимости.

Растущие издержки и ценовое давление, по всей видимости, приведут в ближайшие 12 месяцев к сокращению инвестиций в разведку и добычу во всех развитых и развивающихся странах. Так уже было в 2009 г., когда капитальные вложения стран вне ОПЕК упали примерно на 100 млрд долл. (на 16% относительно пиковых значений). Под угрозой оказываются не только американский сланцевый бум, но и затратные канадские нефтяные пески, потенциальные арктические месторождения и даже новые проекты в Азии, Африке и Латинской Америке.

В то же время нефтегазовый сектор в 2015 г. ожидает рост числа сделок по слияниям и поглощениям. Падение стоимости акций и сокращение рыночной капитализации превратило некоторые компании в привлекательный объект покупки. В апреле 2015 г. корпорация «Royal Dutch Shell» объявила, что покупает британскую газодобывающую компанию «BC Group» за 70 млрд долл., что почти на 50% выше рынка. Ожидания «Shell» основаны на том, что цена нефти восстановится до 90 долл. за баррель к 2018 г. После снижения цен на нефть заключено еще несколько крупных нефтегазовых сде-

лок. В ноябре 2014 г. «Halliburton» объявила, что покупает своего конкурента — «Baker Hughes» за 35 млрд долл. Испанская «Repsol» приобрела канадскую «Talisman Energy» за 8,3 млрд долл. [5] Ходят усиленные слухи, что и знаменитая BP может быть предложена к продаже. Компания старается восстановить репутацию со времени известной аварии в Мексиканском заливе в 2010 г., но нынешнее падение курса акций делает ее еще более уязвимой.

Падение нефтяных цен привело к потерям инвесторов, вложивших средства в акции нефтяных мейджоров, особенно — инвесторов с длинными позициями на ожиданиях высокой рентабельности (которые существовали в первой половине 2014 г.). Кроме того, крупные потери наблюдались в сегменте высокодоходных мусорных бондов в американском нефтяном секторе и стоимости долга малых компаний, добывающих сланцевую нефть. За первую половину 2014 г. средняя доходность мусорного энергетического долга выросла с 5,7 до 7,3%, а за июнь–декабрь 2014 г. индекс мусорных облигаций компании «Merrill Lynch» упал на 1,6%, а в энергетическом сегменте — на 7,1%.

Но есть отрасли и компании, выигравшие от снижения нефтяных цен. Прежде всего это оптовая и розничная торговля, а также сфера услуг, для которых падение цен на нефть означает рост покупательной способности населения. Кроме того, компании этих отраслей фиксируют снижение энергетических издержек и рост прибыли.

Однако в наибольшем выигрыше оказываются компании, потребляющие крупные объемы топлива, — транспортные и авиационные. Этот эффект не будет немедленным, поскольку они связаны уже подписанными контрактами на поставки топлива. Скорее всего, такие компании смогут реально снизить издержки в 2015–2016 гг. В первых рядах так называемые лоукостеры — низкобюджетные перевозчики, у которых на топливо приходится относительно большая часть операционных издержек. Так, у ирландской компании «Ryanair» на авиационное топливо падает 45% издержек. Курс акций этой компании только за ноябрь–декабрь 2014 г. вырос с 8,2 до 9,7 фунтов, а британской EasyJet — с 1550 до 1750 фунтов.

* * *

Что означают низкие нефтяные цены для глобального экономического роста? Мировой ВВП в 2015 г. может вырасти на 3,8–4,1%. Низкие цены уменьшают инфляционное давление на экономику — напрямую через топливные и транспортные издержки и косвенно через роль нефти во многих производственных процессах. Экономика США растет достаточно быстро, создавая новые рабочие места. В Европе в связи с падением нефтяных цен опасаются дальнейшей дефляции по японскому образцу, поэтому на повестке дня — количественное смягчение денежной массы. В России и Бразилии слабость национальной валюты поддерживает высокую инфляцию, перекрывая возможные позитивные факторы низких нефтяных цен, что заставляет Центральные банки этих стран проводить политику денежного сжатия. В Китае, где курс национальной валюты достаточно стабилен, более низкие нефтяные цены укрепляют существующий антиинфляционный тренд, что заставляет Центральный банк снижать процентные ставки.

В России из-за низких нефтяных цен в 2015 г. будет наблюдаться рецессия. Однако резкое падение рубля ослабляет давление на бюджет, увеличивая рублевую стоимость нефтяных доходов. Кроме того, у государства есть значительные накопленные золотовалютные резервы, которые могут использоваться для предотвращения дефолта российских банков и компаний, неспособных рефинансировать внешние долги.

Примечания:

1. The Availability and Price of Petroleum and Petroleum Products Produced in Countries Other Than Iran // US Energy Information Administration. 06.10.2015. URL: <http://www.eia.gov/analysis/requests/ndaa/> (date of access: 15.10.2015)
2. North American Shale Report. Rystad Energy. Oslo Norway, 2014. — Access mode: <http://www.rystadenergy.com/ResearchProducts/NASAnalysis/nasreport> (date of access: 15.10.2015)
3. Gulf Co-operation Council (GCC) — Совет сотрудничества стран Персидского залива — региональный межправительственный политический и экономический союз арабских стран Персидского залива (за исключением Ирака). В него входят: Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и ОАЭ.
4. Johan Castberg project delayed // Statoil. URL: http://www.statoil.com/en/NewsAndMedia/News/2013/Pages/05Jun_Castberg.aspx (date of access: 15.10.2015)
5. Shell прибавила газу // Ведомости. 9 апреля 2015 г. С. 12.

Список литературы:

- The Availability and Price of Petroleum and Petroleum Products Produced in Countries Other Than Iran // US Energy Information Administration. 06.10.2015. URL: <http://www.eia.gov/analysis/requests/ndaa/> (date of access: 15.10.2015)
- North American Shale Report. Rystad Energy. Oslo Norway, 2014. — Access mode: <http://www.rystadenergy.com/ResearchProducts/NASAnalysis/nasreport> (date of access: 15.10.2015)
- Johan Castberg project delayed // Statoil. URL: http://www.statoil.com/en/NewsAndMedia/News/2013/Pages/05Jun_Castberg.aspx (date of access: 15.10.2015)
- Shell прибавила газу // Ведомости. 9 апреля 2015 г.

УДК 338; 332; 323

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Испания: эффекты кризиса и посткризисная модель развития

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования обновленной посткризисной модели экономического и социально-политического развития Испании. Преодоление последствий кризиса 2008–2009 годов сопряжено со структурными сдвигами в испанской экономике и происходит в меняющейся внутривластной среде и в условиях заметно осложнившейся международной обстановки. Одной из ключевых новелл стал фактический демонтаж существовавшей в стране двухпартийной системы, что обусловлено выходом на авансцену новых партий, выступающих за изменение сложившегося статус-кво. Этот фактор может решающим образом повлиять на результаты всеобщих выборов в конце 2015 года и на вектор будущего развития испанского государства.

Ключевые слова: Испания, экономический кризис, посткризисная модель, социальные проблемы, политическая борьба, новые партии, международная обстановка, всеобщие выборы.

Европейская кризисная экономика — испанский кейс

В период глобального кризиса, начавшегося в Европе в 2008 г., экономическое здоровье Испании было серьезно подорвано. По ряду причин и обстоятельств, системному анализу которых посвящены многочисленные исследования автора этих строк [1], кризисные явления в стране приобрели особенно глубокий, структурный характер. В 2008–2013 гг. ВВП снизился в текущих ценах на 6%, потребление сократилось на 3,4%, на 42% обрушились инвестиции в основной капитал и на 13% упал импорт товаров и услуг. Одновременно стремительно вырос государственный долг: с 40,1% ВВП в 2008 г. до 98,3% в конце 2014 г. Социальной трагедией обернулся рост безработицы, которая на своем пике в первом квартале 2013 г. охватила 6 млн 300 тыс. человек (табл. 1).

Пример Испании показал, что экономика не прощает стратегических ошибок и структурных перекосов. Острота испанского кризиса была вызвана тем, что внешние кризисные воздействия и шоки наложились на внутренние диспропорции, в результате чего образовался своего рода отрицательный кумулятивный эффект.

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; yakovlev@yandex.ru.

Таблица 1

Макроэкономические параметры испанского кризиса, млрд евро

Показатель	2008	2013	2014
ВВП	1116,2	1049,2	1058,5
Потребительские расходы	843,1	814,5	827,3
Инвестиции в основной капитал	335,6	194,3	199,8
Госдолг, % ВВП	40,1	92,1	98,3
Экспорт товаров и услуг	282,6	331,1	339,0
Импорт товаров и услуг	339,8	295,3	313,8
Число безработных, тыс.	2595,9	6051,1	5457,7
Уровень безработицы, %	11,2	26,1	24,4

Источник: Gobierno de España. Síntesis de Indicadores Económicos. Madrid, 19/03/2015, p. A1-3.

Говоря о внутренних диспропорциях, следует выделить *гипертрофированную роль в испанской экономике строительства и торговли недвижимостью*. В структуре ВВП строительство занимало 12–13%, что в три раза превышало аналогичный показатель других развитых европейских стран. Когда начались глобальные финансовые трудности, испанский рынок недвижимости обвалился, а строительная отрасль сократилась более чем наполовину и потянула за собой всю остальную экономику.

Только в 2014 г. Испания начала постепенно «выползть» из кризиса. ВВП вырос на 1,4%, несколько оживился внутренний спрос, началось снижение безработицы. Статистика зафиксировала также некоторое увеличение инвестиций в основной капитал и объема внешней торговли. Обращает на себя внимание сокращение стоимости рабочей силы, что отличает Испанию от большинства других государств Европейского союза. Замечу, что частично за счет удешевления рабочей силы в период кризиса повысилась конкурентоспособность испанских товаров. Согласно имеющимся прогнозам, положительный тренд в экономике сохранится на ближайшую перспективу (табл. 2).

Таблица 2

Изменение макроэкономических показателей Испании (итоги 2014 г. и прогноз), %

Показатель	2014	2015	2016
ВВП	1,4	2,9	2,7
Потребительские расходы	2,4	3,3	2,4
Инвестиции в основной капитал	3,4	5,9	6,7
Госдолг, % ВВП	98,3	101,2	102,5
Экспорт товаров и услуг	4,2	5,2	5,8
Импорт товаров и услуг	7,6	6,2	6,3

Показатель	2014	2015	2016
Стоимость рабочей силы	-0,4	0,4	0,3
Уровень безработицы, %	24,4	22,2	20,5

Источник: Banco de España. Boletín Económico. Madrid, 03/2015, p.40; European Economic Forecast. Brussels, Winter 2015, p. 78.

В годы кризиса пробила себе дорогу идея реиндустриализации испанской экономики. При этом речь идет не столько о воссоздании и расширении традиционных промышленных секторов, сколько о формировании и укреплении новых, в которых интеллектуальная деятельность и собственно производство тесно переплетаются. С этим связана и концепция «*нового индустриализма*», реализация которой предполагает тесное взаимодействие промышленного и финансового секторов. Уходит в прошлое разделение отраслей экономики на передовые (современные) и отсталые (традиционные). В посткризисном мире любая отрасль может стать инновационной и высокотехнологичной. Так, в Испании драйверами роста становятся машиностроение (в первую очередь автомобилестроение), энергетика, химия и нефтехимия, фармацевтика и биотехнологии, пищевкусовая промышленность.

В прошлом году положительная динамика была отмечена в сфере строительства, что особенно важно, поскольку именно обвал в этой отрасли стал одним из катализаторов кризиса. В 2012 г. объем новых контрактов составил 47,4% от уровня 2009 г., а в октябре 2014 г. данный показатель вырос до 65,4% [2]. В то же время очевидно, что значение строительной отрасли не вернется на докризисный уровень.

Заметную роль в сглаживании кризисных эффектов и стабилизации экономической обстановки сыграл сравнительно динамичный рост товарного экспорта. Его объем со 160 млрд евро в провальном 2009 г. вырос до 240 млрд евро в 2014 г. Поскольку в указанный период рост экспорта опережал увеличение импорта, результатом явилось существенное сокращение традиционного для Испании внешнеторгового дефицита: с 94,2 млрд евро в 2008 г. до 24,5 млрд в 2014 г. [3]

Подчеркну, что возгонка экспорта стала частью интенсивного процесса интернационализации испанского бизнеса, сыгравшего компенсаторную роль в условиях сжатия внутреннего рынка. В кризисные годы многие испанские компании не только нарастили экспортные поставки, но и увеличили свою инвестиционную и производственную активность за рубежом, открыли для себя новые рынки и приступили к их освоению, добились контрактов на реализацию инфраструктурных мегапроектов. Стоимость портфелей этих проектов исчисляется десятками миллиардов долларов. С 2008 по 2013 г. накопленные прямые зарубежные инвестиции Испании увеличились на 52,5 млрд долл. и достигли 643,2 млрд — 11-е место в глобальной таблице о рангах. По этому показателю страна опережает такие крупные государства, как Китай, Италия и Россия [4]. В настоящее время около 2300 испанских компаний располагают 4500 филиалами за рубежом, большинство из которых заняты производственной деятельностью [5].

Заметную роль в преодолении кризисных эффектов сыграли благоприятные внешние условия, связанные как с новациями в финансовой политике Евросоюза, так и с изменениями мировой конъюнктуры. Во-первых, Европейский центральный банк (ЕЦБ) запустил программу количественного смягчения (Quantitative easing) — прямого выкупа долгов стран-членов ЕС на сумму 60 млрд евро в месяц, что сыграло на руку испанским властям, поскольку несколько снизило расходы по обслуживанию государственного долга. Во-вторых, интервенции ЕЦБ привели к снижению курса евро, что сделало экспортные товары Испании и других стран еврозоны более конкурентоспособными. В-третьих, испанский бюджет крупно выиграл от падения цен на нефть, так как значительно сократились расходы на импорт углеводородов.

Все эти факторы продолжают свое действие в ближайшие годы, способствуя интенсивному восстановлению экономики и формируя новую посткризисную парадигму хозяйственного роста.

После кризиса: перезагрузка экономической модели

Выделим главные черты и ключевые характеристики современного состояния испанской экономики и зафиксируем основные тенденции ее развития на обозримую перспективу.

Во-первых, изменилась структура ВВП (табл. 3). За годы кризиса радикально сократился удельный вес строительного сектора (с 12,5 до 5,1%), но при этом сохранилась и даже немного выросла доля индустрии (15,5 и 16%). В обрабатывающей промышленности роль драйвера сыграла автомобильная отрасль, предприятия которой, не без помощи государства, сумели восстановить докризисные объемы производства и создали спрос на продукцию смежных секторов.

Таблица 3

Структура ВВП Испании, %

Показатель	2008	2014
Всего	100	100
Сельское хозяйство	2,3	2,3
Индустрия	15,5	16,0
Строительство	12,5	5,1
Услуги	61,4	67,8
Налоги	8,3	8,8

Источник: Gobierno de España. Síntesis de Indicadores Económicos. Madrid, 19/03/2015, p. 1-3.

Значительных успехов добился туристический сектор: в 2010–2014 гг. количество иностранных туристов возросло более чем на 12 млн и приблизилось к 65 млн человек [6].

Во-вторых, имела место санация банковского сектора. Правительство оказало финансовым учреждениям огромную по масштабам государственную помощь (кредиты, покупка активов и т.д.), общий объем которой превысил 200 млрд евро, и провело реформу с целью обеспечить устойчивость и платежеспособность банков, облегчить их доступ на международные денежные рынки, в конечном счете — восстановить кредитные потоки, направляемые в реальный сектор экономики. Реструктуризация банковского сектора была проведена путем их слияний и поглощений и приобрела беспрецедентный для европейских стран масштаб. Достаточно указать, что в 2009–2012 гг. число кредитных учреждений (без учета филиалов иностранных банков и так называемых кредитных кооперативов) сократилось с 50 до 14 [7]. В ходе реформы ощутимо уменьшилось число операционных отделений, а около 50 тыс. занятых в отрасли потеряли свои рабочие места.

В-третьих, несмотря на хозяйственное оживление и выход из рецессии, темпы роста испанской экономики останутся низкими по сравнению с докризисным периодом (в 2000–2008 гг. она выросла на 73%) [8]. По-видимому, на обозримую перспективу (например, на период до 2020 г.) речь может идти о выстраивании стратегии национального развития в рамках так называемой экономики «новой нормы» или «новой нормальности» (New Normal Economy).

В-четвертых, есть веские основания ожидать дальнейшего повышения уровня транснационализации деловой активности испанского бизнеса, усиления его позиций на международных рынках. Вот несколько примеров.

Нефтегазовый концерн «Repsol» в конце прошлого года принял решение о приобретении за 13 млрд долл. одной из ведущих канадских компаний, «Talisman Energy». По завершении сделки деятельность «Repsol» распространится на 50 стран мира, добыча нефти возрастет на 76% (до 680 тыс. баррелей в сутки), а запасы углеводородов увеличатся на 55% — до 2,3 млрд баррелей в нефтяном эквиваленте. По утверждению президента концерна Антонио Бруфау, «Repsol» имеет шанс войти в число мировых энергетических мейджоров [9].

Знаковое приобретение в начале 2015 г. сделала энергетическая корпорация «Iberdrola»: за 3 млрд долл. она приобрела крупную американскую фирму «UIL Holdings Corporation», благодаря чему стала вторым по значению предприятием на рынке США в сфере ветряной энергетики [10]. Группа-конгломерат OHL планирует к 2020 г. удвоить объем продаж, причем удельный вес американских рынков (США, Канада и страны Латинской Америки) в совокупном обороте достигнет 65% [11].

Мировой лидер ритейла — группа «Inditex», владеющая суперпопулярной маркой «Zara». На сегодняшний день у нее 6700 магазинов в 88 странах. Только в прошлом году «Inditex» открыла 343 новых магазина на 54 зарубежных рынках. Модель ведения бизнеса «Inditex» изучают в университетах. Эффективность компании поражает воображение: от разработки нового товара до его появления на прилавках проходит 14 дней. Такого нет ни у одной конкурирующей фирмы (у «Benneton», например, этот срок составляет свыше 60 дней).

Характерно, что в продвижении экспорта участвуют не только крупнейшие испанские транснациональные корпорации, но и так называемые скрытые чемпионы — преимущественно средние предприятия, внешнеторговая стратегия которых заключается в узкой специализации и высоком профессионализме, благодаря которым они становятся лидерами в своей рыночной нише. Так, самая старая компания Испании (учреждена еще в 1714 г.) «La papelera Vilaseca» экспортирует 70% своей продукции в 84 страны мира. А это — средних размеров семейная фирма, которая в годы кризиса выжила именно благодаря внешним рынкам. Подобные примеры можно множить. Думаю, что такого рода тренды позволяют ставить вопрос о формировании новой испанской геоэкономической конфигурации.

Таким образом, сложились в целом благоприятные внутренние и внешние условия, которые позволяют улучшить основные макроэкономические показатели Испании. Но некоторые важнейшие вопросы остаются нерешенными.

В частности, несмотря на упомянутую помощь ЕЦБ, болезненной проблемой остается долговая нагрузка на экономику, вынуждающая власти секвестировать расходы. Суверенный долг Испании в начале 2015 г. превысил психологически значимую отметку в 1 трлн евро, вплотную приблизился к 100% ВВП и продолжает увеличиваться. Судя по всему, такая тенденция сохранится на обозримую перспективу.

Сложно протекает процесс инноватизации испанской экономики. Традиционное отставание от мировых лидеров в сфере высоких технологий сохраняется и даже усугубляется недостаточным финансированием сферы НИОКР. Хотя, нужно признать, у Испании есть очаги экономики знаний, и на ряде направлений местные предприятия добились значимых результатов.

Таким образом, выход испанской экономики из кризиса происходит в непростых условиях, что предполагает периодическую рихтовку макроэкономических показателей.

Узел социальных проблем

Перебои в функционировании экономики подорвали материальную базу нормально существования испанского государства и нарушили провозглашенные и закрепленные в официальных документах принципы «социальной солидарности», «сплочения» и «справедливости». Сравнительно эффективные и надежные механизмы социальной защиты основной массы населения в условиях затянувшегося кризиса начали пробуксовывать, а риски — возрастать. Конечно, главной социальной проблемой была и остается массовая безработица [12], но не только. В 2010–2014 гг. заработная плата в Испании по сравнению со средним показателем стран-членов ЕС-15 снизилась с 73,3% до 66,3% [13]. Миллионы испанцев, включая представителей среднего класса, начали испытывать неуверенность и лишения, многие оказались за официальной чертой бедности. В 2012 г. в таком положении было 11 млн человек, или 23% населения. Их доходы составили менее 60% среднего странового уровня — 7300 евро в год. Кризис

резко усугубил материальное неравенство. Если в 2008 г. доходы 20% наиболее состоятельных испанцев в 5,3 раза превышали аналогичный показатель 20% наименее обеспеченных граждан страны, то в 2011 г. указанный разрыв достиг отметки 7,5, а к 2022 г. (при сохранении нынешнего тренда) может составить 15,5 [14].

В годы кризиса не выдержала нагрузки система социального обеспечения. В 2012 г. не хватило свыше 10 млрд евро, чтобы покрыть расходы по выплате пенсий, пособий по безработице и другим статьям. Эти средства правительству М. Рахоя пришлось изымать из Резервного фонда, созданного в «тучные годы» экономического роста. Неутешительно выглядят и демографические параметры: в 2007 г. на одного пенсионера приходилось 2,56 работающих, а в 2012 г. — только 1,89 [15].

Существуют и другие острые проблемы, которые в сумме рождают ощущение социальной депривации. По данным экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в Испании в период кризиса разрыв между богатыми и бедными увеличился сильнее, чем в других развитых странах. Причем произошло это за счет опережающего обнищания самых малоимущих. В частности, в 2007–2011 гг. душевой годовой доход «нижних» 10% населения сократился на 42,4%: с 4664 евро до 2685 евро, тогда как у «верхних» 10% этот показатель снизился только на 5,6%: с 39204 евро до 36985 евро. В результате Испания по среднему уровню дохода «откатилась» на 16 лет назад [16].

Кризисная Испания стала живым подтверждением теории французского ученого Тома Пикетти, изложенной им в экономическом бестселлере «Капитал в двадцать первом веке» [17]. По мнению экономиста, послевоенная эпоха, когда в Северной Америке и Западной Европе наблюдался мощный экономический рост и сокращалось неравенство в доходах, была исключением из общего правила. И напротив — нормой для капитализма является сегодняшнее разительное неравенство в доходах. При этом Т. Пикетти подметил настораживающее явление: личные состояния у представителей элит накапливаются заметно быстрее, чем растет экономика.

В Испании этот процесс в годы кризиса даже ускорился. Иными словами, верхушка испанского общества поглощает все более значительную часть национального богатства. Другой особенностью момента является то, что личное богатство формируется не только (и не столько) благодаря накопленной за несколько поколений собственности, как это было в прошлом, а в результате выплаты непропорционально высоких вознаграждений топ-менеджерам крупных компаний. Выступая в начале января 2015 г. в Мадриде, Т. Пикетти предложил обложить 80-процентным налогом самые крупные состояния. Эта идея была подхвачена лидером Испанской социалистической рабочей партии (Partido Socialista Obrero Español — PSOE) Педро Санчесом, который хотя и осторожно отнесся к цифре 80%, но в принципе согласился с тезисом о введении сверхвысоких налогов на наиболее богатые слои населения [18].

Научное сообщество озабочено тем, что правительство Народной партии (Partido Popular — PP) под руководством Мариано Рахоя не уделяет должного внимания про-

блеме углубляющегося имущественного неравенства. Более того, эксперты подчеркивают, что официальная политика в большей степени отвечает интересам богатых слоев населения и тем самым не способствует лечению социальных травм, полученных в годы кризиса. Экономист Антон Костас из Университета Барселоны усмотрел в политике властей отсутствие стратегического видения и некий фатализм: убеждение в том, что неравенство — закономерный результат действия рыночных сил, с которыми невозможно бороться [19].

Позиция правительства в социальных вопросах — важный штрих, дополняющий картину современной Испании на этапе выхода из кризиса. В стране ширится убеждение, что решение накопившихся проблем в крайне чувствительной социальной сфере требует изменений политического характера, смены властных структур и укрепления демократических основ испанского государства.

Актуальный вопрос: насколько посткризисное социальное государство будет отличаться от докризисного? Очевидно, что в настоящее время идет поиск основополагающих принципов новой социальной системы. Одним из них может стать приватизация социальных услуг при возрастании роли частных расходов на развитие человеческого капитала. Это указывает на то, что перемены в социальной сфере только начинаются.

Политическое цунами и новая расстановка сил

«Политическое землетрясение», «революция в испанской внутривнутриполитической жизни», «инсульт в системе власти» — так характеризуют эксперты изменения, связанные с резким ослаблением влияния двух традиционно ведущих партий — «народников» и «социалистов».

Можно сказать, что в годы кризиса по Испании прокатилось политическое цунами, которое размывало фундамент существовавшей более тридцати лет де-факто двухпартийной системы. PP и PSOE одинаково вызывают у значительного числа избирателей отторжение. Рухнувшие социально-экономические ожидания миллионов испанцев породили массовый спрос на альтернативные электоральные предложения. Их выдвинули партии «Podemos» («Мы можем») и «Ciudadanos» («Граждане»), использующие риторику, граничащую с радикализмом, и активно расширяющие свою избирательную базу. Для них кризис стал трамплином в большую политику. В свою очередь, две ведущие партии пытаются угнаться за текущей повесткой, но граждане явно нуждаются в эффекте новизны и потому все чаще обращают взоры на альтернативные политические силы.

«Ciudadanos» сформировалась в 2005–2006 гг. в Каталонии на платформе социал-либерализма и европейского федерализма, противопоставив себе региональным политическим силам, выступающим за отделение Каталонии от Испании. За сравнительно короткий срок партия перешагнула границы автономного сообщества и распространила свою деятельность на большую часть испанской территории.

«Podemos» выросла из массового протестного движения «15-M» и впервые громко заявила о себе на выборах в Европейский парламент в 2014 г., когда новоиспеченная политическая организация популистского толка, еще не оформившаяся в партию, получила свыше 1,2 млн голосов и 5 мест в законодательный орган Объединенной Европы.

Политическая палитра Испании разделилась на «старые партии» во главе с PP и PSOE и «новые партии» — «Podemos» и «Ciudadanos», которые стали позиционировать себя в качестве «рычага перемен», необходимых испанскому государству и обществу, и на волне широкого недовольства оттянули на себя значительную часть электората. Как отмечал председатель «Ciudadanos» Альберт Ривера, PP и PSOE «сбились с курса» и не в состоянии предложить привлекательную стратегию развития страны. В отличие от «старых партий», «Ciudadanos» выдвигают национальный модернизационный проект, базирующийся на трех основаниях: укрепление гражданских ценностей, проведение политических реформ демократического толка и построение экономики знаний [20].

Чем чреват галопирующий рост сторонников «Podemos» и «Ciudadanos»? Во-первых, на месте двухпартийной системы складывается новая политическая конфигурация — своего рода квартет ведущих партий: PSOE, PP, «Podemos» и «Ciudadanos», проголосовать за которые (согласно последним опросам) готовы порядка 80% испанских избирателей [21]. Во-вторых, началась смена лидеров. В частности, Социалистическую партию с июля 2014 г. возглавляет 43-летний Педро Санчес. Появились и харизматичные самородки типа вождя «Podemos», 35-летнего Пабло Иглесиаса. В-третьих, дает о себе знать так называемая «доктрина Синатры» («I did it my way» — «Я это делаю на свой манер»), которая означает акцентирование отдельными партийными деятелями своей особой позиции. Так, например, вела себя победившая на региональных выборах в Андалусии социалистка Сусана Диас.

Отношение в экспертном сообществе к нынешней полосе партийного строительства неоднозначное. Наряду с теми, кто активно выступает в поддержку происходящих изменений, раздаются и резко критические голоса по адресу «новых партий», прежде всего «Podemos». В частности, как считает известный писатель и политический аналитик Феликс де Асуа, во внутривнутриполитической жизни Испании воцарились «демагогический дискурс и содержательная пустота». По его мнению, выход на авансцену «Podemos» принципиально ничего не меняет в испанском политическом хоре, поскольку представители партии использует «упрощенный архаичный язык», а их предложения далеки от реальных национальных проблем и являют собой пример «безумной фантазмагии» [22]. Еще более резки в оценках отдельные представители традиционных партий, пытающиеся всячески дезавуировать появившихся политических конкурентов. Не брезгают они и прямыми оскорблениями, называя, в частности, руководителей «Podemos» «жалкими и посыпанными перхотью».

В редакционной статье газеты «Cinco Días» (органа деловых кругов Испании) 2015 г. был назван годом «электоральной карусели» [23]. В стране уже прошла одна и предстоят еще несколько избирательных кампаний разного уровня: 22 марта — в Андалусии, 24 мая — муниципальные и в большинстве автономных сообществ, 27 сентября —

в Каталонии, в период с 20 ноября по 20 декабря — общенациональные выборы. Так что нынешний электоральный год обещает быть крайне напряженным, а от политических результатов выборов будет во многом зависеть судьба складывающейся социально-экономической модели.

Международный ракурс

Кризис оказал воздействие на всю систему международных отношений испанского государства, нанес ему серьезные репутационные потери, поставил перед дипломатией Мадрида принципиально новые задачи — противодействия кризисным явлениям, снижения негативных эффектов внешних шоков, поиска на мировой арене возможностей придать развитию страны дополнительный импульс. Указанные цели определили внешнеполитическую повестку: защита финансово-экономических интересов Испании за рубежом, удержание (и по возможности расширение) позиций испанских компаний на мировых рынках, координация антикризисных действий с партнерами по Евросоюзу. Можно сказать, что в период кризиса приоритеты внутренней политики особенно сильно влияли на курс Мадрида в международных делах.

Во главу угла была поставлена всесторонняя поддержка трансграничной деятельности испанских компаний. Это направление всегда входило во внешнеполитический арсенал Мадрида, но в последнее время стало подлинным мейнстримом всей международной деятельности. Торможение хозяйственного роста большинства европейских стран — главных внешнеторговых и инвестиционных партнеров Испании — вынудило бизнес искать новые возможности в других частях света. Испанские корпорации сделали ставку на Латинскую Америку. Так, ведущая телекоммуникационная компания «Telefónica» за все годы деятельности в общей сложности инвестировала в регионе порядка 100 млрд евро и по этому показателю стала в латиноамериканских странах главным зарубежным инвестором. Компания поставила целью довести число своих клиентов в этом районе мира со 180 млн до 210 млн. В последние годы свыше 40% прибылей «Telefónica» были получены в Латинской Америке [24].

Другой пример — группа «Santander». «Кризис предоставляет новые возможности» — такая сентенция стала руководством к действию менеджмента этого крупнейшего испанского коммерческого банка в условиях мировых финансовых потрясений. Позиции банка в латиноамериканском регионе чрезвычайно сильны. Речь идет о 5,8 тыс. отделений, 86 тыс. служащих и 37 млн клиентов. Стоимость региональных активов банка оценивается в 70 млрд долл., или 50% общих активов группы. На долю «Santander» приходится 9,4% всех депозитов банковских систем Латинской Америки и 11,6% совокупного кредитного портфеля. По данным Франсиско Лусона, возглавлявшего операции банка в регионе, финансовый сектор латиноамериканских стран и в период кризиса продемонстрировал высокие показатели эффективности. Так, уровень прибыльности в среднем составил 15,7% по сравнению с 8,9% в развитых странах [25]. Это — сильнейший стимул для испанского бизнеса, понесшего тяжелые потери на национальном рынке.

Одним из смысловых результатов кризиса явились качественные перемены в отношениях между Испанией и латиноамериканскими странами, значительно меньше по-

страдавшими в период глобальной турбулентности. А именно: государства Латинской Америки в своих отношениях с Мадридом стали действовать более решительно, в том числе в плане ограничения деятельности в регионе испанских корпораций. В 2010–2013 гг. по ряду латиноамериканских стран (Аргентина, Боливия, Венесуэла) прокатилась волна экспроприации испанских активов, затронувшая таких грандов бизнеса, как банк «Santander» и нефтегазовая компания YPF. По мнению экспертного сообщества, экспроприация собственности испанских компаний содержала в себе «весомый политический компонент» и дорого обошлась Мадриду, поскольку нанесла ущерб его международному престижу, продемонстрировала изменение в соотношении сил между Испанией и Латинской Америкой и поставила перед испанской дипломатией дополнительные сложные задачи — в частности, помогать бизнес-структурам добиваться компенсации за экспроприированную собственность.

Мадрид предпринял усилия по двум направлениям: стал расширять свое присутствие в тех государствах региона, где до настоящего времени его активность была вялой, и укреплять связи с крупнейшей латиноамериканской страной — Бразилией. Так, в марте 2015 г. в столице Гватемалы М. Рахой принял участие в саммите Испания — ЦАИС (Центральноамериканская интеграционная система, объединяющая восемь центральноамериканских и карибских стран). Председатель испанского правительства подчеркнул заинтересованность своей администрации в развитии экономических и политических связей с членами ЦАИС и выразил готовность «служить главным адвокатом» Центральной Америки в деле углубления ее сотрудничества с Европейским союзом [26]. А в апреле текущего года во время визита в Мадрид вице-президента Бразилии Мишела Темера было достигнуто соглашение, предусматривающее удвоение объема испанско-бразильского товарооборота и взаимных инвестиций к 2025 г. [27]

Испанские власти традиционно стоят на позициях «еврооптимизма» и в условиях кризиса продолжали ратовать за углубление европейской интеграции, создание подлинного финансово-экономического и банковского союза в рамках ЕС. Руководящие органы Евросоюза по достоинству оценили лояльную позицию правительства М. Рахой и в декабре 2012 г. предоставили ему 39,5 млрд евро из расчета менее 1% годовых, что позволило Испании провести реструктуризацию проблемных финансовых учреждений и, как отмечала испанская пресса, «добавило кислорода в банковскую систему страны» [28]. Вместе с тем именно Брюссель вынудил Мадрид проводить политику сверхжесткой экономии средств (так называемого «бюджетного аскетизма»), которая, по мнению многих аналитиков, включая нобелевского лауреата по экономике Пола Кругмана, затянула процесс выхода страны из кризиса. В целом следует констатировать, что в кризисные годы политическое влияние Испании в Евросоюзе существенно уменьшилось, а в ряде случаев страна даже была исключена из процесса выработки и принятия ключевых европейских решений.

По мере преодоления кризисных явлений и укрепления экономического положения испанский истеблишмент пытается восстановить свои позиции в ЕС и играть более заметную роль в формировании посткризисной повестки дня Брюсселя. В частности, испанская дипломатия активно вмешалась в переговоры Еврогруппы с правитель-

ством Греции о смягчении условий погашения астрономически большого греческого долга (177% ВВП). Согласно некоторым комментариям, в администрации М. Рахоя опасались, что возможный успех левых сил в Греции в достижении договоренности с Брюсселем на выгодных для греков условиях повысит популярность оппозиционных партий в самой Испании, критикующих экономическую политику РР. Дело дошло до того, что премьер-министр Алексис Ципрас обвинил Мадрид в сколачивании группы консервативных режимов с целью «добиться безоговорочной капитуляции греческого правительства до того, как его пример окажет воздействие на другие страны» [29].

Мадрид выступает за «двухскоростную» интеграцию, при которой в рамках ЕС будет образовано своего рода интеграционное ядро из шести стран, основавших в 1957 г. Европейское экономическое сообщество (Бельгии, Германии, Италии, Люксембурга, Нидерландов и Франции), а также Испании и Польши. Эта «восьмерка» призвана служить авангардом движения в сторону превращения Евросоюза в более эффективную и гибкую организацию, способную адекватно реагировать на европейские и глобальные вызовы, и «тянуть» за собой остальных членов ЕС.

В 2014 г. заметно осложнились испанско-российские отношения, что было связано с участием Мадрида в финансовых и торгово-экономических санкциях Евросоюза против России (из-за событий в Крыму и вокруг Украины) и с антисанкциями Москвы. В частности, объем взаимной торговли, достигнув своего исторического максимума в 2013 г. (свыше 11 млрд евро), в 2014 г. сократился на 23%. Еще больше (на 27%) упал российский экспорт в Испанию (табл. 4), что главным образом было связано с падением цен на нефть.

Таблица 4

Испано-российская торговля, млн евро

Год	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо
2000	578	2446	3024	-1868
2005	1098	5190	6288	-4092
2006	1514	7424	8938	-5910
2007	2093	7891	9984	-5798
2008	2837	7493	10330	-4656
2009	1476	4576	6052	-3100
2010	1995	6126	8121	-4131
2011	2526	8463	10989	-5937
2012	2930	8067	10997	-5137
2013	2818	8232	11050	-5414
2014	2546	5987	8533	-3441

Источник: Ministerio de Industria, Turismo y Comercio. — <http://www.comercio.mityc.es/>; Ministerio de Economía y Competitividad. Informe Mensual de Comercio Exterior. Diciembre de 2014, febrero de 2015.

Прошлый год стал поворотным для российского туризма в Испанию. Если в 2001–2013 гг. наблюдался стабильный ежегодный прирост отдыхающих россиян на популярных испанских курортах, то в 2014 г. их число сократилось более чем на 10%, причем произошло это на фоне общего заметного увеличения иностранного въездного туризма в Испанию (табл. 5). В текущем году тенденция к уменьшению числа российских туристов сохранилась.

Таблица 5

Количество российских туристов в Испании (тыс. человек)

Показатель	2001	2010	2011	2012	2013	2014
Всего туристов	48565	52677	56177	57701	60676	64995
Туристы из России	281	605	863	1206	1584	1421
Доля российских туристов, %	0,6	1,1	1,5	2,1	2,6	2,2

Источник: Movimientos turísticos en fronteras (FRONTUR). — <http://www.iet.tourspain.es/>

Подобного рода факты указывают на наступление сложного периода в российско-испанских отношениях, что не соответствует интересам испанского бизнеса. В частности, в числе пострадавших оказались экспортеры свинины, фруктов, молочной продукции и других продовольственных товаров, занимающих видное место в номенклатуре испанского вывоза. Под угрозой оказались и интересы в России испанских производителей промышленной продукции. Например, строго следуя логике провозглашенного правительством РФ курса на импортозамещение, президент В.В. Путин задним числом подверг критике руководство РЖД за покупку 140 железнодорожных вагонов у испанской компании «Talgo» (контракт был подписан в июне 2011 г.) [30].

На этом неблагоприятном фоне знаковым был визит в Москву в декабре 2014 г. Карлоса Эспиносы де Лос Монтерос — высококого представителя государственной программы по продвижению позитивного имиджа Испании за рубежом («Марка Испании»). За время пребывания в российской столице К. Эспиноса имел контакты с испанскими предпринимателями, работающими в России, а также посетил МИД РФ, Министерство сельского хозяйства, Федеральное агентство по туризму и другие ведомства. По итогам встреч в Москве испанский высокопоставленный деятель заявил: «Мы входим в ЕС и поддерживаем принимаемые странами-членами решения. Но мы активно участвуем в дебатах и, если говорить о санкциях, находимся в числе тех стран, кто верит: от санкций нет никакого позитива». И далее: «Наша первая задача — остановить гонку санкций и контрсанкций, не допустить новых. Вторая цель — попытаться найти компромиссные решения, которые позволили бы оставить санкции в прошлом» [31].

Сторонники здравого смысла и продолжения испано-российского торгово-экономического сотрудничества указывают на живые примеры его взаимовыгодного характера. В частности, несмотря на санкции и обвал рубля, «Inditex» продолжает рассматривать российский рынок в качестве одного из важнейших. По состоянию на конец октября 2014 г. в России было 442 торговые точки этой группы [32]. Важно и то, что

в начале 2015 г. российская железнодорожная транспортная система впервые стала использоваться для транспортировки грузов между Испанией и Китаем, что принесло ощутимую материальную выгоду всем трем странам [33].

Таким образом, даже в условиях «войны санкций» остаются реальные возможности продвинуть вперед российско-испанские торгово-экономические отношения, в том числе через сближение бизнес-структур и взаимное переплетение предпринимательских капиталов.

Подводя итог, отметим, что в посткризисной Испании явственно прослеживается формирование контуров новых экономических и социально-политических реалий, складывается модель роста, которая по всем основным параметрам отличается от докризисной. Эта модель носит сравнительно целостный характер, поскольку охватывает все стороны жизни испанского общества, но ее функционирование будет происходить в сложной внутренней и внешней обстановке и характеризуется высокой степенью неопределенности.

Примечания:

1. Яковлев П. П. Еврокризис и новая модель развития Испании // Перспективы. 11.11.2013. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/jevrokrisis_i_novaja_model_razvitija_ispanii_2013-11-11.htm (дата обращения: 08.05.2015); Яковлев П.П. Европейский кризис в зеркале Испании // Перспективы. 06.11.2012. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/jevroejskij_krizis_v_zerkale_ispanii_2012-11-06.htm (дата обращения: 08.05.2015) и др.
2. INE. Boletín Mensual de Estadística. Enero 2015. — Access mode: <http://www.ine.es/en/da>
3. Gobierno de Espana. Informe Mensual de Comercio Exterior. Diciembre 2014. P. 6.
4. UNCTAD. World Investment Report 2014. Investing in the SDGs: an Action Plan. United Nations, New York and Geneva, 2014. P. 209.
5. Ontiveros Emilio. Objetivo: la internacionalización // El País, 21.12.2014.
6. INE. Boletín Mensual de Estadística. Enero 2015. — Access mode: <http://www.ine.es/en/da>
7. Gobierno de España. Estrategia española de política económica. Balance y reformas estructurales para el próximo semestre. 27 de septiembre de 2012. P. 10, 39.
8. Gobierno de España. Síntesis de Indicadores Económicos. Madrid, 19.03.2015. P. A1-3.
9. Repsol alcanza un acuerdo con Talismam Energy para adquirir la compañía canadiense. 16 de diciembre de 2014. — Access mode: http://www.repsol.com/pe_es/corporacion/prensa/notas-de-prensa/ultimas-notas/16122014-repsol-alcanza-un-acuerdo-con-talisman-energy-para-adquirir-la-compania-canadiense.aspx (fecha de trato: 08.05.2015)
10. Iberdrola USA acuerda la integración de UIL Holdings Corporation para crear un líder eléctrico en Estados Unidos. 26/02/2015. — Access mode: http://www.iberdrola.es/sala-prensa/notas-prensa/nacionales-internacionales/2015/detalle/nota-prensa/150226_NP_01 UILHoldings.html (fecha de trato: 08.05.2015)

11. The OHL Group in figures. — Access mode: <http://www.ohl.es/en/about-us/key-figures/> (date of access: 08.05.2015)
12. По имеющимся экспертным оценкам, докризисный уровень занятости будет достигнут только в 2020 г., когда безработицу удастся снизить до 8,7%. (Es posible recuperar todo el empleo en 2020. — Cinco Días. Madrid, 23.02.2015).
13. Laborda Ángel. Los salarios, variable clave de una economía // El País, 22.03.2015.
14. Crisis, desigualdad y pobreza. Informe de Intermon Oxfam # 32, 13 diciembre 2012. P. 45.
15. Gobierno de España. Estrategia española de política económica. Balance y reformas estructurales para el próximo semestre. 27 de septiembre de 2012. P. 50.
16. Trends in Top Incomes and their Taxation in OECD Countries. — Access mode: <http://dx.doi.org.10.1787/5jz43jhlz87f-en> (date of access: 03.01.2015)
17. Piketty Tomas. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge — London, 2014.
18. Gálvez J. Jiménez. Piketty a Sánchez: “No basta con quejarse de Alemania” // El País, 8.01.2015.
19. Costas Antón. El fatalismo de la desigualdad inevitable // El País, 29.03.2015.
20. Rivera Albert. Ciudadanos, un proyecto para España // El País, 19.04.2015.
21. Chislett William. Ciudadanos gains ground in Spain’s political landscape. 09.03.2015. — Access mode: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/web/rielcano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/commentary-chislett-ciudadanos-gains-ground-in-spains-new-political-landscape#.VP4C7WTF-ib (date of access: 03.01.2015)
22. De Azua Felix. El mañana es cosa de ayer // El País, 03.03.2015.
23. Ciclo político, ciclo económico y ciclo inversor // Cinco Días, 07.03.2015.
24. Подробнее см.: Яковлев П.П. Испания и Латинская Америка: перезагрузка отношений // Латинская Америка. 2013. № 3.
25. Там же.
26. Rajoy asegura que España es el “principal abogado” de Centroamérica en Europa. 9 de marzo de 2015. — Access mode: http://www.lacerca.com/noticias/espana/rajoy_asegura_espana_principal_abogado_centroamerica_europa-248915-1.html (fecha de trato: 03.01.2015)
27. Brasil y España buscan duplicar los intercambios comerciales y las inversiones bilaterales en diez años. 22 de abril de 2015. — Access mode: <http://www.lamoncloa.gob.es/>
28. Cinco Días, 9.12.2012.
29. Sánchez-Vallejo María Antonia. Tsipras responde a las críticas internas con un ataque a Rajoy // El País, 28.02.2015.
30. Putin critica la compra de trenes Talgo a España // El País, 18.02.2015.
31. «Наша первая задача — остановить гонку санкций и контрсанкций» // Коммерсант. 02.12.2014. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2623656?isSearch=True> (дата обращения: 03.01.2015)
32. Delgado Cristina. Inditex concentra en Rusia sus aperturas pese a la crisis del rublo. // El País, 14.12.2014.
33. Carbajosa Ana. Sale de Madrid el primer tren piloto rumbo a China // El País, 30.01.2015.

Литература:

- «Наша первая задача — остановить гонку санкций и контрсанкций» // Коммерсант. 02.12.2014. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2623656?isSearch=True> (дата обращения: 03.01.2015)
- Яковлев П. П. Еврокризис и новая модель развития Испании // Перспективы. 11.11.2013. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/europe/jevrokrizis_i_novaja_model_razvitija_ispanii_2013-11-11.htm (дата обращения: 08.05.2015)
- Яковлев П. П. Пять измерений Испанского кризиса // Перспективы. 01.04.2013. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/europe/pat_izmerenij_ispanskogo_krizisa_2013-04-01.htm (дата обращения: 08.05.2015)
- Яковлев П.П. Европейский кризис в зеркале Испании // Перспективы. 06.11.2012. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/europe/jevropeskij_krizis_v_zerkale_ispanii_2012-11-06.htm (дата обращения: 08.05.2015)
- Яковлев П.П. Испания и Латинская Америка: перезагрузка отношений // Латинская Америка. 2013. № 3.
- Brasil y España buscan duplicar los intercambios comerciales y las inversiones bilaterales en diez años. 22 de abril de 2015. — Access mode: <http://www.lamoncloa.gob.es/>
- Carbajosa Ana. Sale de Madrid el primer tren piloto rumbo a China // El País, 30.01.2015.
- Chislett William. Ciudadanos gains ground in Spain's political landscape. 09.03.2015. — Access mode: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/web/rielcano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/commentary-chislett-ciudadanos-gains-ground-in-spains-new-political-landscape#.VP4C7WTF-ib (date of access: 03.01.2015)
- Ciclo político, ciclo económico y ciclo inversor // Cinco Días, 07.03.2015.
- Costas Antón. El fatalismo de la desigualdad inevitable // El País, 29.03.2015.
- Crisis, desigualdad y pobreza. Informe de Intermon Oxfam # 32, 13 diciembre 2012. P. 45.
- De Azua Felix. El mañana es cosa de ayer // El País, 03.03.2015.
- Delgado Cristina. Inditex concentra en Rusia sus aperturas pese a la crisis del rublo. // El País, 14.12.2014.
- Es posible recuperar todo el empleo en 2020 // Cinco Días. Madrid. 23.02.2015.
- Gálvez J. Jiménez. Piketty a Sánchez: “No basta con quejarse de Alemania” // El País, 8.01.2015.
- Gobierno de España. Estrategia española de política económica. Balance y reformas estructurales para el próximo semestre. 27 de septiembre de 2012.
- Gobierno de España. Informe Mensual de Comercio Exterior. Diciembre 2014. P. 6.
- Gobierno de España. Síntesis de Indicadores Económicos. Madrid, 19.03.2015. P. A1-3.
- Iberdrola USA acuerda la integración de UIL Holdings Corporation para crear un líder eléctrico en Estados Unidos. 26/02/2015. — Access mode: http://www.iberdrola.es/sala-prensa/notas-prensa/nacionales-internacionales/2015/detalle/nota-prensa/150226_NP_01 UILHoldings.html (fecha de trato: 08.05.2015)
- Laborda Ángel. Los salarios, variable clave de una economía // El País, 22.03.2015.
- Ontiveros Emilio. Objetivo: la internacionalización // El País, 21.12.2014.
- Piketty Tomas. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge — London, 2014.
- Putin critica la compra de trenes Talgo a España // El País, 18.02.2015.
- Rajoy asegura que España es el “principal abogado” de Centroamérica en Europa. 9 de marzo de 2015. — Access mode: http://www.lacerca.com/noticias/espana/rajoy_asegura_espana_principal_abogado_centroamerica_europa-248915-1.html (fecha de trato: 03.01.2015)

- Repsol alcanza un acuerdo con Talismam Energy para adquirir la compañía canadiense. 16 de diciembre de 2014. — Access mode: http://www.repsol.com/pe_es/corporacion/prensa/notas-de-prensa/ultimas-notas/16122014-repsol-alcanza-un-acuerdo-con-talisman-energy-para-adquirir-la-compania-canadiense.aspx (fecha de trato: 08.05.2015)
- Rivera Albert. Ciudadanos, un proyecto para España // El País, 19.04.2015.
- Sánchez-Vallejo María Antonia. Tsipras responde a las críticas internas con un ataque a Rajoy // El País, 28.02.2015.
- The OHL Group in figures. — Access mode: <http://www.ohl.es/en/about-us/key-figures/> (date of access: 08.05.2015)
- Trends in Top Incomes and their Taxation in OECD Countries. — Access mode: <http://dx.doi.org/10.1787/5jz43jhlz87f-en> (date of access: 03.01.2015)
- UNCTAD. World Investment Report 2014. Investing in the SDGs: an Action Plan. United Nations, New York and Geneva, 2014. P. 209.

Authors

Alexander BARSUKOV — Deputy Dean of the Faculty of Politics and International Relations; Siberian Institute of Management, RANHiGS; Ph.D in political science; amb2@inbox.ru.

Sergey BIRIYUKOV — Professor of Kemerovo State University; Doctor of Political Sciences; birs.07@mail.ru.

Yury GRANIN — Leading researcher, Institute of Philosophy, RAS; Doctor of Philosophy; maily-granin@mail.ru

Vladimir KONDRATEV — Head of the Center for Industrial and Investment Studies, Institute of World Economy and International Relations, RAS (IMEMO); Full Professor, Doctor of Economics; v.b.kondr@imemo.ru.

Irina KUDRYASHOVA — Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); Senior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) RAS; kudryashova23@yandex.ru.

Ekaterina NAROCHNITSKAYA — Leading Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) RAS; Director of the Research Centre of the Foundation for Historical Outlook; editor in chief of «Perspectives and prospects. E-journal»; Ph.D in history; ye_naroch@inbox.ru.

Elena PINYUGINA — Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) RAS, Ph.D in political science; pinjugina@rambler.ru.

Petr YAKOVLEV — Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Doctor of Economics; yakovlev@yandex.ru.

Abstracts and Keywords

Yury GRANIN

THE NATION STATE IN THE POST-MODERN ERA: THREATS AND PROSPECTS

Abstract. *The risks for many national and multinational European countries arise from the erosion of the “cultural basis” (cultural code) on which their national identity is built. Challenges to the later come not only from the ideology of neoliberalism, as manifested in the principles of political tolerance, political correctness and multiculturalism, but also from the proliferation of a diverse stream of ideologies (or outlooks) of post-modernism, which express a transformation of the spirit of European-Atlantic civilisation and its rejection of the values of Christianity and of the Enlightenment.*

Keywords: *globalisation, nation state, culture, multiculturalism, nation, political correctness, post-modernism.*

Ekaterina NAROCHNITSKAYA

THE STATE AND THE CHALLENGE OF SEPARATISM: BETWEEN SECESSION, AUTONOMY AND NEW REGIONALISM

Abstract. *The author draws attention to the appearance of a new theoretical and ideological dimension in the theme of separatism, arising from differences surrounding the perspective of the institute of the state, and the overall future of the world order. The article considers the controversial aspects of the political term ‘separatism’, as well as the ambivalent relationship between separatism, secessionism, autonomism, and European regionalism. A comparative analysis is made between the similarities and primary differences of autonomism and secessionism as two competing strategies in the resolution of similar conflicts.*

Keywords: *separatism, secessionism, autonomism, secession, autonomy, legal separatism, illegal separatism, European regionalism.*

Irina KUDRYASHOVA

THE ARAB STATE BEFORE AND AFTER THE ARAB SPRING

Abstract. *The article treats the main trends of political modernization in the Arab world, starting from the Ottoman period and ending with the present stage. It also explores the causes and consequences of competition between Islamic, pan-Arab and statist ideas and identities in the public sphere. The Arab Spring events provide a ground for explaining autocracies survival and for thinking about prospects for democratization in conjunction with the effectiveness of political institutions.*

Keywords: *Arab state, “Arab Spring”, nationalism, Islam, autocracy, democratization*

Petr YAKOVLEV**STATE AND SOCIETY IN LATIN AMERICA: THEN AND NOW**

Abstract. *The article focuses on the role of the state in Latin America. The author examines the issue in historical perspective, concluding that at different times the state acted as the principle force in achieving economic growth and social advancement which has had both positive and negative results. The role of the state in Latin America is inherently pervasive, a trait it shares with Russia — since in both cases there is a dominance of state-determined models of development.*

Keywords: *Latin America, state and society, historical stages, Russia, state-centrism, etatism, national models of development.*

Alexander BARSUKOV, Sergey BIRIYUKOV**ETHNO-REGIONAL PARTIES AND THE POLITICAL PROCESS IN BELGIUM**

Abstract. *The paper focuses on the political parties representing the three regional component areas of the Belgian federation. The authors discuss the parties' ideological platforms, and their approaches to the main issues in the Belgian political agenda and their prospects. All of these aspects are analysed in the context of the seminal question for today's Belgium, about the way in which the federal state structure of the country can be transformed, in addition its socio-economic problems.*

Keywords: *Belgium, federalism, national question, ethno-linguistic parties, federal reform, problems of national unity*

Elena PINYUGINA**THE ISLAMISATION OF BRITAIN:
THE SOCIAL AND POLITICAL CONSEQUENCES**

Abstract. *In Britain today, just as in other West European countries, there is a rapid growth of the Muslim population. A new era has dawned in which the existence of a population of Islamic immigrants and their descendants has begun to influence the host society significantly. The author analyses the main trends in British integration policy, and its ambiguous results. The article addresses such issues as the representation of Muslims in government and in public administration; the adaptation of financial, social, legal, educational and other national structures to the Islamic culture.*

Keywords: *immigration in Britain, Islamic integration, policy of integration, institutionalised Islam, Islamisation, results of immigration, Islamic radicals.*

Vladimir KONDRATEV**THE WORLD ECONOMY UNDER CHEAP OIL PRICES**

Abstract. *Although commodities such as oil always go through cycles, the oil price falls of recent year have prompted a lot of speculation about what it all means in the longer term. This paper attempts to answer this question by putting the several oil supply and demand trends in a global context, and exploring what the oil price decline means for the producers, consumers, investors and global economic growth.*

Keywords: *oil prices, economic growth, producers, consumers, investors*

Petr YAKOVLEV**SPAIN: THE EFFECTS OF CRISIS
AND A POST-CRISIS MODEL OF DEVELOPMENT**

Abstract. *The author examines how a new model of economic and political development is being worked out in post-crisis Spain. Recovering from the 2008-2009 crisis implies structural shifts in economy, which are now taking place within a changing political and international framework. One of the major changes has been a breakdown of the two-party system due to the appearance of new parties contesting the established status quo. This factor could have a decisive impact on the 2015 general election in Spain and on the future evolution of the country.*

Keywords: *Spain, economic crisis, post-crisis model, social problems, political struggle, new parties, international situation, general election.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2015

№3

(июль — сентябрь)

E-journal «Perspectives and prospects»

2015

№3

(July — September)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Трубная, д. 21/11

тел./факс: +7 (495) 789 80 87